

Марио Варгас Льюса

Кто убил Паломино Молеро?

Перевод с испанского А. Богдановского
Предисловие А. Кофмана
Варгас Льюса М.
Кто убил Паломино Молеро? : Повесть. Пьеса
М.: Известия, 1989. (Библиотека журнала "Иностранная литература")
OCR Бычков М.Н.

Новая линия в творчестве Варгаса Льюсы

Последнее время имя Марио Варгаса Льюсы на страницах нашей и иностранной печати все чаще упоминается в так называемом внелитературном контексте. Эпатирующие политические заявления, свидетельствующие о "поправении" писателя, активные выступления против национализации перуанских банков, баллотировка на пост президента страны от Демократического фронта - блока правых партий - все это вызвало бурную полемику в среде международных деятелей культуры. Что же касается сферы писательского творчества, то Варгас Льюса всегда (в том числе и в недавних своих выступлениях) отделял ее от политики и журналистики как особый род человеческой деятельности, где царят свои особые законы и стимулы, главными из которых он всегда считал нонконформизм, неприятие существующей реальности, дух мятежа. "Писатель был, есть и всегда будет недовольным - дело обстоит именно так и никак иначе. Человек удовлетворенный, согласный, примиренный с действительностью не способен писать..." - эту мысль, высказанную еще в 1967 г. при вручении ему премии Ромуло Гальегоса, Варгас Льюса с тех пор подчеркивал и варьировал в очень многих своих выступлениях и повторил почти буквально год назад в одном из интервью: "Главным стимулом писательского творчества всегда был и остается бунт против реальности, рождающий стремление создать новую, вербальную реальность". Действительно, дух мятежа, проявляющийся и в плане эстетическом - в смелых формальных экспериментах, - ощутим во всех произведениях Варгаса Льюсы.

Русскому читателю Варгас Льюса известен как мастер большой формы, автор романов "Город и псы" (1963, рус. пер. 1965), "Зеленый дом" (1966, 1971), "Капитан Пантелеев и Рота добрых услуг" (1973, 1979), "Тетушка Хулия и писака" (1978, 1979), "Война конца света" (1981, 1987). Роман писатель всегда называл "наивысшим" литературным жанром, ценя в нем "внутренний импульс к всеохватному отражению реальности" и способность к ее постижению одновременно на различных уровнях; однако это открытое предпочтение не помешало ему пробовать свои силы в других жанрах. Насколько удачны эти пробы, предоставляем судить читателю, предлагая его вниманию одну из последних прозаических работ Варгаса Льюсы, детективную повесть. "Кто убил Паломино Молеро?" (1986) и пьесу "Барышня из Такны" (1981).

Само по себе обращение перуанского писателя к детективному жанру не должно удивлять: Варгас Льюса никогда не скрывал своего пристрастия к авантюрному роману и увлекательному сюжету; за два года до появления повести Варгас Льюса говорил: "...Мне всегда хотелось написать авантюрный роман, но не такой, где сюжет оторван от исторической реальности, а иной, укорененный в близкой мне действительности и в то же время показывающий экстраординарные события, выходящие за границы человеческого..." Как раз именно такого типа произведение и представляет собой публикуемая повесть, чье действие протекает на фоне детально прописанной, знакомой автору до мелочей жизни перуанской провинции.

Учитывая признания автора, важно подчеркнуть, что к повести, очевидно, не следует относиться "абсолютно всерьез", то есть как к реалистическому социально-обличительному философскому произведению (хотя есть в ней приметы и реализма, и обличительности, и философии). Думается, необходимо сменить привычный ракурс и постараться увидеть в повести ее главный эстетический организующий принцип, а именно принцип игровой, стилизаторский: только тогда читателю, привыкшему к изощренной технике, новаторству, усложненности романов Варгаса Льюсы, станут понятны столь удивляющие черты повести, такие, как нарочитая простота формы, традиционная повествовательная техника, незамысловатые психологические мотивировки.

Какое стилизаторство имеется в виду? Ее источник - массовая литература, к которой Варгас Льюса испытывает давний нескрываемый интерес, нашедший отражение в романе "Тетушка Хулия и Писака". Напомним: этот роман наполовину состоит из пародируемых текстов радионовелл, сочиняемых неким Педро Камачо, одним из основных героев повествования. Не имея каких-либо тематических ограничений, радионовелла объединяет любые жанры массовой литературы; главная же цель ее - в сущности, та же, что привлекает и Варгаса Льюсу, который несколько лет назад, признаваясь в любви к А. Дюма, говорил: "Полностью подавить критические защитные реакции читателя, околдовать его, поглотить, заставить воспринять повествование с наибольшим возбуждением, подъемом души, с полной отдачей магии сюжета - вот задача того типа романистов, каким хотел бы стать и я". Но в радионовелле эта задача превращается в самоцель, и решают ее, не брезгуя никакими средствами, точнее сказать, пользуясь стереотипными, отработанными, примитивными средствами. В этом смысле повесть Варгаса Льюсы несомненно связана с эстетикой радионовеллы (и вообще массовой литературы); на эту связь автор сам недвусмысленно указывает, упоминая в тексте Педро Камачо и вводя в качестве одного из главных героев сержанта Литума.

Этот многоликий персонаж впервые появляется в романе "Зеленый дом", завершая свою полицейскую карьеру в неприглядном качестве сутенера; в радионовеллах графомана Камачо, где ему суждено многожды погибать и воскресать, он предстает в обличье бесстрашного служаки; в повести "Кто убил Паломино Молеро?" сержант Литума выступает в несколько иной ипостаси: служаки, но на редкость впечатлительного, нервного и сентиментального. Обратим внимание на его реакции: "Литума заметил, что и его бьет дрожь"; "Литума почувствовал, что по щеке у него проползла слеза..."; "У Литумы засосало под ложечкой"; "Сердце у Литумы затрепыхалось. Весь он облился потом, почувствовал, как влажными стали лоб и рубаха на спине"; "Литуме казалось, что он ощущает, как течет у него по жилам медленная густая темно-красная кровь, как стучит в висках, пульсирует в запястье" и т.п. Сами по себе характеристики психологических состояния, как видим, вполне в стиле Педро Камачо; образ же сержанта, очевидно, и призван нагнетать,

аккумулировать всякого рода "страсти" и эмоции.

В ином ключе - но тоже в традициях массовой литературы выполнен образ лейтенанта Сильвы: вот это "классический" сыщик, невозмутимый, бесстрашный, к тому же истинный мачо (латиноамериканский фольклорный архетип "настоящего мужчины") - в общем, как не без доли женской проницательности обзывает его донья Адриана, "супермен хренов". Таковой супермен вместе со своим мачизмом привносит в повесть обилие того, что другая героиня опять же с типичной женской проницательностью называет "похабничанием". "Мне на этом свете, - заявляет лейтенант Сильва, - надо два дела сделать: натянуть донью Адриану и найти убийц Паломино Молеро", - так эти два "дела", накрепко увязанные друг с другом, и организуют действие повести. Здесь, впрочем, необходимо сделать существенную оговорку. Подчеркнутое уравнивание столь неравноценных, в нашем понимании, "задач" в контексте мышления латиноамериканского писателя (а тем более латиноамериканского мачо) представляется вполне органичным. Этой проблеме было посвящено выступление И. А. Тертерян на одной из дискуссий. "Сексуальное поведение героев латиноамериканских романов, - отмечала исследовательница, - находится в глубокой связи с их поведением во всех других сферах жизни... Сексуальность всегда связана с системой оценки - не прямой моральной оценки, а с более сложной и скрытой оценкой, притом не только персонажей, но и явлений, социальных сил, событий... Нарушение, предательство естественной нормы сопряжено с искажением общественно-нравственной позиции персонажа". Вот почему мачизм Сильвы, одобренный изрядной долей пресловутой "похабщины", выступает в его характере как положительный комплекс - как бы естественным дополнением к тому, что "он за справедливость костями ляжет" (слова Литумы). И наоборот, извращение естественной нормы более всего прочего характеризует главного убийцу Паломино и связывается с общими нарушениями морали, культуры, социальной справедливости, с расовыми и кастовыми предрассудками.

Стилизация произведений массовой литературы почти всегда выливается в пародирование. Повесть Варгаса Льосы необычна тем, что пародийные элементы в ней затушеваны: автор "играет" в радионовеллу "всерьез", порою как бы сам забывая об игре, вводя в заблуждение рядового читателя. Очевидно, по этой причине переходящий из книги в книгу сержант Литума в той ипостаси, в какой мы встречаемся с ним в повести, с его "естественной" реакцией на проявления жестокости, насилия, расизма обладает как раз той магией, которая, по приведенным выше словам Варгаса Льосы, "полностью подавляет критические защитные реакции читателя, околдовывает его". Подобная "серьезная игра" в массовую литературу, конечно, небезынтересна; но не таит ли она в себе доли опасности? <...>

А. Кофман

I

- Драть меня в лоб, - одолевая приступ дурноты, сказал Литума. - Отделали на славу.

Тело юноши, повешенного и посаженного на острый сук рожкового дерева, и вправду было изуродовано так, что больше напоминало тряпичную куклу или чучело, какое сжигают на масленицу. Ярость убийц была безмерна: они исполосовали его ножами, отрезали нос и уши, на теле, покрытом сгустками засохшей крови, виднелись лиловые кровоподтеки, следы резаных ран и ожогов.

Тыкали сигаретой, сообразил Литума. Вдобавок ко всему юношу собирались оскопить. Убитый - совсем юный, смуглый, хрупкий, костлявый - был бос и одет в одну только рубашку, разодранную в клочья. Над мелкими колечками черных блестящих волос вились мухи. Вокруг по каменистому пустырю бродили козы, пощипывали чахлую травку, и Литума вдруг подумал, что они вот-вот примутся глотать ступни убитого. Снова подкатила тошнота.

- Кто же это его так? - пробормотал он.

- Почему мне знать?! - отозвался пастух. - Меня в это дело не впутывай.

Скажи спасибо, что я сообщил на пост.

- Никто тебя и не впутывает. Просто в голове не укладывается, что есть на свете такие изверги.

Да, когда сегодня утром глазам пастуха, пригнавшего сюда своих коз, предстала такая картина, немудрено было и зайкой остаться, однако он показал себя сознательным гражданином: бросил коз, а сам помчался в Талару сообщить в полицию. Молодец пастух - до Талары ходу быстрым шагом не менее часу. Литума вспомнил, как просунулось в дверь залитое потом лицо и прерывающийся голос сказал:

- Там, на дороге в Лобитос, зарезали кого-то! Если желаете, провожу, покажу, только собирайтесь живей. Я оставил коз без присмотра, как бы не угнали.

К счастью, на коз никто не польстился; когда прибыли на место. Литума, которого от жуткого зрелища проняла дрожь, слышал, как пастух, пересчитав стадо, вздохнул с облегчением: "Все тут".

- Мать божья! - воскликнул за спиной Литумы таксист. - Что же это делается?

Хотя по дороге пастух рассказал им, в каком виде обнаружил он труп, но одно дело слышать, и совсем другое - взглянуть собственными глазами да еще и запах ощутить. Смрад шел такой, что в голове мутилось, да и неудивительно: от солнца, казалось, камни расплавятся, мозги растекутся. Труп начал разлагаться.

- Помоги-ка мне вынуть его из петли, - попросил Литума.

Таксист перекрестился и сплюнул.

- Вот повезло-то, - проворчал он. - Знать бы раньше, на что пригодится мой "форд", ни за что бы не купил. Вечно вы с вашим лейтенантом пользуетесь моей добротой.

Дон Херонимо был в Таларе единственным таксистом, и старый автомобиль его, черный и громоздкий, как катафалк, имел право въезжать в запретную зону, где помещались здания "Интернэшнл петролеум компани" и жили служившие там американцы. Лейтенант Сильва и Литума пользовались его услугами всякий раз, когда до места происшествия было не добраться верхом или на велосипеде - единственном транспорте, находившемся в распоряжении местной полиции, - и всякий раз таксист бранился и ворчал и говорил, что из-за них он лишается законного заработка, хотя лейтенант платил за бензин.

- Стой, стой, дон Херонимо! - спохватился Литума, когда они уже собрались приподнять тело. - Нельзя трогать его, пока не придет следователь.

- Иными словами, мне придется еще раз прокатиться в город и обратно? - хрипло спросил таксист. - Предупреждаю: ваш следователь заплатит за дорогу в оба конца. Иначе не повезу!

Он рассек воздух ладонью, но в этот миг взгляд его вытаращенных глаз наткнулся на убитого.

- Да ведь я его знаю! - воскликнул он.

- И кто же это?

- Новобранец с авиабазы! Ну конечно! Родом он, кажется, из Пиуры. У него еще голос был редкостный.

II

- Голос был редкостный? Должно быть, это тот самый, о ком я тебе говорил, - сказал Моно.

- Он и есть, - кивнул Литума. - Мы проверили. Он. Звали его Паломино Молеро, жил на улице Кастилии. Только от этого не становится ясней, кто его и за что.

Разговор этот происходил в маленьком кафе Чунги, неподалеку от спортивного зала, откуда доносились крики болельщиков: в эту минуту начинались соревнования по боксу. Литума, у которого сегодня был выходной, приехал в Пиуру на грузовике нефтяной компании, а в полночь собирался на нем же вернуться назад, в Талару. Наезжая в Пиуру, Литума непременно шел повидаться со своими двоюродными братьями - Хосе и Моно Леонами - и со старинным приятелем Хосефино из квартала Гальинасера. Сам Литума и братья Леон родились в квартале Мангачерия, издавна соперничавшем с Гальинасерой, однако дружба, связывавшая четверых мужчин, сумела возвыситься над квартальной рознью. Литума, братья Леон и Хосефино жить не могли друг без друга; члены этого союза, называвшие себя "непобедимыми", имели свой собственный гимн.

- Распутай это дело, Литума, и тебя произведут в генералы, - не без ехидства сказал Моно.

- Да, попробуй-ка распутай: никто ничего не знает, никто ничего не видел. И хуже всего то, что от властей никакого содействия ждать не приходится.

- Позволь, разве не ты у нас в Таларе главный? - удивился Хосефино.

- Мы с лейтенантом Сильвой - представители закона, а содействовать нам должно командование авиабазы: убитый-то был военнотружущим. Но от ВВС помощи хрен дождешься. - Литума сдул пену и, разинув рот на манер крокодильей пасти, глотнул пива. - Драть их всех в лоб! Если бы вы видели, что осталось от этого бедолаги, и у вас бы настроение испортилось, и к девкам тоже бы дорогу забыли. Тогда вы уразумели бы, почему я ни о чем другом и думать не могу..

- Да мы уразумели, Литума, - сказал Хосефино, - все уразумели. Только хватит об этом. Ты уж нам все мозги продолбил.

- Твоя служба даром не проходит, - сказал Хосе. - Малость повредился ты в полиции, вот что, Литума. Или вовсе не годишься ты для этого: у настоящего полицейского сердце каменное, он в случае чего родную мать не пожалеет. А ты уж больно чувствителен и мягкотел: чуть что - сопли распускаешь.

- Что есть, то есть, - сокрушенно признал Литума. - Никак не могу позабыть этого паренька. Даже во сне снится. Оттянули бедняге чуть не до колен все хозяйство да еще и раздавили.

- Кстати, о хозяйстве: как твой лейтенант? Дала она ему наконец? - спросил Хосе.

- Да! Верно! Совсем ты нас заморочил! - подхватил Хосефино. - Расскажи про лейтенанта Сильву. Как подвигаются его дела с толстухой?

- Никак не подвигаются. Жизни не хватит, чтоб ее улестить, - вздохнул Литума.

Хосе встал из-за стола.

- Не сходить ли нам пока в кино? До ночи тут с тоски подохнешь. В

"Варьедадес" нынче крутят что-то из мексиканской жизни, с Роситой Кинтаной. Пошли! Начальник нас угощает.

- Денег нет, - сказал Литума. - Даже за пиво не расплатиться. Поверишь в долг, Чунгита? Я отдам.

- Мамаше своей заливай, - мрачно отозвалась из-за стойки хозяйка.

- Другого ответа и не ждал. Не волнуйся, заплачу. Это я так, в шутку.

- С мамашей своей шути, - зевнула Чунга.

- Два - ноль в пользу Чунги! - выкрикнул Моно.

- Не сердись, хозяйюшка, - сказал Литума. - Вот, получи. И не трогай больше мою бедную маму - она уже давно спит в Симбиле вечным сном.

Чунга, женщина высокого роста, сурового вида и неопределенного возраста, проворно сгребла кредитки, пересчитала их и выложила на стойку сдачу, когда полицейский, братья Леон и Хосефино уже направлялись к дверям.

- Давно хочу тебя спросить, Чунгита, - обернулся к ней Хосефино. - Как это до сих пор за твою доброту и любезность никто не шарахнул тебя бутылкой по башке?

- Больно ты любопытный, - не устаивая его взглядом, ответила та.

- Ну, не отчаивайся, еще шарахнут, уж очень ты мила.

- Как бы тебя самого не шарахнули, - зевнула хозяйка, снова возвращаясь за стойку - толстую доску, положенную на стоящие в ряд бочки.

Четверка "непобедимых", увязая в песке, дошла до шоссе, миновала Клуб и двинулась к памятнику Грау. Ночь была тихая, теплая, звездная. Пахло сладкими рожками, козьей шерстью, чем-то жареным, и Литума, который все никак не мог позабыть изуродованный труп Паломино Молеро, спросил себя, а не напрасно ли пошел он на службу в полицию, покончив с вольготным житьем "непобедимого"? Нет, не напрасно. Хотя крутишься как белка в колесе, но зато сыт каждый день и в будущее смотришь без боязни. Хосе, Моно и Хосефино насвистывали вальс, а он пытался представить себе воркующий голос убитого паренька и пленительную мелодию его болеро - в этом искусстве он, по общему мнению, не знал себе равных. У входа в кинотеатр Литума распрощался с приятелями, наврав им, что сегодня грузовик нефтяной компании возвращается в Талару раньше обычного и он боится опоздать. Они попытались было выцыганить у него денег в долг без отдачи, но Литума пресек их поползновения в корне.

На углу площади Армас он заметил поэта Хоакина Рамоса - вставив в глазницу монокль, он неясно обнимал козу, называя ее газелью. Площадь была, как на праздник, запружена народом. Литума, ни на кого не обращая внимания, скорым шагом, словно торопился на свидание, пересек Старый Мост и вышел к улице Кастилии. Мысль эта осенила его, еще когда они пили пиво. А вдруг ее нет дома? А вдруг она решила покинуть город, где все напоминало ей о несчастье, и переехать еще куда-нибудь?

Однако женщина, луща кукурузные початки, сидела на скамеечке перед домом - наверно, вышла подышать вечерней прохладой. Дверь в глинобитную лачугу была открыта, и керосиновая лампа освещала убогое убранство: продранные соломенные стулья, стол, ларь, служивший, должно быть, буфетом. На стене висела цветная фотография. "Паломино", - сообразил Литума.

- Вечер добрый, - произнес он, подойдя ближе. Женщина - она была босиком и в том же черном платье, в котором он ее видел утром в полиции, - ответила вполголоса и взглянула на Литуму, явно не узнавая его. Неподдалеку, ворча и взирая, возились тощие псы. Откуда-то донесся гитарный перебор.

- Не позволите ли перемолвиться с вами словом, донья Асунта? - со всей почтительностью спросил Литума. - Я насчет вашего сына Паломино.

В полумраке он едва различал ее морщинистое лицо, недоверчивые глаза

под набрякшими веками. Всегда ли у нее были такие глаза или опухли от бесконечных слез, пролитых за последние дни?

- Не узнаете? Я - Литума, полицейский из Талары. Мы с лейтенантом Сильвой снимали с вас показания. Помните?

Женщина что-то невнятно пробормотала и перекрестилась. Литума увидел, что она с трудом поднимается на ноги и идет в дом, неся тарелку с кукурузными зернами и скамеечку. Он двинулся следом, шагнув через порог, снял фуражку. Мысль о том, что он находится под отчим кровом убитого юноши, волновала и угнетала его. Литума явился сюда не по приказу свыше, а по собственному почину, так что пенять надо было на себя.

- Нашли ее? - спросила женщина, и голос ее дрожал и пресекался, как во время допроса в Таларе. Она опустила на стул и, видя, что Литума глядит на нее непонимающе, повторила громче: - Гитару сыночка моего? Нашли?

- Еще нет, - ответил Литума, вспомнив, что на допросе донья Асунта, отвечая на вопросы лейтенанта и заливаясь слезами, настойчиво требовала отдать ей гитару убитого. Однако, когда она ушла, они оба тотчас забыли об этом. - Да вы не тревожьтесь. Разыщем непременно, я вам ее самолично доставлю.

Женщина снова перекрестилась, словно отгоняя нечистого. "Я ей напоминаю о ее беде", - подумал Литума.

- Хотел ведь он тут ее оставить, а я говорила "унеси, унеси", - нараспев заговорила она, кривя беззубый рот. - "Нет, мама, на службе играть мне некогда, и держать ее мне там негде. Пусть здесь лежит, приду в увольнение, поиграю". А я ему: "Забери ее, сынок, пусть она с тобой будет, все веселей, подыграешь себе, как станешь петь. Не разлучайся со своей любимицей, Паломино". Аи, бедный мой сыночек!..

Она заплакала навзрыд, и Литума снова пожалел, что своим приходом растравил ей рану. Смущенно почесываясь, он забормотал какие-то слова утешения, пытаясь справиться с неловкостью, уселся на стул. Да, на фотографии был Паломино после первого причастия. Литума долго смотрел на удлиненное, худое лицо смуглого, тщательно причесанного мальчика в белом костюмчике, с ладанкой на груди, со свечой в правой руке и с молитвенником - в левой. Фотограф подкрасил на снимке щеки и губы. Какой восторг застыл в глазах этого заморыша - точно сам Христос-младенец предстал ему.

- Он уж и тогда на диво хорошо пел, - произнесла донья Асунта, указывая на снимок. - Падре Гарсия его одного позвал петь в церковном хоре. Люди ему хлопали прямо посреди службы.

- Да, все говорят, голос был редкостный, - заметил Литума. - Как знать, может, из него вышел бы настоящий артист - пел бы по радио, ездил бы по всему свету. Все так считают. Тех, у кого такой талант, нельзя в армию забирать.

- Паломино призыву и не подлежал, - сказала донья Асунта. - У него было освобождение.

Литума заглянул ей в глаза, а она опять перекрестилась и заплакала. Литума слушал, как она всхлипывает, смотрел на рой мошек, кружившихся над лампой, с жужжанием бившихся о стекло, ограждавшее пламя. "Ишь самоубийцы, - подумал Литума, - насекомые, а туда же".

- Ворожея сказала, если найдется гитара, то и убийц схватят, - сквозь слезы говорила донья Асунта. - У кого гитара, тот и убил моего мальчика. Убийцы! Убийцы!

Литума покивал. Нестерпимо хотелось курить, но лезть за сигаретами в присутствии этой раздавленной горем женщины было неловко.

- Так вы говорите, Паломино был освобожден от воинской повинности? - нерешительно спросил он.

- Закон такой есть: единственного сына в армию не забирают. Я ведь вдова. Паломино один у меня оставался: двух старших похоронила.

- Закон-то, выходит, нарушили. - Литума снова заскребся, уверенный, что донья Асунта расплатится еще сильнее. - Выходит, его не имели права призывать. Не забрали бы, был бы жив.

Донья Асунта, вытирая слезы краешком юбки, покачала головой. Вдалеке по-прежнему звенели струны гитары, и Литума, отлично сознавая всю нелепость этой мысли, подумал вдруг, что это Паломино Молеро сидит сейчас во тьме на берегу реки, глядит на луну и играет на гитаре.

- Никто его не забирал, - еле вымолвила донья Асунта. - Никто не принуждал. Он сам пошел, добровольно. Хотел в авиации служить. Вот сам и отыскал себе погибель.

Литума молча глядел на нее. Донья Асунта была мала ростом, босые ноги ее едва доставали до полу.

- Сел в автобус, поехал в Талару, на базу, и сказал, что хочет служить в авиации. Сам напросился, беденький мой сыночек, сам к смерти пошел. Сам! Сам!

- Чего ж вы не рассказали об этом лейтенанту? - спросил Литума.

- А разве он спрашивал? О чем спрашивали, о том и рассказывала.

Верно. Ее спрашивали, были ли у Паломино враги, угрожал ли ему кто-нибудь, не случилось ли ему поссориться или сцепиться с кем-либо, не было ли у кого-либо повода мстить ему, не говорил ли он матери, что собирается сбежать с авиабазы. И на все вопросы она тихим голосом отвечала: нет, никто, никогда. Лейтенант в самом деле не спросил у нее, добровольно ли пошел Паломино в армию или же его призвали.

- Что же, ему хотелось быть военным? - удивился Литума. Паломино оказывался совсем не похож на того мальчика с гитарой, которого он себе воображал.

- Сама в толк никак не возьму! - заплакала донья Асунта. - Зачем ты это сделал, сыночек? Куда тебе в летчики?! Зачем тебе в Талару? Самолеты-то разбиваются, хочешь, чтоб я ни днем, ни ночью покоя не знала? И как ты мог решиться на такое, словечком не обмолвившись? "Если бы я раньше сказал, ты бы меня не пустила, мама". Так зачем тебе это, Паломино? "Мне надо жить в Таларе, мама. Это очень для меня важно. Вопрос жизни, мама".

"Скорей смерти", - подумал Литума.

- А почему, сеньора, ему было так важно попасть в Талару?

- Теперь уж я никогда этого не узнаю, - в четвертый или в пятый раз перекрестилась она. - Он мне объяснить не захотел и унес эту тайну с собой в могилу. Ай, Паломино, сынок! На кого ж ты меня покинул?!

Пегая коза просунула голову в дверь и уставилась на женщину большими жалостливыми глазами. Кто-то дернул за веревку, голова скрылась.

- Наверно, он очень скоро и очень горько пожалел о своем поступке, - вслух стал размышлять Литума. - Наверно, он понял, что в армии даром хлеб не едят, и девочки не спешат броситься на шею солдатику. Понял, что дело это тяжелое и трудное. Понял и решил дезертировать. Что ж, это, по крайней мере, я понять могу. А вот за что его убили? Да еще так изуродовали.

Он говорил в полный голос, но донья Асунта, казалось, не слышала его. А может быть, он завербовался, чтобы скрыться из Пиуры, и потому для него это был вопрос жизни? Кто-то пригрозил, что разделается с ним, и он подумал, что на авиабазе будет в безопасности. Однако тягот казармы вынести не смог,

решил дезертировать, ну а тот или те, от кого он бежал, встретили его и убили. Но почему с такой жестокостью набросились на желторотого мальчишку? Конечно, многие идут в армию от несчастной любви. Может, и здесь была такая же история: какая-нибудь девица вскружила Паломино голову, а потом дала отставку или же изменила, вот он с горя и решил убраться куда подальше. А куда? В Талару. А как попасть в Талару? Завербоваться на авиабазу. Все это представлялось Литуме и вполне возможным, и совершенно немислимым. В растерянности он снова нервно почесал шею.

- Вы зачем сюда пришли? - вдруг в упор спросила донья Асунта.

Литума оторопел. А и в самом деле, зачем он пришел? Ни за чем, из праздного и нездорового любопытства.

- Я думал, сеньора, вы наведете меня на след... - пробормотал он.

Женщина глядела на него с омерзением, и Литума подумал: "Понимает, что я вру".

- Вы меня три часа продержали в участке, все выпрашивали и выпытывали, - еле слышно произнесла она. - Чего вам еще надобно? Чего еще хотите? Может, вы думаете, я знаю, кто "убил моего сыночка?"

- Не волнуйтесь, сеньора, - сказал Литума. - Я ухожу, не стану вас больше тревожить. Спасибо вам. В случае чего мы вас известим.

Он поднялся, пробормотал: "Спокойной ночи" - и вышел, не подав донье Асунте руки - боялся, что рука его повиснет в воздухе. Нахлобучил фуражку. Прошел несколько шагов по немощеной улочке Кастилии под яркими бесчисленными звездами - и успокоился. Гитара смолкла; слышались только гомон детворы - дрались ребятишки или играли, понять было нельзя, - да голоса женщин, болтавших у дверей, да лай собак. "Что это со мной? - подумал Литума. - Что это мне нейдет? Бедный Паломино. Да и мне тоже не повезло: как беспечно и бездумно жил я, пока не узнал, что на свете существуют такие звери". Теперь убитый стал казаться Литуме совсем маленьким мальчиком, добросердечным и послушным - мухи не обидит.

Он подошел к Старому Мосту, который соединял два берега Пиуры, но вместо того, чтобы перейти его и вернуться в город, отворил дверь в "Рио-бар". В горле у него пересохло. "Рио-бар" был пуст.

Не успел Литума сесть на табурет, как появился хозяин заведения, Мойсес, человек до того лопухий, что его прозвали Нетопырем.

- Тебя и не узнать в форме, - сказал он, ставя перед Литумой стакан сока. - Ишь вырядился как на карнавал. А "непобедимые" где?

- В кино пошли. - Литума жадно осушил стакан. - А мне уж скоро в Талару возвращаться.

- Веселые дела с этим несчастным Паломино. - Мойсес протянул полицейскому пачку сигарет. - Правда, что его охолостили?

- Да нет, не то что охолостили... - морщась, промычал Литума. Первым делом все непременно осведомлялись об этом, вот теперь и Мойсес примется шутить на эту тему. - Не охолостили, но крепко изуродовали.

- Ясно. - Хозяин пошевелил ушами, похожими на крылья исполинского насекомого. Нос у него тоже был немалых размеров, а подбородок сильно выдавался вперед. Даст же бог такую рожу.

- Ты знавал этого парня? - спросил Литума.

- И ты тоже. Разве не помнишь? Его очень часто нанимали - он пел и на всех праздниках, и в процессии, и в клубе Грау. Голос у него был как у Лео Марини, клянусь, не хуже! Наверняка ты слышал его, Литума.

- Да мне все об этом говорят. Хосефино уверяет, что в ту ночь, когда Паломино пел в кафе Чунги, я тоже там был. Не помню, хоть убей.

Прикрыв глаза, он снова стал вспоминать эту череду неотличимых один от другого вечеров за уставленным бутылками столом, табачный дым, евский глаза, винный перегар, пьяный гомон, заглушавший тихий перебор струн. Всплыл ли в его памяти этот юношески звонкий, мягкий, ласкающий слух голос, который заставлял пускаться в пляс, целовать женщин, нашептывать им на ухо нежную чепуху? Нет, Литума не помнил его. Хосефино ошибся. Его не было с ними в тот вечер; он никогда не слышал, как поет Паломино Молеро.

- Убийц-то нашли? - спросил Мойсес, выпустив дым сразу изо рта и ноздрей.

- Нет покуда. Ты дружил с ним?

- Да нет, пожалуй. Заходил он сюда, сок пил. Разговаривали, конечно, но особенной дружбы не было.

- А скажи, какой он был? Веселый? Говорливый? Или такой молчун - не подступишься?

- Он больше помалкивал, стеснялся. Знаешь, поэтическая натура, не от мира сего. Жалко, что его забрили, муштра - это было не для него.

- Да он призыву не подлежал, - сказал Литума, стряхивая в рот последние капли сока. - Пошел добровольно. Мать в толк не может взять почему. Да и я тоже.

- Может, от несчастной любви? - предположил Мойсес, и уши его зашевелились.

- Похоже, - согласился Литума. - Однако все равно непонятно, кто его убил и за что.

В дверях показались новые посетители, и Мойсес отошел к ним. Литуме самое время было отправляться на поиски грузовика и ехать домой, но он, внезапно обессилев, сидел неподвижно. Ему виделось, как приходит Паломино в богатые кварталы Пиуры, как настраивает свою гитару, как стоит в полутьме под балконами невест и возлюбленных, очаровывать которых его нанимали их женихи и любовники, как получает деньги за эти серенады. Он, наверно, много месяцев копил и откладывал, чтобы купить эту гитару. Почему же все-таки уехать из Пиуры для него был вопрос жизни?

- Вспомнил, - ожесточенно шевеля ушами, сказал Мойсес.

- Что вспомнил?

- Паломино в кого-то влюбился. Что-то он мне рассказывал. Безумная любовь и все такое. Да-да, он говорил.

- В замужнюю, что ли, влюбился?

- Не знаю, Литума. Может, в замужнюю, а может, в монашенку. Мало ли как бывает. Помню, я его спросил: "Эй, певун, чего такой кислый?" А он мне: "Влюбился я, Мойсес, да только ничего из этого не выйдет". Думаю, он и в армию потому пошел.

- Нет, а все-таки почему "ничего не выйдет"? В кого влюбился, не помнишь?

Мойсес покачал головой, и уши его задвигались сами собой.

- Нет. Говорил только, встречаются они украдкой, и по вечерам он издали поет ей серенады.

- Так, - сказал Литума. - Значит, Паломино скрылся из Пиуры потому, что ревнивый муж пригрозил разделаться с ним. Теперь бы узнать, кто была его избранница и почему "ничего не выйдет". Хотя одно понятно: жестокость, с которой убили Паломино, объясняется ревностью.

- Еще знаю, что жила его красавица где-то возле аэропорта. Может, тебе это пригодится? - добавил Мойсес.

- Да?

- Да. Однажды он был здесь, сидел вот где ты сейчас сидишь. Мой приятель собирался в Чиклайо, а Паломино спросил, не подбросит ли он его до аэропорта. "А зачем тебе в аэропорт, певун?" - "Спою, говорит, серенаду одной девушке". Значит, она где-то там обретается.

- Но там вообще ничего нет - песок да роща.

- Раскинь мозгами, Литума, - снова шевельнулись уши Мойсеса. - Подумай, поищи.

- Верно говоришь, - почесал в затылке полицейский. - Там неподалеку - авиабаза и дома летчиков.

III

- Дома летчиков? - переспросил лейтенант Сильва. - Это уже кое-что. Теперь эта сволочь не скажет, что мы попусту время теряем.

Переспросить-то он переспросил, но Литума отлично знал, что лейтенант, хоть и поддерживает разговор, и рассказывает о своей стычке с командиром авиабазы, однако все помыслы его, все силы тела и души устремлены к одной цели - ни на минуту не выпустить из поля зрения донью Адриану, сновавшую с венником по своей харчевне. От ее сноровистых и проворных движений подол платья иногда задирался, открывая могучее бедро, а когда она наклонялась за совком, в вырезе легкого перкалевого платья показывалась высокая, ничем не стесненная грудь. Глаза лейтенанта, не пропускавшие ни одного ее движения, алчно горели. Литума никак не мог понять, чем уж так прельстила донья Адриана его начальника. Лейтенант был юн, светлокоч, с рыжеватыми усиками, почти никогда не снимал темных очков и мог бы покорить сердце любой таларенской девицы. Если бы захотел. Но он не хотел: его влекла только донья Адриана. Он сам признавался Литуме: "Поддела меня толстуха на крючок, будь она неладна". Литума недоумевал. Донья Адриана годилась лейтенанту в матери; в гладко зачесанных ее волосах уже проглядывала седина, а кроме того, она и вправду была очень толста, причем всюду равномерно и одинаково - настоящая бочка сорокаведерная. Муж ее, рыбак Матиас, ночью выходил в море, а днем отсыпался. Жили они в комнатенке при харчевне. Дети их выросли и отделились от родителей; двое сыновей работали в нефтяной компании.

- Глаза проглядите, сеньор лейтенант. Наденьте хоть очки, по крайней мере.

- День ото дня все краше, - не сводя глаз с хозяйки, прошептал тот и потер позолоченный перстенок на безымянном пальце о колено, обтянутое форменными брюками. - Уж не знаю, как она ухитряется, но день ото дня расцветает все пышней.

В ожидании таксиста полицейские пили козье молоко, закусывая бутербродами с жирным белым сыром. Полковник Миндро назначил им быть в половине девятого. Харчевня - убогое строенье из тростника с крытым циновками полом - была пуста. Вдоль стен тянулись полки, уставленные бутылками, жестянками, стояли колченогие стулья. Немногочисленным постояльцам донья Адриана готовила в углу на примусе. Через пролом в стене, заменявший дверь, виднелась хибарка, где спал сейчас Матиас.

- Ох, донья Адриана, вот вы подметали и не слышали, как перевозносил вас наш лейтенант, - с медовой улыбкой заговорил Литума. Хозяйка, раскачивая бедра, воздев венник, приближалась к ним. - Вот, дескать, и годочков не так уж мало, и килограммчики лишние найдутся, а все но нет в Таларе женщины обольстительней.

- Я говорил то, что думал, - ответил лейтенант Сильва, приняв вид

лихого волокиты. - К тому же это чистая правда. Донья Адриана и сама это прекрасно знает.

- Скажите вашему лейтенанту, чтобы он делом занялся чем шутки шутить с матерью семейства. - Донья Адриана со вздохом опустила на скамеечку возле стойки. - Скажите ему, чтобы он, чем порядочной женщине голову морочить, искал бы убийц бедняжки Паломино.

- Ну а если я их найду? - Лейтенант с оттенком некоторого похабства прищелкнул языком. - Какова будет награда? Вы подарите мне ночь любви? Одно ваше слово - и я повергну их к вашим ногам!

"Вон как разошелся, словно она уже согласилась", - подумал Литума. Заигрывания лейтенанта забавляли его, но внезапно он вспомнил про убитого, и сразу стало не до смеха. Если бы эта паскуда полковник согласился им помочь, дело пошло бы на лад: полковник знает о своих подчиненных все - кто судился, кто сидел, - он может допросить любого. Если бы он согласился помочь, они с лейтенантом, глядишь, и напали бы на след тех гадов. Но полковник Миндро думает только о себе. Почему он отказался помочь? Потому что летчики считают себя существами высшего порядка - этакие принцы с голубой кровью. Полицейских они презирают до глубины души и плевать на них хотели.

- Отпустите меня, а не то я разбуду Матиаса! Ни стыда, ни совести! - вскричала в эту минуту донья Адриана, потому что лейтенант, когда она протягивала ему пачку "Инки", схватил ее за руку. - Служанку свою хватайте, а честных женщин оставьте в покое.

Лейтенант выпустил ее и достал сигарету, а донья Адриана, негодуя, отошла. Вечная история: вспыхивает как порох, а сама в глубине души предовольна. "Все они немножко потаскухи", - мрачно подумал Литума.

- Только и разговоров что про убийство, - сказала донья Адриана. - С рождения живу в Таларе, и за все годы первый раз такое злодейство. У нас если и убивали, то в честном бою, как господь заповедал, один на один. А чтоб человека так мучили и терзали - никогда. А вы сидите сиднем. Не стыдно?

- Мы сиднем не сидим, мамаша, - ответил лейтенант Сильва. - Но полковник Миндро нам содействовать не пожелал, допросить товарищей Паломино не позволил. А они бы должны хоть что-то знать. Мы плутаем в потемках по его вине. Но рано или поздно истина откроется.

- Мать до чего жалко, - вздохнула донья Адриана. - Ох уж этот мне полковник Миндро! Спаси в нем слишком много, спаси и гонору: вы бы посмотрели, как он по улицам ходит с дочкой под ручку. На встречного и не взглянет, и не кивнет. Куда там до него папе римскому! А она еще хуже. Принцесса!

Не было еще восьми, а солнце жгло нещадно. Солнечные лучи проникали сквозь щели в тростниковых стенах; светящиеся эти стрелы били в лачугу со всех сторон; плясали пылинки, роем вилась мошкара. На улице было малоллюдно. Литума различал даже приглушенный рокот прибора. Море было неподалеку, и солоноватая свежесть его умеряла зной, хотя Литума знал: здесь, в Таларе, вода покрыта радужной нефтяной пленкой, загажена разной дрянью, выброшенной за борт с портовых баркасов.

- Матиас говорит, божественный был у мальчика голос, пел как настоящий артист, - сказала донья Адриана.

- Разве он его знал? - удивился лейтенант.

- Раза два слышал, когда сети готовил.

Старый рыбак Матиас Кьерекотильо вместе с двумя своими подручными наживлял крючки перемета, как вдруг послышался негромкий перебор гитары. Ночь была лунная, и рыбаки легко различили неподалеку человек шесть с

авиабазы, покуривавших возле лодок на песке. Когда раздался этот голос, Матиас и двое других бросили сети, подошли поближе. Голос был какой-то теплый, от переливов его хотелось вдруг заплакать, и мурашки ползли по спине. Когда паренек спел "Две души", все захлопали,

Матиас попросил позволения пожать певцу руку. "Припомнились мне юные годы, - сказал он ему, - грустно тало". Тогда-то он и узнал, что зовут певца Паломино Молеро, что он новобранец и родом из Пиуры. "Тебе бы по радио петь, Паломино", - сказал один из летчиков. После этого Матиас еще два встречал его на том же месте, когда готовил свой баркас к выходу в море, и каждый раз бросал работу и заслушивался.

- Если уж Матиаса его пение брало за душу, то, значит, у мальчика и вправду был ангельский голос. Матиаса мудроно растрогать, он как ледышка.

"Подставилась хозяйка", - подумал Литума. И точно: лейтенант облизнулся как кот:

- Вы хотите сказать, донья Адриана, что огонек в нем уже погас? Я готов вас согреть, ибо пылаю как раскаленный уголь.

- Греть меня не надо, - засмеялась та. - Когда я зябну, кладу в постель бутылки с горячей водой.

- Можно ли сравнить грелку с теплом человеческой плоти? - вытянув губы, точно собирался присосаться к хозяйке, промурлыкал лейтенант.

В эту минуту появился таксист дон Херонимо. Подъехать к самой харчевне он не мог - машина завязла бы в песке - и потому оставил ее внизу, метрах в ста. Лейтенант и Литума расплатились, попрощались с хозяйкой, вышли. Времени было четверть девятого, но припекало немилосердно, как в полдень: казалось, будто люди и предметы вот-вот растворятся в знойном мареве.

- Вся Талара гудит, - сказал таксист, куда они, по щиколотку в рыхлом песке, брели к машине. - Скорей ищите убийц, а не то вас линчуют.

- Меня-то чего линчевать, - пожал плечами лейтенант, - я Паломино не убивал. Могу поклясться.

- Разные толки ходят. Вам не икается?

- Не имею такого обыкновения. Какие толки?

- Поговаривают, что вы опасаетесь связываться с убийцами - они, дескать, птицы высокого полета. - Таксист сунул Литуме заводную ручку, а лейтенанта спросил, прижмурив глаз: - Так это?

- Не знаю, высокого полета они птицы или низкого, мне на это в высокой степени наплевать. Одно тебе скажу: им не поздоровится. - Лейтенант забрался на переднее сиденье. - А теперь газуй, дон Херонимо, нам только еще не хватало опоздать к полковнику на свидание.

Да, подумал Литума, лейтенанта голыми руками не возьмешь, он за справедливость костями ляжет. Литуму это просто-таки восхищало. Да, он и нагловат, и болтлив не в меру, и совсем теряет голову, когда видит донью Адриану, но за все время, что Литума служил под его началом, лейтенант при разборе всех дел старался отыскать истину и никому никогда не оказывал предпочтения.

- Что же вам удалось установить? - Дон Херонимо сигналил во всю мочь, но дети, собаки, свиньи, козы, запрудившие улицу, и не думали торопиться.

- Кукиш с маслом установили, - скривился лейтенант.

- Это не много, - сострил таксист.

Литума услышал, как лейтенант повторяет сказанное: сегодня утром:

- Сейчас кое-чем разживемся. Нутром чую.

Они были уже на самой окраине городка - слева и справа бугрили каменистую голую землю нефтяные вышки, а вдаль виднелись крыши авиабазы.

"Разживемся", - эхом откликнулся Литума. Узнают ли они когда-нибудь, кто и за что убил Паломино? Сильней, чем жажда правосудия и справедливого возмездия, точило его любопытство: увидеть бы их лица, услышать бы, почему они так круто обошлись с Паломино.

На контрольно-пропускном пункте дежурный офицер окинул их подозрительным взглядом с головы до пят, словно впервые видел, и заставил ждать на солнцепеке, не впустив под крышу. Пока он докладывал, Литума глядел по сторонам. В лоб их драть, тут служить - все равно что в раю! Справа стояли на сваях одинаковые деревянные офицерские коттеджи, выкрашенные в сине-белый цвет, ухоженными палисадничками, с окнами, затянутыми сеткой от насекомых. Прогуливались мамы с детьми, собирали цветы девочки, слышался смех. Летчики жили не хуже янки из нефтяной компании. Все так вычищено и благоустроено, что зависть берет. Вон у них там, за ломами, даже и бассейн свой. Литума отродясь не видел бассейна, но легко представил себе, как плещутся в нем офицерские жены в купальных костюмах. Слева тянулись службы, гаражи, ангары, а за ними проходила взлетная полоса с самолетами, треугольником приткнувшимися друг к другу. "Райское житье", - подумал полицейский. Огородились бетонными стенами и колючей проволокой и живут как в кино, что они, что американцы. Конечно, отчего бы и тем, и другим в упор не видеть прочих граждан Талеры, которые там, внизу, подымают от жары в своей деревеньке, прижатой к загаженному, покрытому жирными радужными разводьями морю? Отсюда, сверху, за Таларой были видны за колючей проволокой, вдоль которой днем и ночью разгуливали вооруженные охранники, нарядные домики, где жили инженеры, техники и высокопоставленные служащие компании. У них, ясное дело, тоже имеется бассейн и вышка с трамплином. Ходил слух, что американки купаются в чем мать родила.

Наконец дежурный получил разрешение впустить полицейских на территорию базы. Пока они шли мимо офицеров и солдат, Литума не раз успел подумать: "Наверняка кто-нибудь из них сумел бы пролить свет на это дело". - Входите, - сказал им полковник.

Лейтенант и Литума, ступив на порог, щелкнули каблуками и прошли на середину комнаты. Перуанский флаг, календарь, блокнот, какие-то папки, карандаши и несколько фотографий, запечатлевших полковника Миндро вместе с дочерью и ее одну. Очень сосредоточенное и одновременно дерзкое выражение совсем юного, чуть удлинённого лица. Все это было разложено и развешано с большой аккуратностью и симметрией, включая и огромную карту Перу, на фоне которой сидел командир Таларской военно-воздушной базы полковник Миндро - приземистый, коренастый, с глубокими залысинами и крохотными, тщательно подстриженными седеющими усиками под самым носом. Хозяин был под стать своему кабинету - такой же чистенький, опрятный и вылощенный. Он глядел на вошедших тускло-серыми глазами без тени приветливости или радушия.

- Чем могу служить? - проговорил он, и ледяное выражение его лица противоречило этой вежливой формуле.

- Мы опять по поводу того убийства, - со всей почтительностью ответил лейтенант Сильва. - Просим вашего содействия.

- Да уж куда больше содействовать! - прервал его полковник, и в голосе его они почувствовали затаенную издевку. - Не вы ли стояли на этом самом месте три дня назад? Потеряли справку? Извольте - вот копия.

Он быстро раскрыл лежавшую перед ним папку, выдернул оттуда лист бумаги и стал монотонно читать:

- "Молеро Санчес Паломино. Родился в Пиуре 13 февраля 1936 года. Родители - Асунта Санчес и Теофило Молеро, ныне покойный. Образование

незаконченное среднее - гимназия святого Михаила в Пиуре. 15 января 1954 г. зачислен на базу ВВС в Таларе, в третью роту (командир роты - лейтенант Адольфо Каприата), прошел начальную военную подготовку вместе с другими призывниками. В ночь с 23-го на 24 марта не вернулся из увольнения в расположение базы. Сочтен дезертиром, о чем уведомлены соответствующие инстанции".

Полковник кашлянул и добавил:

- Так дать вам копию?

"За что ж ты так на нас взъелся-то, в лоб тебя драть, - подумал Литума, - чего ж ты так злобишься-то?"

- Не нужно, господин полковник, - улыбнулся лейтенант, - справка у нас имеется.

- Ну тогда в чем дело? - поднял бровь полковник. Он явно терял терпение. - Какое вам еще нужно содействие? В справке указаны все сведения о рядовом Молеро, какими мы располагаем. Я сам проводил дознание в его роте: никто его не видел, никто не знает мотивов убийства и не представляет, кто мог его совершить. О происшествии я подал рапорт, у командования ко мне претензий нет. А у вас, как видно, есть. Что ж, это дело ваше. Личный состав базы в преступлении не замешан, и расследовать здесь больше нечего. Молеро был по характеру замкнутым, близко ни с кем не сошелся, о себе ничего не рассказывал. Друзей у него не было, да и врагов тоже. По отзывам ротного, учебный материал усваивал туго - может быть, потому он и решил дезертировать. Вам следует искать в городе - найдите тех, с кем он встречался до того, как погиб. Здесь вы только время потеряете - свое, лейтенант, и мое. А я такой роскоши себе позволить не могу. Интересно, думал Литума, смутит ли Сильву этот непререкаемый тон, заставит ли он его обратиться к базе? Однако лейтенант не двинулся с места.

- Мы бы не стали вас беспокоить, господин полковник, не будь у нас веских оснований. - Лейтенант стоял навтыжку, но говорил очень спокойно и неторопливо.

Серые маленькие глазки заморгали, и на лице полковника появилось подобие улыбки.

- С этого надо было начинать.

- Моему помощнику удалось кое-что разузнать в Пиуре.

Литуме показалось, что полковник чуть покраснел. Он чувствовал себя совершенно сбитым с толку и боялся, что не сможет доложить внятно и коротко человеку, настроенному так враждебно. Но делать было нечего, и, пересилив себя, он заговорил. Выяснилось, что Паломино Молеро призыву на военную службу не подлежал, однако завербовался в армию, потому что, как утверждает мать, для него это был вопрос жизни. Тут Литума передохнул. Слушал ли его полковник? Он со смешанным выражением недовольства и благосклонности разглядывал фотографию дочери. За спиной у нее виднелись песчаные дюны, какие-то деревья.

- Что значит "вопрос жизни"? - повернулся к нему полковник.

- Мы надеялись выяснить это здесь, - вмешался лейтенант Сильва. - Надеялись понять, почему он должен был так спешно покинуть Пиуру.

"Что он, лейтенант мой, рехнулся, что ли? - подумал Литума. - Или неприязненный тон полковника так на него подействовал?"

Командир авиабазы неотрывно глядел на лейтенанта, точно рассматривая какой-то прыщичек у него на носу, и под взглядом этим уши лейтенанта вспыхнули. Однако он не выказал ни малейшего волнения да и вообще никаких чувств и бестрепетно ждал, когда полковник соблаговолит ответить.

- Неужели мы не указали бы это в справке, если бы располагали подобными сведениями, - раздельно, словно говорил с иностранцем или слабоумным, произнес полковник. - Неужели вы думаете, что если бы мы знали об опасности, грозящей Молеро, то не уведомили бы полицию?

Поблизости заревел двигатель самолета, и полковнику пришлось замолчать. Рев нарастал, и Литума подумал, что у него сейчас лопнут барабанные перепонки. Но зажать уши он не осмелился.

- Ему удалось установить еще кое-какие факты, - сказал лейтенант, когда рев смолк где-то вдали. Он, казалось, не слышал возмущенных вопросов полковника.

- Ах вот как? - спросил тот, переводя взгляд на Литуму. - И что же именно?

Литума прокашлялся. Злобно-насмешливый взгляд полковника положительно лишал его дара речи.

- Паломино Молеро был очень сильно влюблен, - забормотал полицейский. - Похоже, что...

- Что вы там мямлите? Что на что похоже? Говорите толком!

- Похоже, что любовь эта была такая... противозаконная, - выдавил из себя Литума. - Потому, наверно, он и бежал из Пиуры...

Полковник с каждой минутой все сильнее наливался злобой. Литума потерялся вконец, голос его пресекся. Еще полчаса назад все предположения казались ему правдоподобными и вероятными, и лейтенант Сильва соглашался с ним. Но сейчас, под этим недоверчивым и насмешливым взглядом полковника он сам стыдился их.

- Короче говоря, господин полковник, Паломино Молеро должен был опасаться мести ревнивого мужа, - пришел ему на помощь лейтенант. - Именно потому он и завербовался сюда.

Полковник молча смерил обоих взглядом. "Сейчас он нам врежет", - подумал Литума.

- Ну и кто же этот ревнивец? - нарушил наконец молчание полковник.

- Мы и сами хотели бы это знать. Это сразу прояснило бы картину.

- Ах вот как? Вы полагаете, лейтенант, что я осведомлен о любовных шашнях всего рядового и сержантского состава вверенной мне авиабазы? - отделяя слово от слова мучительными паузами, спросил полковник.

- Нет, господин полковник, мы не вас лично имели в виду, - поспешил объясниться Сильва. - Но, может быть, кто-нибудь из товарищей убитого, сосед по койке, скажем...

- Подробности его личной жизни никому не известны, - снова прервал его полковник. - Я ведь сам проводил дознание. Повторяю вам, он был исключительно замнут и молчалив и никого не посвящал в свои дела. Разве это не указано в справке?

Литума подумал, что полковнику тысячу раз наплевать на это убийство: ни сейчас, ни в прошлый раз не выказал он никаких чувств, отзываясь об убитом с презрительным равнодушием и плохо скрытой неприязнью. Может, оттого, что Паломино дня за три-четыре до своей гибели удрал с авиабазы? Полковник ведь известен не только отвратительным нравом, он славился как фанатик дисциплины и пламенный ревнитель устава. Когда Паломино, которому обрыдли муштра и казарма, сбежал, полковник, наверно, проклял его, а сейчас, видно, считает, что дезертир иной участи и не заслуживает.

- Мы подозреваем, господин полковник, что убитый Молеро был в близких отношениях с какой-то женщиной с авиабазы, - донесся до Литумы голос лейтенанта.

Краска прихлынула к бледным, гладко выбритым щекам полковника. На лице его появилось выражение гневной досады, но возразить он не успел - отворилась дверь, и в белом проеме возник четкий силуэт. Это была она - девушка с фотографии: тоненькая, еще тоньше, чем на снимках, с коротко подстриженными вьющимися волосами, с независимо вздернутым носиком. На ней была белая блузка, синяя юбка, теннисные туфли. Мрачностью вида она не уступала отцу.

- Я ухожу, - сказала она, не входя в кабинет и даже не кивнув полицейским. - Твой шофер отвезет меня? Или мне взять велосипед?

И манера говорить у нее была в точности такая же, как у полковника: с еле сдерживаемой досадой. "Яблочко от яблони недалеко падает", - подумал Литума.

- А куда ты собралась, доченька? - неожиданно ласковым тоном спросил полковник.

"Смотри-ка, влетела в кабинет без стука, прервала важный служебный разговор, ни с кем не поздоровалась, а он - ничего, даже словечком ее не упрекнул. Ишь как заворковал", - подумал Литума.

- Я же сказала: к американцам, купаться, - неприязненно и резко ответила она. - Наш бассейн до понедельника без воды. Забыл? Ну так что? Отвезут меня или я на велосипеде?

- Отвезут, отвезут, Алиса, - вздохнул полковник. - Только скажи водителю, пусть сразу возвращается, он мне будет нужен. И скажи ему еще, когда за тобой заехать.

Девушка, не попрощавшись, хлопнула дверью. "Ничего себе", - мысленно крикнул Литума.

- Так вот, - начал было лейтенант, но полковник, еще гуще покраснев, тотчас прервал его:

- Все, что вы тут наговорили, - полнейшая чушь и ересь.

- Виноват, господин полковник, но...

- Есть у вас доказательства? Свидетели? - Полковник повернулся к Литуме, оглядел его как зловредное насекомое. - С чего вы взяли, что возлюбленная этого Молеро жила на территории базы?

- Доказательств у меня нет, господин полковник, - смешавшись, забормотал тот. - Я только знаю, что он ездил туда петь серенады.

- На Пиурскую авиабазу? - по слогам произнес полковник. - Да вы знаете, кто там живет? Семьи офицеров - не сержантов и не рядовых! Там живут матери, жены, сестры, дочери офицеров ВВС. Вы хотите сказать, что у чоло была связь с одной из этих дам?

"Вот расист поганый. Иначе не скажешь: поганый расист".

- Ну почему же, господин полковник? - услышал Литума голос лейтенанта и мысленно от всей души поблагодарил его, ибо у него самого от ледяной ярости полковника язык присох к гортани. - Может быть, с горничной или еще с кем-нибудь из прислуги. Мало ли с кем: повариха, нянька... Мы никого не собираемся опорочить, мы пытаемся раскрыть преступление. Это наш долг. Гибель юноши вызвала в Таларе нездоровые настроения, пошли разговоры, будто полиция сидит сложа руки и потому якобы, что в убийстве замешаны влиятельные и высокопоставленные лица. Данных у нас мало, вот мы и пытаемся проверить то небольшое, что нам известно. За что ж на нас обижаться?

Литума заметил, что полковник пытается взять себя в руки.

- Не знаю, известно ли вам, что я два года командовал Пиурской авиабазой и только три месяца как переведен сюда? - проговорил он сквозь зубы. - Это был мой родной дом. Мне ли не знать все, что происходило в его

стенах? Я никому не позволю в моем присутствии голословно утверждать, что рядовой находился в преступной связи с супругой одного из моих офицеров.

- Да почему ж с супругой-то? - осмелел Литума. - Господин лейтенант сказал же: может, кто из прислуги. Разве нет там среди вольнонаемных замужних? Есть. Вот Паломино и пробирался к ней тайком, пел ей серенады. Это доказано.

- Хорошо! Отыщите эту горничную или няньку! Допросите ее! Допросите ее мужа, добейтесь признания в том, что он угрожал Молеро, и если сознается, тащите его прямо ко мне! - На лбу полковника бисером блестели капли пота - он взмок еще в ту минуту, когда в кабинет без стука вломилась Алиса. - Шока у вас не появится что-нибудь определенное, я вас слушать не буду.

Он порывисто поднялся из-за стола, давая понять, что аудиенция окончена. Однако лейтенант Сильва намеку этому не внял.

- У нас к вам вполне определенная просьба, господин полковник, - сказал он довольно решительно. - Мы хотели бы допросить сослуживцев Паломино, соседей по койке.

Лицо командира базы из багрового снова сделалось бледным, заметней стали лиловатые подглазья. "Ой, - подумал Литума, - он, кажется, ко всему еще полоумный. Что это с ним делается? Что он бесится?"

- Вижу, в прошлый раз вы меня не поняли. Придется объяснять все сначала, - начал полковник так медленно, словно каждое слово было тяжелей чугуна. - Вооруженные силы не подлежат юрисдикции местных властей. Вас этому не учили в полицейской школе? Тогда слушайте меня. Перуанских военнослужащих судят и приговаривают военные трибуналы. Преступления расследует военная прокуратура. Паломино Молеро погиб при невыясненных обстоятельствах, за пределами расположения своей части, дезертировав из нашей армии. Об этом происшествии я подал рапорт вышестоящему начальству; если бы оно сочло нужным, то назначило бы новое следствие - нашими собственными силами. Или передало бы дело судебным властям. Но откуда от военного министра или от главнокомандующего военно-воздушными силами страны не получен такой приказ, ни один полицейский не посмеет заводить свои порядки на территории вверенной мне базы. Вам понятно, лейтенант? Отвечайте. Вам понятно?

- Куда уж понятней, господин полковник, - сказал Сильва.

- Ну а раз понятно, я вас больше не задерживаю. - Полковник указал на дверь.

На этот раз лейтенанту и Литуме пришлось щелкнуть каблуками, повернуться через левое плечо и выйти из кабинета. Нахлобучили фуражки. Хотя солнце палило еще сильнее и было нестерпимо душно, Литуме показалось, что его обдало свежестью. Он вздохнул полной грудью. "Как из тюрьмы выпустили", - подумал он. Они в молчании зашагали к воротам базы. "Интересно, - размышлял по дороге Литума, - у лейтенанта от подобной беседы так же мерзко на душе?"

Возле КПП их ожидало новое разочарование: дон Херонимо укатил. Делать было нечего, пришлось переть в город на своих двоих. Час, не меньше, глотать пыль и обливаться потом.

По-прежнему не говоря ни слова, они двинулись по самой середине шоссе. "Пообедаю - завалюсь часика на три", - мечтал про себя Литума. Он обладал способностью спать когда угодно и где угодно, и ничто так не улучшало ему настроение, как сон. Шоссе петляло, медленно спускаясь к Таларе по охристому склону, где не было ни единой живой веточки, а только камни и камни - разнообразного вида и размера.

Внизу ярким металлическим пятном посверкивал город, протянувшийся вдоль

зеленовато-свинцового штилевого моря. В солнечном блеске едва угадывались очертания домов и фонарные столбы.

- Как он нас, а? - сказал Литума, вытирая лоб платком. - Мордой об стол. До чего ж гадостная личность! Как вы полагаете, он ненавидит полицию так просто, от высокомерия, или же за этим что-то кроется? Или он на весь свет пышет злобой? Ей-богу, никто еще не нагонял на меня такого страха, как эта плешь.

- Глупости говоришь, Литума, - отвечал лейтенант, потирая о грудь форменной рубашки массивный перстень с красным камнем - память об окончании полицейской школы. - Беседа с полковником Миндро была упоительно интересной.

- Шутите? Вас еще хватает на шутки. Это хорошо. А я все никак в себя не приду.

- Зелен ты еще, Литума, - засмеялся лейтенант. - Жизни не знаешь. Уверю тебя, этот разговор нам ох как пригодится.

- Выходит, я ничего не понял. Мне показалось, полковник просто с дерьмом нас обоих смешал, обошелся с представителями закона хуже, чем с собаками. Ничего не разрешил, ни на что не согласился.

- Это, друг Литума, одна видимость. - Лейтенант захохотал во все горло и принялся трещать суставами пальцев. - По мне, полковник был болтливей пьяного попугая. Раньше я думал, ему ничего не известно, вот он нам и крутит мозги насчет юрисдикции да независимости военного судопроизводства. А теперь вижу: он знает многое, если не все.

Литума уставился на своего начальника и догадался, что глаза его за темными очками просто-таки сияют от радости, которая звучит в его голосе и разлита по всему лицу.

- Знает, кто убил Паломино Молеро? Вы так считаете?

- Может, этого он и не знает, но кое о чем осведомлен превосходно. Полковник Миндро кого-то прикрывает. Почему он так злился, а? Почему волновался, может, скажешь? Какой ты, Литума, ненаблюдательный, право! Гнать таких надо из нашей полиции. Так вот, почему он нам хамил, почему так несуразно вел себя? Он пытался скрыть свою растерянность. Так-то, друг Литума. Это не мы стояли перед ним как обделавшиеся телята. Это он по нашей милости провел пренеприятнейшие полчаса.

Он засмеялся, очень довольный собой, и смех его еще продолжал звучать, когда послышался рев мотора. Их нагнал грузовичок с опознавательными знаками Таларской авиабазы. Водитель затормозил, хотя полицейские и не просили.

- В Талару? - выглянул в окно кабины молоденький сержант. - Садитесь, подбросим. Вы со мной, лейтенант, а ты давай в кузов.

Там, посреди бочек с маслом, бутылей с краской и кистей сидели еще двое чумазых солдат - должно быть, механики.

- Ну что? - спросил один. - Распутаете это дело или побоитесь ссориться с большими людьми?

В голосе его явственно звучала укоризна.

- Мы бы давно распутали, если б ваш полковник нам помогал, - ответил Литума. - А он не только не помогает, а, наоборот, гадит как только может. Он и с вами такой?

- Да человек-то он незлой, - сказал солдат. - Насчет дисциплинки, конечно, зверь, вся база у него по струнке ходит. Это он из-за дочки бесится.

- Она из него веревки вьет, да? - проворчал Литума.

- Верно. Благодарности ни на грош. Он ведь ей и за мать, и за отца, он ее один и воспитал, и вырастил. Матери она в малолетстве лишилась.

Грузовичок стал возле комиссариата. Лейтенант и Литума вылезли.

- Если не найдете убийц, все будут думать, что вам отстегнули, чтоб не трогали кого не надо, - сказал им на прощанье юный сержант.

- Не волнуйся, паренек, мы на верном пути, - процедил сквозь зубы лейтенант, когда грузовик, вздымая тучи пыли цвета пива, скрылся из виду.

IV

О скандале, учиненном в кафе юным офицериком с авиабазы, рассказала проститутка по прозвищу Тюлениха. Она явилась в комиссариат с жалобой на то, что ее "кот" в этот раз отдубасил ее сильнее чем обычно,

- С такими синячищами по всему телу я клиентов не найду. Значит, ничего не заработаю, и он снова примется за меня. Объясните хоть вы ему, сеньор начальник. Моих слов он не понимает.

Так вот, эта самая Тюлениха и рассказала, что накануне вечером видела этого лейтенанта в кафе. Он сидел в полном одиночестве за столиком, уставленным целой батареей стаканчиков с писко {Крепкая виноградная водка. (Здесь и далее - прим. перев.)}, и хлопал их один за другим, как воду. И видно было, что цель его - не выпить, а надраться, причем как можно скорей. Когда же он этой цели достиг, то расстегнул штаны и оросил близидевших девиц, их клиентов и "котов". Потом взгромоздился на стойку и плясал на ней до тех пор, пока не подоспел наряд военной полиции. Китаец Лао, хозяин заведения, только умолял посетителей не трогать разбушевавшегося лейтенанта: "Не связывайтесь с ним - себе дороже обойдется. Закроют мое кафе, тем и кончится. Военные выкрутятся, а мы с вами влипнем".

Рассказ Тюленихи вроде бы не произвел на лейтенанта Сильву особого впечатления. Однако на следующий день, когда они с Литумой обедали у доньи Адрианы, один из завсегдатаев поведал им, что лейтенантик повторил и умножил свои славные деянья - переколотил в кафе множество бутылок, заявляя, что ему нравится смотреть, как они звездочками разлетаются в воздухе. Чтобы унять его, снова пришлось вызывать патруль. И наконец в комиссариат явился сам плачущий Лао.

- Такого еще не было: спустил штаны и присел по большой нужде на площадке для танцев. Совсем рехнулся. Он вроде бы специально нарывается на драку. Примите меры, или это плохо кончится, клянусь: кто-нибудь его пристрелит. А неприятностей с авиабазой мне не нужно.

- Поговорите с полковником Миндро, - посоветовал Сильва. - Это его подчиненный, ему с ним и разбираться.

- Ни за что на свете я не сунусь к полковнику, - ответил Лао. - Я его боюсь. Говорят, он суцая сатана.

- В таком случае, милый друг, ты в дерьме по уши, и помочь я тебе не могу. На военных моя власть не распространяется. Будь этот дебошир штатским, забрал бы с дорогой душой.

Китаец Лао тоскующими глазами оглядел обоих полицейских.

- Значит, вы ничего не предпримете?

- Мы будем молиться за тебя, - сказал Сильва. - Будь здоров, Лао, кланяйся от нас твоим девицам.

Однако едва за китайцем закрылась дверь, он повернулся к Литуме, который одним пальцем выстукивал на древнем "Ремингтоне" суточную сводку происшествий, и от голоса лейтенанта у того мороз пошел по коже.

- Странноватая история с этим летчиком. Как ты полагаешь?

- Я полагаю, что да, - кивнул Литума и, помолчав, спросил: - А что в

ней странного?

- В заведении китайца Лао собираются самые отпетые головорезы, и никто не осмелится буяннить там просто так, для развлечения. Заметь: четыре дня кряду. Вот это и странно мне. А тебе нет?

- Мне тоже, - заверил его Литума. Он еще не вполне понял, куда клонит его начальник, но насторожил уши. - Вы думаете, что...

- Я думаю, нам стоит попробовать, какое пиво подают у китайца. Надеюсь, хозяин нам обрадуется и денег не возьмет.

Заведение Лао кочевало по всей Таларе, потому что местный священник падре Доминго задался целью уничтожить это гнездо разврата. Едва лишь он узнавал, где оно находится, как с помощью муниципалитета тотчас закрывал его. Проходило несколько дней, и бордель возрождался в какой-нибудь лачуге, в трех-четырех кварталах от того места, где был раньше. И в конце концов китаец победил. Теперь он со своими девицами расположился на самой окраине города, в наскоро перестроенном складе - ветхом и неказистом строении с земляным полом, который ежедневно сбрызгивали водой, чтобы не было пыли, с крышей из неплотно пригнанных, стонавших под напором ветра жердей. Стены задних комнат, куда девицы приводили своих гостей, были все в щелях на радость мальчишкам и пьяным, подглядывавшим за парочками.

Лейтенант Сильва и Литума посмотрели ковбойский фильм в открытом кинотеатре сеньора Фириаса (экран заменяла церковная стена, что давало падре Доминго право подвергать репертуар предварительной цензуре) и не спеша направились к Лао. Литума шаркал подошвами по рыхлой земле, еле передвигая ноги. Лейтенант курил.

- Ну растолкуйте же мне, какая мысль вас осенила? Какая связь между этим буяном летчиком и убийством Молеро?

- Ничего меня не осенило, - выпустил лейтенант клуб дыма. - Просто мы все время попадаем пальцем в небо, так что нельзя упускать никакого шанса - вдруг повезет? На самый худой конец просто заглянем в веселый дом, устроим смотр личному составу. Впрочем, ту, о ком я мечтаю, мы там не найдем.

"Ну, понес, сейчас заведет про толстуху, - подумал Литума. - Вот чудак, ей-богу".

- Вчера ночью я ей кое-что продемонстрировал, - меланхолично начал вспоминать лейтенант. - Я вышел побрызгать в хлев, а она как раз несет корм свинье. Разумеется, я обернулся. "Вот, - сказал я, - вот что я приготовил для вас, донья Адриана. Как только придет охота, я к вашим услугам".

Он засмеялся, потеряв спокойствие, как всегда, когда заводил речь про хозяйку харчевни.

- Ну а она что? - подыграл ему Литума, ибо знал, что нет для лейтенанта Сильвы наслаждения выше, чем поговорить о хозяйке.

- Ну, что она? Убежала, конечно. Сделала вид, что оскорблена до смерти, - вздохнул лейтенант. - Однако все прекрасно разглядела. И призадумалась. А может быть, и размечталась. Наверно, сравнила со ржавой лейкой своего дона Матиаса. Я смутил ее, Литума, я ее пронял. Она не устоит. И в этот день мы с тобой выпьем и отпразднуем победу как подобает.

- Удивляюсь я вашему упорству, господин лейтенант. Донья Адриана должна была бы из одного этого вознаградить вас.

В заведении Лао было малоллюдно, и обрадованный китаец выбежал к ним навстречу.

- Вот спасибо, что пришли, вот спасибо! Я верил, что вы откликнетесь. Проходите, проходите! Видите, как у меня сегодня пусто? Все из-за этого сумасброда. Люди приходят, чтобы развлечься, а не затем, чтобы их за их же

деньги поливали. Никто сюда теперь глаз не кажет, никто не хочет неприятностей.

- А его самого нет еще? - спросил лейтенант.

- Он часам к одиннадцати приходит. Явится, будьте покойны, никуда не денется.

Он отвел полицейских за столик в дальнем углу, принес пива. Тотчас подскочили девицы с намерением завести беседу, но лейтенант отшил их. Не до вас, красавицы, тут дело мужское. Тюлениха в порыве благодарности за то, что Литума пригрозил посадить ее "кота" в клоповник, если тот еще раз ее излущует, чмокнула полицейского в ухо и прошептала: "Как захочешь, только свистни, вот уж три дня он меня пальцем не тронул".

Летчик ввалился в заведение около полуночи. Лейтенант с Литумой к тому времени уже выпили по четвертой кружке. Китаец даже не успел подать им знак: Литума, изучавший лица всех вновь прибывших, сам догадался, кто пришел. Молодой, смуглый, худой, острижен коротко, чуть не "под ноль", в форменной рубашке и брюках, однако без нашивок и знаков различия. Он был один; вошел, ни с кем не поздоровался, не обратил никакого внимания на шепот, ропот, переглядывания, подталкивания друг друга локтем, начавшиеся при его появлении, и прямоком направился к стойке бара. Уселся на табурет, отрывисто заказал первую порцию. Сердце Литумы учащенно забилося. Он не сводил с летчика глаз, а тот залпом выпил рюмку писко и немедленно спросил вторую.

- И вот так каждый раз, - шепнула Тюлениха, сидевшая за соседним столиком с каким-то морячком. - А на третьей или четвертой самый цирк и начнется.

Но в этот вечер цирк начался между пятой и шестой - Литума считал, наблюдая поверх голов танцующих за летчиком. Он сидел, подперев голову ладонями, и неотрывно смотрел на стаканчик писко, надежно защищенный его локтями. Он не шевелился и был погружен в размышления, отделявшие его от девиц, сутенеров, от прочих посетителей и от всего мира. На мгновение оживая, он механическим движением подносил стаканчик к губам и снова замирал. Где-то между пятым и шестым стаканом Литума отвлекся, а когда взглянул на стойку, летчика возле нее уже не было. Литума завертел головой и обнаружил объект наблюдения на танцевальном пяточке. Офицерик предпринял атаку на одну из пар: Рыжуху и ее кавалера, низенького человечка при галстукке, но без пиджака. Человечек, полузадушенный объятиями Рыжухи, танцевал очень усердно и старательно. Лейтенант ухватил его за рубаху и отпихнул, заявив при этом во всеуслышание:

- Виноват! Я тоже хочу подержаться!

Человечек в галстукке отлетел в сторону, стал растерянно озираться по сторонам, будто просил, чтобы ему объяснили, что происходит, или посоветовали, как следует поступать в подобном случае. Китаец жестами показывал ему, чтоб не задибался. Человечек счел за благо внять этому совету, пожал плечами, направился в тот угол, где сидели девицы, и с сокрушенным видом пригласил на танец Конопатую. Лейтенант тем временем разошелся вовсю: скакал, махал руками, корчил рожи. Но во всем этом кривляний не было и тени веселья. Может быть, он просто хотел привлечь к себе внимание? Он, что называется, нарывался. Все эти его прыжки и судорожные подергивания нужны ему были для того лишь, чтобы локтями, плечами, головой задевать как можно больше народу. "Ого, - подумал Литума, - не пора ли вмешаться?" Однако лейтенант безмятежно покуривал, пускал дым колечками и смотрел на выходки летчика одобрительно - так, словно они его забавляли. Танцующие тоже пока еще сдерживались. Когда летчик наткнулся на

них, они отходили в сторонку, улыбались, пожимали плечами - дескать, что с полоумного взять? Когда музыка смолкла, летчик вернулся к стойке и потребовал еще порцию.

- Литума, знаешь, кто это? - спросил лейтенант.

- Нет. А кто?

- Ухажер Алисы Миндро. Да! Да! Я видел их под ручку на Дне авиации. И на воскресных мессах.

- Ах, так вот почему полковник смотрит на его выходки сквозь пальцы, - забормотал Литума. - Любой другой давно бы уж загремел под арест, на хлеб и воду, за поведение, "порочащее Вооруженные Силы".

- Кстати, о выходах. Погляди-ка на него, Литума.

Летчик тем временем вскарабкался на стойку и размахивал бутылкой писко, словно собирался произнести речь. Раскинув руки, он адресовал собравшимся нечто трехэтажное, а потом так надолго присосался к горлышку бутылки, что у Литумы от одной мысли о том, каким адским пламенем охвачены его кишки, стало горячо в животе. Летчик и в самом деле обжег себе нутро огненной писко - он сморщился и согнулся, словно его пнули под ложечку. Китаец Лао, беспрестанно кланяясь и улыбаясь, подобрался к нему, стал уговаривать слезть со стойки и не скандалить. Однако летчик послал его по матери и заявил, что если к нему вздумают приставать, он сию же минуту переколотит в мелкие дребезги все бутылки. Китаец, всем своим видом выражая покорность судьбе, отошел, присел на корточки рядом с полицейскими.

- Вы не собираетесь что-нибудь предпринять?

- Подожди немножко. Пусть налижится посильней, - ответил лейтенант.

Теперь летчик принялся задирать сутенеров и прочих посетителей, однако те даже не смотрели в его сторону и продолжали разговаривать, танцевать и курить, как будто ничего не слыша. - Эй, вы, - надсаживался он, - вы не мужчины! Зачем ходите в штанах?! Снимите! Покажите, чем наделила вас природа! Что? Стыдно? Нечем хвастать? Может, у вас и совсем ничего нет? Или без лупы не разглядеть? А мне вот нечего стыдиться!

Глядите и учитеесь! - гаркнул он. Проворно расстегнул пояс и спустил брюки, обнажив тощие, густоволосатые ноги. Летчик принялся стаскивать брюки, но то ли потому, что он был слишком пьян, то ли с излишним рвением взялся за дело, но совсем запутался в штанинах, потерял равновесие и со всего размаху грохнулся со стойки на пол. Бутылка, которую он так и не выпустил из рук, разбилась. Все захохотали. Лейтенант Сильва поднялся и кивнул Литуме:

- Пошли. Пора.

Полицейские пересекли танцплощадку. Летчик, закрыв глаза, так и лежал на спине, со спущенными до лодыжек штанами, посреди битого стекла и только сопел. "Вот набрался-то", - подумал Литума. Они подхватили летчика под мышки, поставили на ноги. Он качался из стороны в сторону и что-то бормотал заплетающимся языком, пускал слюни. Полицейские привели в порядок его брюки, застегнули ремень и, взяв под руки, потащили к выходу. Проститутки, сутенеры и прочая публика приветствовали их рукоплесканиями.

- Что же нам с ним делать? - спросил Литума, когда они выбрались наружу. Поднялся ветер; стены заведения ходили ходуном; звезд на небе вроде бы прибавилось. Огни Талары тоже казались звездами, удравшими под покровом ночи с неба на землю, к морю.

- Отведем вон туда, - сказал лейтенант.

- Пустите, сволочи, - пролепетал летчик, не предпринимая, однако, попыток высвободиться.

- Сейчас, братец, сейчас, - ласково сказал лейтенант. - Тихо, тихо, не

рвись.

Они протащили его еще метров пятьдесят по пустырю, поросшему редкой пересохшей травой, и оказались на берегу. Опустили летчика наземь, а сами уселись рядом, по обе стороны от него. В кромешной тьме прятались какие-то лачуги. Ветер нес в море обрывки мелодии и гвалт посетителей Лао. Пахло солью, рыбой, а шорох травы убаюкивал как колыбельная. Литуме захотелось вытянуться на песке, прикрыть лицо фуражкой и забыть обо всем на свете. Однако на службе не поспишь. Мысль о том, что этот распростертый у их ног человек причастен к ужасной тайне, взволновала его.

- Ну, оклемался? - спросил лейтенант Сильва. Он приподнял летчика и, поддерживая за спину как самого закадычного собутыльника, усадил. - Отрезвел малость, нет?

- А шел бы ты! - огрызнулся летчик, склоняя голову к нему на плечо. Злобный тон его никак не вязался с расслабленной позой, в которой он сидел, раскорячась на песке и привалившись к лейтенанту.

- Ах, как нехорошо друзей посылать, - заворковал тот. - Нет бы поблагодарить, что вытащили тебя от китайца, пока тебе не оторвали то, чем ты так хвастаешься. Подумай, на что бы ты стал годен тогда?

Ему пришлось замолчать, потому что летчика тяжело затошнило. Однако лейтенант успел пригнуть его голову к земле и держал ее так, пока его не перестало рвать.

- Ты, наверно, педераст, - все так же злобно проговорил летчик, - заманил меня сюда, думаешь, я пойду тебе навстречу?..

- Да, братец, - рассмеялся лейтенант, - я приволок тебя сюда, чтобы ты пошел мне навстречу. Только не в том, что ты думаешь.

"Подходы знает, - одобрил лейтенанта Литума, - сейчас все вызнает".

- Тогда какого же... тебе от меня надо? - икнув и подобрав слюни, спросил летчик, доверчиво прикинув к груди лейтенанта, словно кот, греющийся возле кошки.

- А надо мне, чтобы ты мне рассказал про Паломино Молеро, - прошептал лейтенант.

Литума чуть не подскочил на месте, а на летчика эти слова не оказали никакого действия. Он не шевелился, не говорил и даже, как показалось Литуме, не дышал. В таком оцепенении пребывал он довольно долго. Литума поглядел на своего начальника. Не надо ли повторить? Может, тот прослушал или делает вид, что ничего не понял?

- Мать твою спроси, - пробормотал наконец летчик так тихо, что Литуме пришлось вытянуть шею, чтобы услышать.

- Моя бедная мама даже не знает, кто такой Паломино Молеро, - еще ласковей произнес лейтенант. - Зато ты знаешь. Ну, не томи, рассказывай, как было дело.

- Не знаю я никакого Паломино! - завопил летчик, и Литума отпрянул от неожиданности. - Ничего я не знаю! Ничего!

Голос его пресекался, а сам он дрожал с головы до ног.

- Как это так "не знаю"? - поглаживал его лейтенант. - Прекрасно знаешь. Потому ты и надираешься каждый вечер у китайца. Потому и бесишься, и ведешь себя как полоумный. Потому и лезешь в драку с "котами".

- Ничего я не знаю! - снова завыл тот. - Сказал - ничего!

- Расскажи мне про убитого солдатика, и тебе сразу станет легче, - мурлыкающим голосом продолжал уговаривать его лейтенант. Он даже чуть-чуть сюсюкал, как с маленьким. - Поверь мне, я недурной психолог. Излей мне душу. Обещаю, тебе полегчает.

Литума взмок от волнения: почувствовал, как рубашка прилипает к лопаткам, хотя дневной зной давно спал и было даже прохладно. Дул ветерок, вздымая невысокие волны, с неприятным шипением разбивавшиеся о кромку берега. "Чего боишься, Литума, - спросил он себя, - успокойся. - Снова возникло перед глазами изуродованное тело Паломино. - Сейчас узнаю, кто его убил".

- Ну, соберись с духом и выкладывай, - теребил летчика лейтенант. - Легче станет, вот увидишь. Да не плачь.

В эту минуту лейтенант, прильнув к плечу Сильвы, захныкал как грудной.

- Я вовсе не потому плачу... - всхлипывал он, трясаясь всем телом и задыхаясь от рыданий. - Я и напиваюсь-то потому, что эта тварь вонзила мне ноле в спину. Он запретил нам встречаться, он не пускает ее ко мне, а она тоже не хочет видеть меня. Есть у него такое право? Нет, ты ответь!

- Разумеется, нет, - похлопал его лейтенант по плечу. - А кто эта тварь, которая не дает тебе видеться с ней? Полковник Миндро?

Вот теперь-то летчик поднял голову, отлепился от плеча лейтенанта. В молочном сиянии луны Литума увидел его лицо - все в слезах, соплях и слюнях. Глаза с расширенными зрачками блестели безумной тревогой. Он беззвучно шевелил губами.

- Почему же полковник Миндро запретил тебе встречаться со своей дочкой? - спросил лейтенант так непринужденно, словно осведомлялся, шел ли вчера дождь. - В чем ты провинился? Ребеночка ей сделал?

- Тихо ты! - прошипел летчик. - Не называй его по имени. Под монастырь меня подвести хочешь?

- Нет. Помочь тебе хочу. Грустно смотреть, как ты спиваешься, буянишь. Карьеру себе испортишь, как ты в толк не возьмешь? Ладно, обещаю, имен больше называть не буду.

- Мы собирались обвенчаться на будущий год, как только звание получу, - залепетал летчик, снова склонив голову на грудь Сильвы. - Эта сволочь сказала, что он, мол, согласен. Свадьбу должны были сыграть в День Независимости, понимаешь? А теперь скажи мне: можно быть таким предателем, таким лгуном, гадом таким ползучим? Можно?

- Нельзя, - сконфуженно ответил Литума.

- А этот хмырь откуда взялся? - уставился на него летчик. - Он-то что тут делает? А? Зачем он?

- Да не обращай внимания, это мой помощник, парень надежный и неболтливый, - успокоил его лейтенант. - Забудь о нем. И про полковника Миндро тоже забудь.

- Тсс, чтоб тебя! Не называй имен!

- Ладно, ладно, - похлопал его лейтенант. - Все отцы болезненно переживают замужества своих дочек - им не хочется с ними разлучаться. Пройдет время, полковник размякнет, все устроится, женишься ты на ней. Хочешь добрый совет? Пусть она забеременеет. Тогда старику волей-неволей придется благословить ваш брак. Понял? Ну а теперь расскажи мне про Паломино Молеро.

"Он гений", - подумал Литума.

- Никогда он не размякнет, потому что он вообще не человек. У него души нет, - зарыдал летчик. Его снова затошнило, и Литума представил себе, на что теперь похожа форменная рубаха лейтенанта. - Это чудовище. Он провел меня, в точности как того чоло. Понимаешь теперь, почему я надираюсь каждую ночь?

- Конечно, понимаю. Тебя сбили с копыт, тебе не дают видеться с твоей милой. Ну а кто же это еще влюбился у нас в дочку полковника Миндро, тьфу,

прости, в дочку этого старого самодура? Расскажи-ка мне про Паломино Молеро.

- Очень умный, да? - Летчик с трудом поднял голову. Литума подумал даже, что он вдруг протрезвел, и поспешил придержать его за плечи, боясь, что он вмажет лейтенанту. Но нет: летчик был слишком пьян, выпрямиться не смог и снова повалился на лейтенанта.

- Ну, давай, давай. За разговором позабудешь о своей беде, отвлечешься. Ну? Скажи: его убили за то, что спутался с женой какого-нибудь офицера? Да?

- Слова не скажу, хоть зарежь! - выкрикнул лейтенант.

- Экая ты скотина неблагодарная, - укорил его лейтенант. - Я тебя увел из притона, где тебе неминуемо оторвали бы яйца. Я привел тебя сюда, чтоб хмель из тебя выветрился, чтоб ты вернулся на базу свеженьким и не сел на "губу". На чьем плече ты выплакался? Кто тебе утирал слезы и сопли? Погляди, во что превратилась моя рубашка! И после всего этого ты не хочешь рассказать мне, за что убили Паломино Молеро. Боишься, что ли? Кого?

"Ничего мы из него не вытянем", - пал духом Литума. Жаль потерянного времени, а еще больше - тешивших душу надежд. Нет, этот забулдыга не выведет их из потемок.

- А она - дерьмо еще почище, чем ее папаша, - простонал летчик сквозь стиснутые зубы, переживая очередной приступ тошноты. Справившись с собой, он продолжал: - И все-таки я ее люблю, несмотря на то что она так со мной поступила. Люблю! Вот и пойми! Она у меня здесь, в сердце, потаскуха такая...

- А почему же ты так о ней отзываешься? - спросил лейтенант. - Ей пришлось покориться воле отца? Или потому, что она тебя разлюбила? Дала от ворот поворот?

- Она сама не знает, кого любит, она, знаешь, как на пластинках пишут, "голос ее хозяина". Что старик ей скажет, то она и делает. Он велел меня отшить, она и отшила.

Литума попытался представить, как выглядела полковничья дочка, влетевшая тогда на минутку в кабинет. Разговор-то их он слышал, а вот припомнить, красивая ли она, не мог. Тоненькая, хрупкая, но, судя по тому, как она разговаривала с отцом, характерец - будь здоров. Понимает о себе чересчур много. Глядит на всех как королева. Вон как измытарила бедного летчика, об него теперь ноги можно вытирать.

- Ну расскажи мне про Паломино Молеро, - не отставал лейтенант. - Ну хоть что-нибудь. Ведь его убили за то, что спутался с замужней женщиной. А? Так это?

- Я пью и буду пить, но обращаться с собой, как с тем чоло, не позволю, - лепетал летчик. Он замолк, а потом с горечью прибавил: - Он сам напросился.

- Кто? Паломино Молеро? - прошептал лейтенант.

- Да. Эта сволочь Паломино Молеро.

- Пускай будет сволочь, - заворковал лейтенант, - поглаживая летчика по спине. - Так почему же он сам напросился?

- Потому что не по себе дерево срубил, - с неожиданной яростью выкрикнул тот. - Зарвался - вот и нарвался. За все надо расплачиваться, вот и расплатился, пожалуй что и с процентами.

Литума pokrылся гусиной кожей. "Знает! Летчик знает, кто и за что убил Паломино".

- Так-так, братец, понимаю: кто зарвался, тот нарвется, руби дерево по себе, - эхом откликнулся лейтенант, и голос его звучал приветливей и нежней чем когда-либо. - Так чье же деревце-то он срубил?

- Чье бы ни было, тебя не касается. Уйди ты от меня! - Летчик отстранился, сделал попытку встать на колени, но не удержался и шлепнулся на четвереньки.

- Нет, касается, братец, касается, и ты сам это знаешь, - дружелюбие лейтенанта было безгранично. - Дело было в Пиуре, на авиабазе, да? В одном из тех домиков возле аэропорта. Так?

Летчик, по-прежнему стоя на четвереньках, поднял голову, и Литуме показалось, что он сейчас залает. Он глядел на полицейских тоскующими остекленевшими глазами, тщетно пытаясь одолеть хмель, и моргал без остановки.

- Кто это тебе натрепал? Откуда ты знаешь?

- Да вот знаю, - засмеялся лейтенант. - Не ты один у нас такой всеведущий, мы тоже слышали кое о чем. Ну-ка, давай: я тебе - то, что я знаю, ты мне - то, что ты знаешь, и вместе мы отгадаем загадку не хуже чем Мандрейк-Волшебник.

- Сперва выкладывай, что тебе известно про Пиурскую базу, - отдельно выговорил летчик, и Литума понял, что он, хоть и стоит на четвереньках, наконец-то протрезвел и всерьез напуган.

- Да ради бога! - отозвался лейтенант. - Только ты сначала сядь по-человечески, закури. Я вижу, в мозгах у тебя прояснилось? Тем лучше.

Он раскурил две сигареты, а пачку протянул Литуме. Тот тоже вытянул себе одну.

- Так вот, мы знаем, что Паломино влюбился в какую-то бабу с Пиурской базы. Он пел ей серенады - голос-то у него был неземной, все говорят. Пел и играл на гитаре и время выбирал потемнее. Пел он болеро - это его коронный номер. Вот и все, что нам известно. Теперь давай ты: кому пел серенады Паломино Молеро?

- Не знаю я ничего! - закричал летчик. Теперь он был сам не свой от страха, даже зубы у него лязгали.

- Знаешь, знаешь, - подбодрил его лейтенант. - Все ты знаешь. Муж этой его красотки то ли заподозрил что-то, то ли накрыл их с поличным, и Паломино пришлось уносить из Пиуры ноги. Так? Так. Он подался в Талару, на авиабазу. Однако ревнивый муж выследил его, отыскал и расквитался. Ты же сам говорил: кто зарвется - тот нарвется, слишком высоко Паломино залетел. Ну, что ж ты молчишь? Кто его пристукнул?

Летчика опять затошнило, и на этот раз он не смог удержать приступа рвоты. Хрипя и отплеываясь, он утерся ладонью, губы его задрожали, он расплакался совсем по-детски. Литуме было и противно, и жалко его: летчик страдал по-настоящему.

- Ты спросишь, почему я к тебе пристаю, - вслух размышлял лейтенант, пуская кольца. - Да так просто, из любопытства. Если убийца Паломино - офицер с Пиурской авиабазы, что я могу с ним сделать? Ничего. У вас свои законы, свой суд, своя полиция. Мне на базу вход закрыт. Я из чистого любопытства спрашиваю, пойми ты. И еще тебе скажу: если б я женился на моей толстухе и кто-нибудь вздумал бы петь у нее под окном серенады, всякие там нежные болеро, я бы тоже не стерпел. Ну так кто же все-таки пришел Паломино?

Далее в такую минуту вспомнил лейтенант донью Адриану. "Нет, это болезнь, ей-богу", - подумал Литума. Летчик отодвинулся, чтобы не выпачкаться в блевотине, и уселся на песок чуть выше полицейских. Уперся локтями в колени, а голову обхватил ладонями. Должно быть, она у него раскалывалась. Литума не так давно был членом ордена "непобедимых", он по себе отлично знал эту щекочущую пустоту во всем теле, когда тебя всего так и

ломает, а где болит, почему неймется, понять нельзя.

- Откуда ты знаешь, что он ездил на Пиурскую авиабазу? - вдруг спросил летчик. Он то с ума сходил от страха, то захлебывался от злобы, а сейчас оба эти чувства обуяли его разом. - Какой гад выболтал тебе?

В эту минуту Литума заметил какие-то тени. Еще через минуту они приблизились и стали перед ними полукругом. Неизвестных было шестеро. У всех были карабины и дубинки, а когда луна выплыла из-за тучи, Литума разглядел и повязки на руках. Патруль военной полиции. По ночам они обходили все кафе, забегаловки и притоны, ища солдат и сержантов с авиабазы.

- Я - лейтенант гражданской гвардии Сильва. В чем дело?

- Нам приказано увести лейтенанта Дуфо, - ответил один из патрульных, должно быть сержант.

- Вымой пасть, прежде чем произносить мое имя, - зарычал летчик. Ему удалось подняться на ноги, и он стоял покачиваясь, готовый в любую минуту потерять равновесие и сверзиться. - Никто и никуда меня не уведет!

- У нас приказ полковника, господин лейтенант, - отвечал старший патрульный. - Очень извиняемся, но придется вам пойти с нами.

Летчик что-то злобно пробормотал и, как в замедленной съемке, стал валиться наземь. Сержант скомандовал, и тени подошли вплотную. Солдаты подхватили летчика за руки и за ноги, подняли. Тот не сопротивлялся, только лепетал невразумительные слова.

Литума и лейтенант видели, как они скрылись в темноте. Потом взревел мотор джипа. Ясное дело, патруль оставил машину у заведения китайца. Полицейские в задумчивости докурили. Первым поднялся лейтенант. Двинулись обратно. Из кафе вырывались голоса, музыка, смех. Веселье было в самом разгаре.

- Здорово вы его раскололи, - сказал Литума. - Долбили, долбили в одну точку и своего добились.

- Да ничего я не добился. Будь у нас побольше времени, глядишь, и доискались бы правды. - Лейтенант вздохнул и жадно, полной грудью вдохнул морской воздух. - Знаешь, Литума, что мне пришло в голову?

- Что?

- Думаю, вся Таларская авиабаза от дневального до самого полковника Миндро в курсе дела.

- Похоже на то, - кивнул Литума. - Уж лейтенант-то Дуфо точно знает, кто убил Паломино.

Они замолчали, шагая по спящей Таларе. Деревянные домики прятались во мраке, лишь кое-где в окне тускло мерцал огонек. За колючей проволокой в запретной зоне тоже все спало.

Внезапно лейтенант изменившимся голосом сказал:

- Будь другом, Литума, прогуляйся к берегу, посмотри, вернулся ли "Таларский лев". Если нет, можешь идти спать. А если да, сообщи. Я буду в харчевне.

- Как? - поразился Литума. - Вы собираетесь?..

- Да, собираюсь, - с нервным смешком ответил лейтенант, - собираюсь попробовать. А вдруг сегодня ночью случится чудо? Скорей всего не случится, но попытка не пытка. Крепкий орешек эта донья Адриана, я даже не ожидал. Ну да ничего, будет наша! А знаешь почему, Литума? Мне на этом свете надо два дела сделать: натянуть донью Адриану и найти убийц Паломино Молеро. Это даже важнее, чем получить очередное звание. Не веришь? Не надо. Отправляйся.

"Как это он еще может думать о таких вещах?" - поразился Литума. Он представил себе, как донья Адриана мирно спит в своей постельке, видит сны и

даже не подозревает, какой гость к ней собирается. Нет, лейтенант явно не в себе. Неужели донья Адриана уступит ему? Нет, пусть не надеется. Откуда-то из темноты выскочила собака, облаяла Литуму. Он отшвырнул ее ногой. В Таларе всегда пахло рыбой, но иногда - вот как сегодня, например, - вонь становилась нестерпимой. У Литумы даже голова закружилась. Он достал платок, зажал себе нос. Рыбаки уже вышли на промысел, у берега покачивалось только несколько лодок. "Таларского льва" среди них не было. Литума для верности обошел каждую, убедился, что дон Матиас еще не возвращался. Вдруг он увидел: привалившись к борту вытащенной на песок лодки, кто-то сидел.

- Здравствуйте, - пробормотал Литума.

- Здравствуйте, - ответила женщина так, словно была недовольна, что нарушили ее одиночество.

- А, да это вы, донья Адриана? Что вы тут делаете в столь поздний час?

- Хозяйка харчевни куталась в черную шаль. Ноги ее были, как всегда, босы.

- Да вот еду Матиасу приносила. А когда он уплыл, захотелось посидеть, подышать. Не спится. А тебя, Литума, зачем сюда занесло? Что ты здесь потерял? Может, у тебя свидание, а?

Полицейский засмеялся. Присел на корточки у ног доньи Адрианы и в неверном свете - луна в эту минуту как раз скрылась за тучей - оглядел могучее, изобильное тело, по которому так томился лейтенант Сильва.

- Чего тебя разбирает? - спросила она. - Рехнулся, что ли? Или перебрал? А-а, ты ж идешь от китайца. Все понятно.

- Нет, донья Адриана, - продолжал хохотать Литума. - Не рехнулся и не перебрал. Вы бы тоже померли со смеху, если б я вам рассказал.

- Ну так расскажи, посмеемся вместе. А то ржет тут.

Литума заметил, что она, всегда такая приветливая и благодушная, сегодня вроде бы чем-то огорчена. Руки скрестила на груди, а босым пальцем ноги ковыряет песок.

- Что это вы такая хмурая, донья Адриана? - посерьезнел и Литума.

- Я не хмурая. Я встревожена, Литума. Матиас ни за что не хочет сходить в больницу показаться. Уперся - и не двинуть.

Помолчав, она вздохнула, а потом рассказала, что вот уже больше месяца как муж ее, дон Матиас, кашляет не переставая, а после особенно тяжелых приступов харкает кровью. Она накупила в аптеке разных лекарств, чуть не силой впихнула их в него, но проку никакого. Наверно, у Матиаса что-нибудь серьезное и аптечными снадобьями его болезнь не вылечишь. Ему бы надо просвечивание сделать, а может, и на операцию лечь. А он и слышать об этом не хочет, само, говорит, пройдет и он с ума покуда не сошел, чтоб из-за пустякового кашля бегать по врачам. Ну да ведь она не слепая: разве ж она не видит, что он бодрится и храбрится, а самому все трудней выходить в море? Матиас запретил ей говорить детям, но, когда они в последнее воскресенье приезжали повидаться, она им все рассказала. Может, им удастся свести его в больницу?

- Вы очень любите дон Матиаса, да?

- Да ведь я с ним двадцать пять лет прожила, - улыбнулась донья Адриана. - Самой не верится. Я за него вышла совсем еще девчонкой, на шестнадцатом году. Поначалу боялась его: больно уж здоров. Однако он ходил за мной по пятам, я и уступила. Родители мои были против, говорили: зачем тебе за него, он тебя старше намного, и брак ваш - ненадолго. Ну, как видишь, Литума, они ошиблись. Живем до сих пор, всякое, конечно, бывало, но живем не хуже людей. А чего это ты вдруг спросил, люблю ли я Матиаса?

- Да мне уж теперь совестно признаваться, зачем я сюда пришел.

Нога доньи Адрианы, взрывающая песок, замерла в миллиметре от сапог Литумы.

- Не темни, Литума. Что ты загадками заговорил?

- Лейтенант послал меня узнать, вышел ли дон Матиас на лов, - игриво зашептал Литума. Он помедлил, но донья Адриана молчала. - Он собирался навестить вас, ну и, ясное дело, не хотел нарваться на вашего супруга. Сейчас, наверно, стучится к вам в дверь.

Стало тихо. Только шипели, бессильно распластываясь на песке, волны. Потом донья Адриана засмеялась - негромко и чуть сдавленно, словно не хотела, чтобы он слышал. Засмеялся и полицейский. Так они сидели рядом и хохотали все громче и веселей, заражая друг друга.

- Очень нехорошо с вашей стороны, донья Адриана, смеяться над тем, что человека так разбирает.

- Он сейчас скребется в двери, постукивает в окошко и жалобно просит, чтоб его впустили, - еле выговорила та. - Сулит мне золотые горы. Ой, не могу! Ха-ха-ха! А там нету никого! Ха-ха-ха!

Еще посмеялись немного, потом замолчали, и Литума заметил, что палец хозяйки снова принялся упорно и настойчиво ковырять песок. Вдалеке, возвещая конец ночной смены, взвыл гудок сахарного завода, работали там круглосуточно. Загрохотали и грузовики по шоссе.

- Ей-богу, донья Адриана, вы ведь моего лейтенанта с ума свели. Послушали бы, как он о вас отзывается. Как говорит и что говорит. На других женщин не смотрит. Королева, говорит, королева Талары.

Польщенная донья Адриана снова рассмеялась.

- Любит твой лейтенант руки распускать, когда-нибудь он у меня схлопочет за свои вольности, - в голосе ее не было никакого осуждения. - С ума, говоришь, свела? Не верь, Литума. Это ему вожжа под хвост попала: вбил себе в голову, что должен покорить меня, да не тут-то было. Вот его и заело. Неужели ж я поверю, что он влюбился в женщину, которая ему в матери годится? Не такая я дура. Это просто-напросто каприз, прихоть. Получи он, чего домогается, всю любовь как рукой снимет.

- Так, может, вы, донья Адриана, приголубите его разочек?

- Ни разочек, ни полразочка, Литума, - напустив на себя оскорбленный вид, ответила хозяйка, однако Литума понял, что это притворство. - Я, знаешь ли, не из этих. Кроме законного мужа, на меня никто прав не имеет.

- Ну так вы лейтенанта погубите, донья Адриана. Я в жизни еще не видел, чтобы кто-нибудь по ком-нибудь так сох. Он ведь даже во сне вас видит и с вами разговаривает.

- Что же он говорит?

- Не могу повторить, донья Адриана. Неудобно.

Она снова захохотала. Потом поднялась и пошла, по-прежнему держа скрещенные руки на груди. Литума поплелся следом.

- Хорошо, что я тебя встретила, - сказала она. - Ты меня развеселил, я и позабыла про свою доуку.

- И я рад, донья Адриана, - отвечал полицейский. - Я вот поговорил с вами и хоть на пять минут отделался от Паломино, а то он так и стоял у меня перед глазами. Каждую ночь кошмары снятся. Может, хоть сегодня этого не будет.

У дверей харчевни он распрощался с доньей Адрианой и зашагал в участок. Там они с лейтенантом и жили: лейтенант в просторной комнате, примыкавшей к служебному помещению, а Литума - в каком-то чуланчике. Все остальные полицейские были люди семейные и жили своим домом. По дороге Литума

воображал, как лейтенант скребется в окно харчевни и шепчет страстные признания. Вот уж точно - бросает слова на ветер.

У входа Литума заметил листок бумаги, свернутый в трубочку и засунутый за дверную ручку с таким расчетом, чтобы он сразу бросился в глаза. Литума осторожно развернул его и, войдя в кабинет: два стола, на стене - щит с изображением перуанского герба, в углу - национальный флаг, в другом - плевательница, - включил свет. Письмо было написано синими чернилами, аккуратным, изящным почерком человека, привычного к перу и бумаге:

"Те, кто убил Паломино Молеро, выманили его из дома донья Лупе в Амотапе. Допросите ее. Она вам поможет". Анонимки - насчет супружеской измены и темных дел с контрабандой в портовой таможне - приходили в полицию часто. Но это письмецо было первым откликом на гибель Паломино Молеро.

V

- Вот это названьице! - сказал лейтенант Сильва. - Неужели и впрямь оно происходит из этой истории про священника и его служанку? Вы, донья Лупе, какого мнения на сей счет?

Амотапе лежит в полусотне километров к югу от Талары среди раскаленных дюн и обжигающей гальки. Вокруг пересохшие от зноя заросли кустарника, рощицы рожковых деревьев, один-два эвкалипта - бледно-зеленые пятна их листья оживляют серое однообразие пейзажа. Деревья приноровились впитывать из воздуха капли влаги, и потому стволы их так скручены и скорчены, что издалека кажутся какими-то ведьмами, растопырившими костлявые руки. В блаженной прохладе под сенью их крон всегда пасутся тощие козы, обгладывая потрескивающие стручки; сидит пастушок или пастушка с дочерна загорелым лицом и живыми проворными глазками.

- Так как вы полагаете, донья Лупе, история про священника и служанку - это правда? - повторил лейтенант.

Деревня - беспорядочное нагромождение глинобитных, крытых тростником домиков с крошечными загонами для скота; вокруг площади с фонтаном, клумбой и памятником учителю Боливара - Симону Родригесу, окончившему свои дни в этом захолустье, - стоят несколько домов почище. Жители Амотапе, люди бедные и пропыленные, живут тем, что разводят коз, торгуют хлопком, привечают водителей грузовиков и пассажиров автобуса Талара - Сульяна, которые делают здесь остановку, чтобы хлопнуть стаканчик виноградной водки и закусить. Название свое городок получил, как гласит местная легенда, еще в колониальные времена и вот каким образом: некогда там жил чрезвычайно скардный священник, который терпеть не мог кормить гостей. Служанка его, потакавшая этой слабости, увидев, что кто-нибудь приближается к их дому, кричала: "Амотапе, Амотапе!" {По-испански Амотапе (Амо, тапе) - хозяин, прячьте.}

- Кто его знает, - пробормотала наконец женщина. - Может, правда, а может, и брехня.

Она была так худа, что кости, казалось, вот-вот прорвут оливковую, пергаментно-сухую кожу. На полицейских она глядела недоверчиво. "Еще недоверчивей, чем на нас обычно смотрят люди", - подумал Литума. Женщина так и сверлила их глубоко запавшими, испуганными глазами и время от времени потирала руки, словно сильно зябла. Встречаясь с ними взглядом, она выдавливая улыбку - неискреннюю и кривую, больше похожую на гримасу. "Да ты, голубушка, перепугана насмерть, - подумал Литума. - Должно быть, тебе немало известно". Женщина подала им жареных бананов, салата и вина, а

глядела все так же подозрительно и боязливо. "Когда же он начнет задавать ей вопросы?" - думал Литума, чувствуя, как от выпитого шумит в голове. Полдень, самое пекло. Кроме них с лейтенантом, в харчевне никого не было. В окне виднелась покосившаяся церковка святого Николая, героически сопротивлявшаяся натиску времени. А за нею, в нескольких сотнях метров, ползли по шоссе грузовики: одни - в Сульяну, другие - в Талару. Вот на таком грузовике, кузов которого был заставлен клетками с курами, приехали в Амотапе и лейтенант с Литумой. Все местные ребяташки с любопытством разглядывали полицейских, куда те брели через поселок. Над крышами нескольких домиков полоскались на ветру белые полотнища. Лейтенант спросил, в каком из них помещается закусочная доньи Лупе, и ребяташки, окружившие их, хором указали дорогу. Литума с облегчением вздохнул: слава богу, донья Лупе существует на самом деле, не зря, значит, тряслись они по жаре в кузове, пропахшем птичьим пометом, поминутно отплевываясь от перьев, лезших в глаза и уши, полуоглохли от неумолчного кудахтанья своих спутниц, одурели от солнцепека. А потом еще возвращаться в Талару - снова плестись к шоссе и голосовать на обочине, пока какой-нибудь водитель не сжалится и не подвезет.

- Здравствуйте, донья Лупе, - войдя, сказал лейтенант. - Вы, говорят, такая мастерица готовить, что и мы не утерпели, приехали проверить, не врут ли люди. Надеюсь, вы не обманете наших ожиданий и подтвердите свою славу.

Судя по тому, каким взглядом окинула их донья Лупе, ни единому слову лейтенанта она не поверила. Да и как было поверить, размышлял Литума, если чича едкая как щелочь, а мясная начинка совершенно безвкусная? Поначалу местные ребяташки прилипли к окну, не сводя с посетителей глаз, но потом разбежались, явно заскучав, и теперь во дворе, возле очага и трех колченогих столиков остались двое-трое полуголых детей. Наверно, ребяташки доньи Лупе. Странно, однако, что у женщины ее возраста такие маленькие дети. А может, она только выглядит старухой?

Все попытки завязать с ней беседу ни к чему не привели. О чем бы ни заводил речь лейтенант: о погоде, о засухе, о видах на урожай, о происхождении названия Амотапе, - она либо молчала, либо что-то односложно бурчала себе под нос, либо отделялась недомолвками.

- Сейчас я тебя, Литума, сильно удивлю. Ты ведь тоже, наверно, считаешь, что донья Адриана толстуха? А? Признайся. Так вот, Литума, это заблуждение. Она не толстая, а пышнотелая. Улавливаешь разницу?

Когда же он начнет? Как подступится к донье Лупе? Литума сидел как на иголках, дивясь и восхищаясь. Ему ли не знать, как мечтает лейтенант размотать это убийство? Не он ли был свидетелем того, как вчера вечером подействовала на лейтенанта анонимка? Обнюхав бумагу не хуже ищейки, он изрек: "Нет, это не липа. Тут пахнет настоящим делом. Придется ехать в Амотапе".

- Ты вправе спросить, друг мой Литума, в чем же разница? Отвечу тебе. Толстуха - вся мягкая, рыхлая, квелия, дряблая. Прикоснись к ней - рука по локоть уйдет, как в тесто. А пышнотелая - тугая, литая, у нее всего столько, сколько надо и даже чуточку больше. Избыток этот особенно тешит и радует. Сколько надо и там, где надо. Потребное количество на должном месте! Тронешь - и почувствуешь сопротивление, пальцы так и отскочат.

Всю дорогу до Амотапе, невзирая на то, что солнце огненным буравом ввинчивалось прямо в темя, лейтенант не закрывал рта, рассуждая об анонимке, о лейтенанте Дуфо, о полковнике Миндро и о его дочери. Но чуть только переступили они порог этой забегаловки, он стал вести себя так, будто до Паломино Молеро ему нет решительно никакого дела. Толковал он только про

странное название поселка, - ну разумеется! - о достоинствах доньи Адрианы, причем голос не понижал, присутствием хозяйки нимало не смущался.

- Это разница между мускулом и жиром, друг Литума! Толстуха - это жир! Пышнотелая женщина - это туго сплетенные мышцы! Лучше тугих, мускулистых грудей нет ничего не свете! Не променяю их даже на кулинарные чудеса нашей доньи Лупе. Не смейся, Литума, я говорю истинную правду. Ты в этих делах ничего не смыслишь, так слушай и просвещайся! Мускулистый живот, мускулистый зад, мускулистые бедра - это яства, достойные только королей, князей, генералов! Ах, боже мой! Вот такова и владычица моего сердца, друг Литума! Она не жирная, нет! Она не толстуха! Она - пышнотела! Она - мускулиста, черт бы меня подрал. И за это я ее люблю.

Литума из уважения к начальству посмеивался, но на донью Лупе рацеи лейтенанта никакого действия не оказывали. Она была невозмутима и, казалось, равнодушно принимает все это к сведению. "Выжидает лейтенант, - догадался Литума, - ему неймется так же, как и мне". Когда же он решится? Но лейтенант не спешил и совершенно не собирался слезать с облюбованной темы.

- Ты вправе спросить, Литума: "Откуда это, мол, лейтенант решил, что донья Адриана не толста, а пышнотела? Проверял он ее, что ли?" Признаюсь тебе, Литума, да! Но чуть-чуть! Там прижмешь, тут ущипнешь мимоходом. Я знаю, что ты сейчас думаешь. Правильно думаешь. Детские игрушки, думаешь ты. Но ведь я кое-что видел, Литума. Я выдам тебе свою тайну. Я видел, как донья Адриана купалась. Знаешь, за маяком, где скалы и такая пропасть крабов? Ну, там всегда купаются старухи, боясь, как бы за ними не подглядели? Зачем, по-твоему, я каждый день исчезаю, прихватив бинокль, а тебе говорю, что иду пить кофе в отель "Ройаль"? Зачем я лезу на эту скалу, которая как раз над пляжем? Все затем, Литума. Затем, чтобы увидеть мою любовь в одной розовой нижней юбке, а когда эта юбка намокает, она делается почти прозрачной. Ради бога, донья Лупе, принесите мне воды! Я горю! Залейте во мне это пламя! Вот тогда я и понял, друг Литума, что значит "пышнотелая женщина"! Литые ягодицы, литая грудь, сплошной мускул - от шеи до пят! Я вот как-нибудь возьму тебя с собой, полюбуешься. Одолжу тебе бинокль. Увидишь, что я прав. Увидишь самое аппетитное тело во всей Таларе! Да, Литума, я не ревнив, по крайней мере, к моим подчиненным. Да, если будешь хорошо себя вести, отведу тебя к той скале. Увидев эту чудо-женщину, ты с ума сойдешь от счастья.

Лейтенант, черт возьми, вроде бы забыл, зачем они приехали в Амотапе, но в ту минуту, когда Литума совсем было потерял надежду и терпение, тот вдруг замолк. Потом снял свои темные очки - Литума заметил, как колбоче поблескивают его глаза, - протер стекла платком, снова водрузил очки на нос. Безмятежно раскурил сигарету и сладким голосом сказал:

- Донья Лупе, а донья Лупе! Присядьте с нами на минуточку. У нас к вам дельце.

- Какое еще дельце? - стуча зубами, проговорила женщина. Ее трясло как в лихорадке. Литума заметил, что и его бьет дрожь.

- Поговорить с вами хочу о Паломино Молеро. О ком же еще? Не о возлюбленной же моей нам с вами беседы вести, сами посудите. Подойдите-ка. Ближе, ближе. Сядьте.

- Не знаю, про кого вы толкуете, - сказала хозяйка, как автомат опускаясь на стул. Она показалась Литуме еще костлявей, словно ссохлась на глазах. - Клянусь вам, не знаю, - повторила она, кривя рот.

- Вы прекрасно знаете, кто такой Паломино Молеро, - с легкой укоризной отвечал лейтенант. Он перестал улыбаться, и Литума, потрясенный его ледяной суровостью, подумал: "Ну, наконец-то мы все сейчас узнаем". - Солдатика с

авиабазы, которого прикончили в Таларе. Того, которого прижигали сигаретами. Того, кого повесили, кому вогнали в задний проход здоровенный кол. Паломино Молеро, который так славно пел болеро. Он был здесь, на этом самом месте. Не припоминаете?

Литума увидел: женщина широко раскрыла рот, выпучила глаза. Но ни слова в ответ. Так и застыла, дрожа всем телом.

- Буду с вами откровенен, донья Лупе. - Лейтенант выпустил облачко дыма и, словно позабыв обо всем на свете, следил, как оно тает в воздухе. - Если вы нам не поможете, если станете запираяться, окажетесь, донья Лупе, в такой заднице, откуда вам вовеки не выбраться, - вдруг заговорил он с прежней суровостью. - Вы уж простите за такое неделикатное выражение - я хочу, чтоб вы поняли, насколько серьезно дело. Я не хочу вас арестовывать, везти в Талару, сажать в тюрьму, где вы останетесь до конца дней своих как соучастница преступления и укрывательница убийц. Уверяю вас, донья Лупе, я этого вовсе не хочу.

Ребенок продолжал возиться на горшке, и Литума поднес палец к губам. Малыш показал ему язык и улыбнулся.

- Убьют меня, - со стоном вымолвила наконец женщина. Однако в глазах ее не было слез - только ненависть и животный ужас. Литума затаил дыхание: ему казалось, что, если он шевельнется, если скрипнет стулом, случится непоправимое. Лейтенант тем временем медленно расстегнул кобуру. Достал пистолет и брякнул им об стол, отодвинув тарелку с остатками обеда.

- Ни один волос не упадет с вашей головы, донья Лупе. Расскажите нам честно и откровенно все, что знаете. Эта штука защитит вас, если потребуется.

Где-то далеко прорезал тишину истошный крик осла. "Случка, должно быть", - подумал Литума.

- Они мне грозили, они сказали: хоть слово пикнешь - убьем, - вскинув руки, завывала женщина. Закрыв лицо ладонями, она корчилась на стуле. Слышно было, как стучат у нее зубы. - В чем я-то виновата, сеньор полицейский, я-то что плохого сделала? Умру я, на кого детей покину? Мужа моего трактор задавил.

Игравшие в песке ребятишки, услышав ее вопль, на минуту обернулись, но сразу же потеряли к ней интерес и снова занялись своим делом. Самый маленький, тот, что лепил куличики, пополз к дверям. Солнце вызолотило его кожу, пронизало светом кудряшки. Он сосал палец.

- Они ведь тоже грозили мне оружием, - продолжала подвывать хозяйка. - Так кого же мне слушать - вас или их?

Она пыталась заплакать, морщила лицо, заламывала руки, но глаза ее оставались сухи. Тогда она ударила себя в грудь, перекрестилась.

Литума огляделся по сторонам. Нет, вопли доньи Лупе не привлекли внимания соседей. В полуоткрытую дверь он видел церковь, пустынную площадь. Исчезли даже ребятишки, совсем недавно гонявшие там тряпичный мяч. "Наверно, родители схватили их за шиворот, загнали по домам, чтобы они ничего не видели и не слышали", - подумал он. Значит, все знают о том, что случилось с Паломино Молеро, значит, все были свидетелями. Сейчас, сейчас тайное станет явным.

- Вы успокойтесь. Разберемся не торопясь, шаг за шагом, - сказал лейтенант, но интонация, с которой произнесены были эти слова, должна была не успокоить женщину, а только усилить ее страх. - Даю вам слово, никто вас не убьет и не обидит, - с ледяной угрозой в голосе продолжал он. - Если, конечно, вы будете со мной откровенны. Если расскажете мне всю правду.

- Не знаю, ничего я не знаю! Боюсь я, - пролепетала женщина, но по отчаянию ее видно было, что она знает все и что сил отрицать и запираться у нее уже нет. - Святой Николай, помоги мне!

Она два раза подряд осенила себя крестным знаменем, поцеловала скрещенные пальцы.

- Начните с самого начала, - велел лейтенант. - Когда появился тут Паломино Молеро? Зачем? Давно ли вы его знаете?

- Я и вовсе его не знала, я его и не видела никогда! - воскликнула женщина. Голос ее то срывался на крик, то звучал еле слышно, словно она потеряла власть над ним, глаза вращались. - Я бы ни за что не приютила его, если б не девушка. Они искали нашего священника, падре Эсекиеля. А его не было. Его почти никогда не бывает, вечно он в отъезде.

- Девушка? - вырвалось у Литумы, но лейтенант так глянул на него, что он тотчас прикусил себе язык.

- Девушка. Это все она. Умоляли меня, вот я и согласилась. Не на деньги я польстилась, хотя, видит бог, они мне не лишние. Мужа моего трактор задавил. Разве я вам не сказала? Клянусь вам господом всевышним, который все видит, все знает, небесным заступником нашим, святым Николаем клянусь! Да у них и не было денег. Еле-еле хватило за обед расплатиться. А переночевать я их пустила бесплатно. Они ведь собирались обвенчаться, вот я и сжалилась, такие они оба были молоденькие, совсем еще дети. И очень уж сильно влюблены, даже со стороны заметно. Откуда ж мне было знать, как все обернется?! За что же, господи боже, мне такое несчастье, чем я тебя прогневала?

Лейтенант, пуская колечки дыма, неотрывно глядел на донью Лупе сквозь темные стекла своих очков, а она снова перекрестилась, заломила руки, с силой вцепилась пальцами в щеки, словно хотела расцарапать себе лицо.

- Я знаю, что у вас доброе сердце, я сразу это понял, - все тем же тоном сказал он. - Вам нечего бояться. Рассказывайте дальше. Сколько же дней провели они у вас?

Истошный ослиный крик снова прорезал благостную тишину утра, и Литума услышал бешеный стук копыт. "Кончили дело", - понял он.

- Два дня, - ответила донья Лупе. - Они ждали священника, я ж вам сказала. А тот уехал. Его никогда не застанешь. Скажет, что поедет крестить младенцев и венчать молодых в дальних поместьях, - и поминай как звали. А правда, нет ли - кто его знает. Много чего толкуют об этих его отлучках. Я им говорила - не ждите, он и на неделю уезжает, и на десять дней. Известно: своя рука - владыка. Ну вот они и собрались наутро в Сан-Хасинто. Это было в субботу, я сама им и присоветовала: поезжайте, мол, туда. По воскресеньям священник из Сульяны служит там мессу, он вас и обвенчает в усадебной часовне. А здесь ничего не дождетесь, говорю я им. Поезжайте, поезжайте в Сан-Хасинто.

- Однако уехать они в то воскресенье не успели? - перебил ее лейтенант.

- Нет, не успели, - с неприятным ужасом сказала женщина. Замолчав, она взглянула на лейтенанта, потом на Литуму и снова на лейтенанта. Опять затряслась так, что залязгали зубы.

- Не успели, потому что... - пришел к ней на помощь лейтенант.

- Потому что в субботу к вечеру их нашли, - прошептала она.

Еще не начинало смеркаться. Огненный шар солнца еще висел между стволами эвкалиптов, и закатное это зарево отражалось, как в зеркале, в сверкавших крышах, когда донья Лупе, стряпавшая у очага, увидела автомобиль. Он вылетел с шоссе, пересек Амотапе и, фырча, вздымая облака пыли, свернул прямо на церковную площадь. Донья Лупе не сводила с него глаз, и двое

влюбленных тоже заметили, но никакого внимания не обратили, пока машина не затормозила прямо у самой церкви. Те двое сидели и целовались. Они целый божий день целовались. Уж лучше бы спели что-нибудь или поговорили, а то только и знают что целоваться, детей бы постыдились.

- Он, говорят, дивно пел? - поощрил рассказчицу лейтенант. - Болеро в особенности, да?

- И болеро, и вальсы, - кивнула та и вздохнула так глубоко, что Литума крякнул. - И тондеро, и эту "песенку кумовьев", знаете, где двое перекликаются. Все у него очень славно выходило.

- Итак, машина въехала в поселок, вы ее увидели, - напомнил лейтенант.
- А эта парочка? Бросилась бежать? Попыталась спрятаться?

- Девушка хотела, чтобы Паломино укрылся где-нибудь. Стала ему говорить: "Беги, милый, укройся, спрячься, беги, нельзя тебе здесь оставаться, не хочу, чтобы..." А он ей: "Нет, милая, ты теперь моя, две ночи мы были вместе, ты жена мне теперь, и никто ничего не посмеет нам сделать, придется им согласиться. Никуда я не пойду. Я дождусь их и все им объясню". А та перепугалась и все уговаривала его: "Беги, беги, они с тобой расправятся, беги, а я их отвлеку, не хочу, чтобы тебя убили".

И страх ее передался донье Лупе.

"Кто они? - спросила она, показывая на запыленную машину, откуда вылезло двое мужчин, - силуэты их четко выделялись на багровом закатном небе, точно вырезанные из черной бумаги фигурки без лиц. - Кто они? Зачем приехали? Мать божья, что же будет?"

- Ну и кто же это был? - спросил лейтенант, окутываясь табачным дымом.

- Кто был? - прошипела сквозь стиснутые зубы женщина с яростью, на миг одолевшей страх. - Как это "кто был"? Кому ж и быть, как не вашим?

- Наши? Гражданская гвардия? Или военная полиция? Солдаты с Таларской авиабазы? Правильно я вас понял?

- Ваши. Люди в военной форме, - снова сникла донья Лупе. - Разве вы все - не одно и то же?

- Да не совсем, - улыбнулся лейтенант. - Впрочем, это несущественно.

В этот миг, продолжая жадно вслушиваться в ее рассказ, Литума вдруг увидел их. Прячась от солнца под навесом из жердей, прижавшись друг к другу, сцепив пальцы, сидели они, и беда уже была готова обрушиться на них. Склонив черноволосую, коротко остриженную голову к ней на плечо, чуть щекоча ей ухо губами, он пел: "Наши души в этом мире воедино свел господь..." - а у нее от нежности выступили на глазах слезы, и, чтобы лучше слышать, она кокетливо приподнимала плечо и чуть-чуть хмурилась, сдвигая брови над детскими влюбленными глазами. Любовь смягчила ее черты, смыла высокомерное выражение. Литума почувствовал, как охватывает его бесконечная печаль, когда в реве мотора, в облаке желтоватой пыли неотвратимо возник впереди автомобиль с людьми в военной форме. Не задерживаясь, проскочит он через поселок на исходе дня и еще через несколько жестоких минут затормозит у этой лачуги без двери, где сейчас сидели они с лейтенантом. "Что ж, по крайней мере, хоть эти двое суток они были счастливы", - подумалось ему.

- Как? Только двое? - спросил лейтенант, и Литума удивился его удивлению. Из какого-то неясного суеверного чувства он старался не встречаться с ним глазами.

- Только двое, - словно сама сомневаясь, испуганно подтвердила женщина. Она заморгала, припоминая, силясь понять, не изменяет ли ей память. - Да нет. Только двое их было. Они вылезли, и в машине никого больше не осталось. Я запомнила - их было двое, я уверена. А что?

- Да ничего. - Лейтенант раздавил в пепельнице сигарету. - Я думал, что за ним отправили наряд. Что ж, двое так двое. Это неважно. Продолжайте.

Снова задрожал в знойном полдневном воздухе ослиный рев - ликующий, низкий, переливчатый рев зверя, извергнувшего семя, и тотчас возившиеся в пыли ребятишки - кто бегом, кто ползком - кинулись, хохоча, искать ослицу, поглядеть, как покрывает ее это ревущее чудовище.

"Ты жива? - спросил один из приехавших - тот, кто казался старше, тот, у кого в руках не было револьвера. - Что он с тобой сделал? Как ты себя чувствуешь?"

В считанные минуты стемнело: за то время, которое потребовалось приехавшим, чтобы дойти от джипа до лачуги доньи Лупе, сумерки стали ночью.

"Если тронешь его, я покончу с собой, - сказала девушка: в спокойном ее голосе звучал вызов, ноги твердо упирались в землю, кулаки были сжаты. Однако подбородок у нее дрожал. - Если тронешь его, я покончу с собой. А сначала всем все расскажу о тебе. Все умрут от стыда и омерзения".

Донья Лупе тряслась как овечий хвост.

"Что происходит, господа, кто вы, чем могу служить, это мой скромный дом, я бедная женщина, я ничего плохого не сделала".

Тень с револьвером - казалось, что при каждом взгляде на Паломино глаза у нее полыхают огнем - подошла к ней вплотную и уткнула дуло между иссохших грудей.

"Нас здесь нет, мы тебе примерещились, - сказал он. Язык у него чуть заплетался, как у пьяного, но пьян он был от ярости и ненависти. - Сболтнешь кому-нибудь - застрелю как бешеную собаку своими руками. Поняла?"

Хозяйка упала на колени. "Я ничего не знаю, ничего не понимаю. В чем я провинилась, сеньор? Что за преступление - пустить к себе переночевать двух молодых людей? Ради господа нашего, ради Пречистой Девы, не стреляйте, не доводите до беды!"

- Младший не называл старшего "господин полковник"? - перебил ее лейтенант.

- Не знаю, - отвечала донья Лупе неуверенно, пытаюсь вспомнить. - "Господин полковник"? Вроде бы называл, а может, и нет. Не помню. Я бедная, невежественная женщина, сеньор. Тот, с пистолетом, сказал, что, если кому-нибудь проговорюсь, он всадит мне пулю в лоб, другую - в живот, а третью - не могу выговорить куда. За что? Чем я виновата? Мужа у меня трактором задавило. Шестеро детей у меня, я их кормлю-пою. Сейчас шестеро, а всего было тринадцать, да семерых бог прибрал. Если меня убьют, эти шестеро тоже помрут. Разве это справедливо?"

- Тот, кто грозил вам револьвером, был младший лейтенант? Была у него на плече такая нашивка? На околыше - одна звездочка?

Литума подумал, что присутствует при сеансе передачи мыслей на расстоянии: его начальник спрашивал о том, что его самого только что осенило. У него даже дух захватило, голова пошла кругом.

- Не разбираюсь я в этих делах, - заскулила женщина. - Не спрашивайте меня, не путайте, все равно я ничего в толк не могу взять. Какая еще звездочка? Какой околыш?

Литума слышал ее голос, но отчетливо видел, как в синих сумерках, окутавших городок, донья Лупе стоит на коленях перед летчиком, яростно размахивающим пистолетом, а второй, постарше, горестно, страдальчески, недоуменно смотрит на девушку, своим телом закрывающую Паломино, не позволяющую ему ни приблизиться к незнакомцам, ни заговорить с ними. Видел Литума, как пронесшийся джип точно вымел с улиц, загнал по домам взрослых и

детей, собак и коз - никто не хотел впутываться в эту историю.

"А ты молчи, не смей ничего говорить, какое право ты имеешь, как ты смел сюда приехать, кто ты мне? - говорила она, удерживая, оттесняя, отталкивая Паломино, пресекая все его попытки шагнуть вперед и объясниться. И тут же повторяла тому, постарше: - Так и знай, я покончу с собой, но сначала все всем расскажу".

"Я люблю ее, я порядочный человек, я всю жизнь положу на то, чтобы она была счастлива", - бормотал Паломино, не в силах одолеть заслон ее тела и приблизиться к приехавшим. Тот, постарше, даже не взглянул на него, не отрывая глаз от девушки, словно ни в этом городке, ни на всем белом свете никого больше не было. Однако после этих слов Паломино молодой, ругаясь сквозь зубы, двинулся к нему, замахнулся револьвером. Девушка бросилась между ними, и тогда тот, постарше, впервые открыв рот коротко приказал: "Тихо!" Молодой немедля подчинился.

- Он только это и сказал? - спросил лейтенант. - Или назвал его по имени? Как-нибудь обратился к нему? Может быть, он сказал: "Тихо, Дуфо!"? Или: "Тихо, младший лейтенант Дуфо!"?

Да это уж не передача мыслей, это просто чудо! Слово в слово все то, о чем сейчас подумал Литума.

- Не знаю, - отвечала женщина. - Нет, вроде никакого имени он не произносил. Я узнала, что того паренька зовут Паломино Молеро, когда увидела его фотографии в газете, я сразу его признала. У меня чуть сердце не разорвалось! Он, он самый, тот, что девушку похитил и привез к нам. А как ее зовут, я не знала и сейчас не знаю. И тех двоих тоже. Не знаю и знать не хочу! А если вы знаете, то мне не говорите, прошу вас! Я ведь вам помогла? Вот и не надо мне знать этих имен!

"Не бойся, не бойся, не кричи! - сказал тогда пожилой. - Доченька, доченька моя милая. Зачем ты мне грозишь? Ты мне грозишь, ты?"

"Если хоть пальцем тронете, я убью себя!" - дерзко отвечала та. На потемневшем небе ярче засияли звезды. Кое-где в окнах и за тростниковыми стенами домов замерцали огоньки.

"Уж скорей я протяну ему руку и от всего сердца скажу: "Прощаю тебя", - пробормотал пожилой. Он и в самом деле протянул Паломино руку, так, впрочем, и не взглянув в его сторону. Донья Лупе перевела дух, увидев, что они обменялись рукопожатием. Паломино от волнения едва мог говорить.

"Клянусь вам, я сделаю все, - запинаясь, произнес он. - Она - лучшее, что есть у меня в жизни, она - божий свет..."

"А теперь вы пожмите друг другу руки, - приказал пожилой, - забудьте прошлое. Нет больше офицера и рядового. Нет начальников и подчиненных. Просто двое, нет, трое мужчин на равных, как мужчинам и положено, покончили дело миром. Ну, ты довольна теперь? Ты успокоилась? Забудем все, что было. Поехали, здесь нам больше нечего делать".

Он торопливо полез в задний карман за бумажником, и несколько влажных от пота купюр оказались в ладони доньи Лупе, и учтивый голос поблагодарил ее, и попросил извинения за причиненное беспокойство, и посоветовал поскорее все забыть. Потом приземистый силуэт пожилого двинулся к машине, стоявшей с открытыми дверцами. Но второй офицер, прежде чем уйти, снова ткнул ее стволом пистолета в грудь:

"Держи язык за зубами. Если что, пощады не жди".

- И что же, те двое покорно сели в джип? Уехали? - Судя по лицу лейтенанта, он не мог в это поверить, да и Литума тоже.

- Девушка ехать не хотела и дружка своего попыталась удержать. "Давай,

- говорила, - останемся. Не верь им, не верь!"

"Поехали, поехали, доченька, - долетел к ним из машины ободряющий голос пожилого. - Он ведь дезертировал, не забывай об этом. Должен вернуться в часть. Чем скорей он вернется, тем меньше придется расхлебывать, тем проще будет замять это дело. Подумай о том, что его ждет, доченька. Едем".

"Да, милая, он прав, он нас простил, надо ехать, - сказал Паломино. - Я ему доверяю. Как же мне ему не доверять?"

"Как же не доверять?" Литума почувствовал, что по щеке до угла рта проползла слеза, соленая, как капля морской воды. Как шум прибоя, слышал он рассказ доньи Лупе, время от времени перебиваемый вопросами лейтенанта, и смутно сознавал, что ничего нового она уже не рассказывает, и дело, которое они приехали расследовать, проясняется все больше. Женщина плакалась на невезение и злосчастную свою судьбу, вопрошала небеса, за какие грехи послали они ей такую кару - впутали ее в такую ужасную историю. Иногда у нее прорывалось рыдание. Но ее слова уже не интересовали Литума. Словно грезя наяву, снова и снова видел он счастливую пару, проводившую на убогих улочках Амотапе свой медовый месяц, опередивший свадьбу. Видел его - чоло с улицы Кастилии; видел ее - белую девушку из хорошей семьи. "Для любви нет преград", - поется в одном вальсе. В этом случае так оно и было: любовь их сумела сокрушить и расовые предрассудки, и неравенство положения, и разницу в достатке. Видно, сильно, страстно и безудержно любили они друг друга, если решились на нее. "Я такой любви не знал, - подумал Литума. - Я так сильно не любил даже Мече, невесту Хосефино". Ему случалось влюбляться, но стоило женщине уступить ему или слишком долго ломаться и артачиться, как дурь эта исчезала. Никогда любовь не приказывала ему с непрекаемой властью, чтобы он рискнул из-за нее жизнью, как рискнул Паломино, или бросил вызов всему свету, как сделала девушка. "Может, не родилась такая, чтобы я узнал настоящую любовь, - думал он. - Может, слишком долго таскался я по девкам вместе с "непобедимыми", вот сердце-то и истаскал и любить, как любил Паломино, теперь не способен".

- Что же мне теперь делать? - донесся до него рыдающий голос доньи Лупе. - Посоветуйте.

Лейтенант, поднявшись, спрашивал, сколько с них причитается. "Ничего, ничего", - бормотала хозяйка, но лейтенант настаивал: так, мол, сударыня, не пойдет, он не из тех полицейских, что норовят пожрать и выпить задарма, он всегда платит за все, что съел и выпил, и неважно, при исполнении он или нет.

- Так скажите же, по крайней мере, что мне делать? - с тоской спросила донья Лупе, сложив ладони как для молитвы. - Со мной разделяются не хуже, чем с тем несчастным. Разве вы не понимаете? Куда мне бежать? Куда податься? Разве я не оказала вам содействия? Вот и скажите, как мне быть теперь?

- Сидеть тихо, донья Лупе, - любезно отвечал лейтенант, кладя кредитки рядом со своим стаканом. - Сидеть тихо, помалкивать. Никто вас не убьет, никто не обидит. Живите как жили, а про все то, что видели, слышали и нам рассказали, забудьте. А пока до свиданья.

Привычным движением он поднес пальцы к козырьку. Литума, позабыв попрощаться с хозяйкой, вскочил и поспешил следом. Выйти в это пекло, принять на себя отвесные удары солнечных лучей, не смягченных ни кровлей, ни навесом, - все равно что в ад попасть. Не прошли и нескольких шагов, а рубаха на спине уже промокла, в висках зазвенело. Лейтенант шагал легко, а Литума еле переставлял глубоко увязавшие в рыхлом песке ноги. Они миновали извилистую улочку - центральную магистраль, - выбрались на пустырь,

двигались к шоссе. По дороге Литума замечал, что их провожают беспокойные любопытные глаза - целые гроздья голов торчали у окон, прячась при появлении полицейских. Литума был уверен, что лишь только они с лейтенантом уберутся из городка, все ринутся к донье Лупе и станут жадно выпрашивать у нее, что да как. Шли молча, о чем-то размышляя: впереди - лейтенант, шагах в трех за ним - Литума. На самой окраине шелудивая собака заворчала на них, ощерилась. На пустыре проворно сновали между камнями ящерицы - то прятались, то снова появлялись. Литума подумал, что по ночам сюда забредают и лисы. Должно быть, Паломино со своей возлюбленной слышали, как они воют и плачут, кружа у курятников и козых загонов. Испугалась ли девушка, услышав глубокой ночью этот голодный вой? Наверно, обняла Паломино, покрепче прижалась к нему, ища защиты, а он успокоил ее, нашептал на ухо что-нибудь нежное. А может, любовный столбняк был так силен, что им ни до чего не было дела и никакие звуки до них не доходили? Здесь ли, в Амотапе, впервые poznали они друг друга? Или это случилось где-нибудь в окрестностях Пиурской авиабазы?

Когда вышли к шоссе, Литума был мокр как мышь, словно искупался в чем был. Он видел, что зеленые брюки и кремовая форменная рубашка на лейтенанте покрыты влажными разводами, а лоб вызвездили крупные капли пота. Ни одной машины. Лейтенант, покорствуя судьбе, пожал плечами, пробормотал "пождем". Достал пачку сигарет, угостил Литуму, закурил сам. Некоторое время они молча пускали дым, поджариваясь на солнцепеке, думали думу, глядели на посверкивание миражей - озера, ручьи, моря - в этой бесконечной песчаной пустыне. Грузовик, шедший в сторону Талары, не остановился, как ни махали они ему руками и фуражками.

- Когда я только-только кончил училище и служил в Абанкае, был у меня начальник, с которым такие вот шутки не проходили. Он бы на нашем месте достал пистолет да продырявил ему скаты. - Лейтенант с тоской поглядел вслед удаляющемуся грузовику. - Мы его прозвали Капитан Кобелио, очень уж был лют до баб. А тебе не хотелось бы притормозить этого мерзавца?

- Хотелось бы, господин лейтенант, - рассеянно отозвался "непобедимый".

Тот с любопытством оглядел своего подчиненного.

- Я вижу, эта история произвела на тебя сильное впечатление?

Литума кивнул.

- Все никак поверить не могу, хотя своими ушами слышал.

Лейтенант щелчком отправил окурочок на противоположную обочину, мокрым платком обтер лицо и шею.

- Да, от такого рассказа и спать недолго.

- Никогда бы не подумал, - сказал Литума. - Много чего я себе навоображал, да только не это.

- Ты хочешь сказать, что теперь досконально знаешь, как погиб Паломино?

- Более или менее, - пробормотал Литума и спросил с опаской: - А что?

Вы - нет?

- А я пока что нет. Запомни на будущее, друг мой Литума: простых вещей на свете не бывает. Иногда кажется: вот она истина, истинней не бывает, а покрути ее так и эдак, рассмотри вблизи - и дай бог, чтобы от нее хоть половина осталась.

- Это конечно, - согласился Литума. - Но в нашем с вами случае все вроде бы ясно?

- Для начала скажу тебе, хоть ты и сильно удивишься, что вовсе не поручусь за то, что убийцы - полковник Миндро и младший лейтенант Дуфо, - задумчиво проговорил лейтенант без обычной своей насмешливости. - Пока мы знаем лишь, что это они разыскали и увезли Паломино.

- Честно признаться, - заморгал Литума, - меня даже не гибель его так огорошила. А знаете что? Я теперь только понял, почему он пошел в армию добровольцем - чтобы попасть на авиабазу, чтоб быть поближе к своей милой. Это ни в какие ворота не лезет! Чтобы парень, не подлежащий призыву, из-за любви на службу пошел?!

- Почему же это так тебя удивляет? - засмеялся лейтенант.

- Не верится мне, - стоял на своем Литума. - Я лично такого не видывал.

Вдали показался грузовик, и лейтенант отчаянно замахал рукой.

- Выходит, ты ничего не понимаешь в любви, - прежним, привычным, насмешливым тоном сказал он. - Я бы не то что в солдаты - в священники пошел, в мусорщики, я бы, если надо, навоз жрал, только бы быть поближе к моей толстухе. Так-то, друг Литума.

VI

- Вот она! Говорил я тебе! Вот она идет! - воскликнул лейтенант Сильва, крепче прижимая к глазам окуляры бинокля и по-жирафьи вытягивая шею. - Точна, как англичанка. Добро пожаловать, красавица моя. Давай, давай разоблачайся, дай взглянуть на себя еще разок. Пригнись, Литума, если повезет, она повернется к нам лицом.

Литума притулился за обломком скалы. Они сидели здесь полчаса, не меньше. Вот это облако пыли там, вдалеке, - это и есть донья Адриана, или лейтенант от похоти с ума сошел и грезит наяву? Так называемая "Крабья скала", где они сидели, - дозорная вышка, выстроенная самой природой, - торчала над каменистым пляжем, на который накатывала тихая морская вода: пакгаузы нефтяной компании задерживали буйство ветра. За спиной у них дугой протянулась бухта - два причала, трубы нефтеперегонки, металлические башни, сплетение конструкций. Дальше беспорядочно теснились домишки Талары. Как пронюхал лейтенант, что именно сюда в предвечерний час, когда солнце становится багровым, а жара немного спадает, приходит купаться донья Адриана? Да вот пронюхал, однако же: Литума в самом деле различал теперь в облаке пыли плавно покачивающееся телесное изобилие хозяйки.

- Это высшее отличие, Литума, я покуда никого еще им не удостаивал, - бормотал лейтенант, не отнимая глаз от бинокля. - Увидишь толстуху во всей красе. Увидишь все ее тайные прелести. Приготовься к этому зрелищу, Литума, а не то ослепнешь. Это мой тебе подарок ко дню рождения, это все равно что производство в чин. Бога тебе надо молить за такого начальника, как я. Повезло тебе, дураку.

Лейтенант болтал как попугай, но Литума слушал его вполуха, обращая на крабов больше внимания, чем на шуточки и на появление доньи Адрианы. Скала оправдывала свое название: крабы тут водились сотнями, а может, тысячами. Литума, позабыв про все, смотрел, как появляются они, сливаясь по цвету с песком, из бесчисленных норок, а оказавшись снаружи, раздуваются, удлиняются, обретают свою невероятную форму и неторопливо пускаются в путь - то ли вперед, то ли назад, понять нельзя. "Точно как мы с Паломино Молеро", - подумал полицейский.

- Пригнись, пригнись пониже, - вполголоса приказал лейтенант. - Ага! Она начала раздеваться!

Тут Литума заметил, что скала сплошь изъедена крабами, прогрызшими в ней бесчисленные пересекающиеся галереи. А вдруг рухнет? Тогда ему и лейтенанту предстоит падение в эти темные, душные песчаные глубины, где копошатся, шевеля цепкими клешнями, полчища этих тварей. Их ждет верная и

притом мучительная смерть. Литума пощупал под собой. Ничего, прочно.

- Да дайте же и мне взглянуть, - пробурчал он. - Позвали глядеть, а смотрите один.

- Мне положено, я - начальство, - ухмыльнулся лейтенант, но все же протянул ему бинокль. - Смотри, только недолго. Тебе еще рано: скажут, что я тебя развращаю.

Литума настроил бинокль по глазам и увидел внизу донью Адриану. Она безмятежно стягивала с себя платье. Может, она знает, что за ней подглядывают? Может, она нарочно дразнит лейтенанта? Да нет, движения ее были так ленивы, так небрежны, что было ясно - она считает себя недосыгаемой для посторонних взглядов. Сложив платье, донья Адриана стала на цыпочки - положить его на выступ скалы, куда не долетали брызги. Как и говорил лейтенант, хозяйка носила короткую розовую нижнюю юбку, и взгляду Литумы предстали бедра, могучие, как лавровые комли, и открытые едва не до сосков груди.

- Кто бы подумал, что она так хорошо сохранилась, - удивился он.

- Довольно, оставь и мне, - сказал лейтенант и отобрал у него бинокль.

- Самое интересное начнется, когда она пойдет в воду. Юбочка намокнет и станет прозрачной, и зрелище это не для рядовых, Литума. Это только от лейтенанта и выше.

Литума засмеялся - из вежливости, а не потому, что счел шутку начальства удачной. Ему было как-то не по себе, он маялся, неизвестно почему. Может, это Паломино Молеро виноват? Может быть. С тех пор как он увидел его обезображенный труп, уже ни на минуту не мог позабыть это распятое, обожженное, проткнутое острым суком тело. Раньше он еще надеялся, что, когда они выяснят, кто и за что расправился с пареньком, он сумеет выбросить страшную картину из головы. Как бы не так: тайна более или менее проясняется, а Паломино день и ночь стоит перед глазами. "Испоганил ты мне жизнь, заморыш чертов", - подумал он. В эту же субботу, когда получит жалованье, отпросится у лейтенанта и смотается в Пиуру. Там разыщет "непобедимых", угостит их в заведении Чунги, а кончат вечер в "Зеленом доме", у "курочек". Такая встряска пойдет ему на пользу.

- Донья Адриана принадлежит к высшей женской расе, - прошептал лейтенант. - Представительницы ее трусиков не носят. Гляди, Литума, примечай, какими преимуществами обладают женщины, которые идут по жизни без штанов.

Он сунул ему бинокль, но Литума, как ни напрягал глаза, ничего особенного не увидел. Донья Адриана шумно плескалась в заводи, колотила руками по воде, брызги и пена летели во все стороны, и, хотя юбка ее в самом деле стала прозрачной, разглядеть мало что удалось.

- Мне бы ваши глаза, господин лейтенант, а еще бы лучше - вашу фантазию, - возвращая бинокль, сказал он. - Честно признаюсь, кроме пены, ничего стоящего внимания не обнаружил.

- Ну и черт с тобой, - лейтенант снова принял к окулярам. - А я вот вижу все. Сверху вниз и снизу вверх вся красота как на ладони. А-а, нет ли в нашей толстухе африканской крови - ишь как завилась! Если желаешь знать, сколько их, - спроси меня, я тебе скажу. Донья Адриана ничего не смогла от меня утаить.

- Ну и долго еще?.. - раздался вдруг у них за спиной девичий голос.

Литума осел на землю, а потом так резко повернулся, что чуть не вывихнул себе шею. Он понял, что первая его мысль была ошибочна, но ему продолжало казаться, что это говорит не женщина, а краб.

- Ну и долго еще намерены вы похабничать? - повторила девушка. Сжатыми кулачками она упиралась в бедра и позой своей напоминала тореро, ожидающего быка. - Долго ли собираетесь болтать всякие гадости? Еще не исчерпали весь свой запас? Я давно наблюдаю за вашим свинством. Какая мерзость!

Лейтенант Сильва подобрал бинокль, выпавший у него из рук, когда вдруг прозвучал ее голос. Литума, продолжавший сидеть на земле, видел, что его начальник не вполне еще оправился от изумления и отряхивает брюки, стараясь выиграть время. Потом с поклоном заговорил:

- Опасные шутки, сеньорита! Разве можно так незаметно подкрадываться? Мы ведь при исполнении служебных обязанностей. А если бы я от неожиданности выстрелил в вас?

- Служебных обязанностей? - саркастически рассмеялась девушка. - С каких это пор полицейских обязали подглядывать за купальщицами?

Только в эту минуту Литума узнал дочку полковника Миндро, Алисию. Да, это была она. Сердце у него заколотилось. Снизу доносился крик разъяренной доньи Адрианы. Она их засекала. Литума, как во сне, видел: согнувшись и прикрываясь, она выскочила на берег, бросилась к своему платью, грозя им кулаком.

- Хорошо вы охраняете порядок, - продолжала девушка. - Хорошо, нечего сказать! Какое свинство! Вполне оправдываете свою репутацию. Вы, пожалуй, еще хуже, чем про вас говорят.

- Сеньорита, с этой скалы мы наблюдали за баркасами контрабандистов, которые пытаются уйти в Эквадор, - ответил лейтенант, и слова его прозвучали так убедительно, что Литума возрился на него с восхищением. - Вам это позволительно не знать, а кроме того, из ваших уст любое оскорбление - награда. Продолжайте, прошу вас.

Краем глаза Литума видел, что донья Адриана, кое-как натянув на себя платье, удаляется по направлению к Пунта-Арене. Идет скорым шагом, энергично раскачивая бедрами и гневно размахивая руками. Без сомнения, кроет их с лейтенантом последними словами. А девушка, разглядывая обоих, вдруг замолчала, точно возмущение ее внезапно испарилось. С ног до головы она была в пыли. Нельзя было понять даже, какого цвета ее блузка и брючки - и то, и другое, и мокасины, и ленточка в стриженных волосах приобрели желтовато-серый оттенок окрестных пустырей. Литуме показалось, что она стала еще тоньше, чем в тот день, когда он видел ее в кабинете полковника, - хрупкая, с едва заметной грудью, узкобедрая. Доска - пренебрежительно называл таких женщин его начальник. Вздернутый, брезгливо принюхивающийся носик придавал лицу особенно надменное выражение. Их с лейтенантом она тоже словно обнюхала и явно осталась недовольна. Сколько ей лет? Шестнадцать? Восемнадцать?

- А что привело девушку вашего круга в столь безлюдное место? - со всей изысканностью осведомился лейтенант, показывая, что инцидент исчерпан.

Он спрятал бинокль в футляр и стал протирать платком свои темные очки.

- Пожалуй, для прогулок это место далековато от авиабазы. А что, если одна из этих тварей укусит вас? Что тогда? А что случилось с вашим велосипедом? Шина спустила?

Тут и Литума заметил метрах в двадцати внизу, у подножия скалы велосипед, тоже покрытый пылью. Литума смотрел на девушку и пытался представить рядом с ней Паломино Молеро. Вот они идут, взявшись за руки, глядя друг на друга хмельными от нежности глазами, ласково перешептываются. Девушка, взмахивая ресницами, точно бабочка - крыльями, тихо просит: "Спой мне, спой еще что-нибудь". Нет, картина рассыпалась, у Литумы не хватало воображения представить это.

- Папа знает, что вы сумели вытянуть из Рикардо все сведения, - отрывисто и резко сказала она вдруг, вскинув голову и проверяя взглядом, произвели ли ее слова должное впечатление. - В ту ночь, когда он так напился.

Однако лейтенант и бровью не повел. Он аккуратно надел очки и начал спуск с холма, скользя как на санках. Внизу отряхнулся.

- Младшего лейтенанта Дуфо зовут Рикардо? - спросил он. - Я слышал, его называли Ричардом.

- И про то, что вы ездили в Амотапе и допрашивали донью Лупе, он тоже знает, - с оттенком издевки сказала девушка. Теперь Литума рассмотрел ее как следует: да, она была маленькая, тоненькая, хрупкая, с полудетскими очертаниями фигуры. Так, ничего особенного. Может, Па-ломино влюбился в нее оттого только, что знал, кто она? - Папа в курсе всех ваших дел.

Почему она так говорила с ними? Почему взяла такой странный тон? Почему не угрожала, а скорее насмеялась, словно в глубине души забавляясь всей этой историей? Словно проказничала и шалила? Литума прыжками спускался по склону следом за ней, и крабы причудливыми зигзагами отползали подальше от его башмаков. Вокруг не было ни души. Даже рабочие со складов ушли - ворота были заперты, не доносилось ни звука. Внизу, в бухте, полз буксир, выпуская густой серый дым и через каждые несколько минут гудя сиреной. На берегу копошились, как муравьи, какие-то люди.

Добрались наконец до тропинки, которая, беря начало у скалы, вела к проволочному ограждению, отделявшему территорию компании от остального городка. Лейтенант поднял с земли велосипед и покатыл его, придерживая за руль. Шли медленно, гуськом. Под ногами то и дело трещали пустые крабы панцири.

- Я шла за вами от самого участка, а вы и не замечали, - сказала девушка все с той же полунасмешливой, полугневной интонацией. - У ограждения меня хотели остановить, но я пригрозила, что пожалуюсь папе, и тогда пропустили. Вы и тут прохлопали. Я слышала, как вы сыпали непристойностями, а вы и не подозревали, что я тут. Могла бы и дальше следить за вами. Лейтенант, посмеиваясь, кивнул, признавая ее правоту.

- В чисто мужском обществе всегда ведутся вольные разговоры, - извиняющимся тоном сказал он. - Мы караулили бухту, чтобы пресечь попытку контрабанды, и не наша вина, если кто-то из местных дам в это самое время захотел выкупаться. Просто совпадение, правда, Литума?

- Истинная правда, господин лейтенант.

- Как бы там ни было, мы к вашим услугам, сеньорита Миндро. - Голос лейтенанта сделался медовым. - Слушаю вас. Или, может быть, вы предпочитаете поговорить не здесь, а в участке? Там прохладно, можно выпить чего-нибудь холодного и шипучего, беседа пойдет легче. Хотя должен вас предупредить: у нас далеко не так комфортабельно, как в кабинете вашего отца на авиабазе.

Девушка промолчала. Литуме казалось, что он ощущает, как течет у него по жилам медленная, густая, темно-красная кровь, как стучит в висках, пульсирует в запястьях. Миновали проволочную изгородь, и дежурный полицейский - Лусио Тиноко из Гуанкабамбы - откозырял лейтенанту. Рядом стояли еще трое из охраны компании. Они удивились, увидав девушку рядом с полицейскими. Неужели уже прошел слух о происшествии в Амотапе? По крайней мере, он, Литума, держал язык за зубами, неукоснительно соблюдал приказ лейтенанта: никто не должен знать ни единого слова из рассказа доньи Лупе. Они миновали деревянное, сверкавшее свежей зеленой краской здание больницы - она, как и все здесь, принадлежала компании. У дверей в Управление порта прохаживались

с карабинами на плече двое матросов. Один из них подмигнул Литуме. Низко над землей с пронзительными криками пронеслась стая чаек. Вечерело. Через перила галереи отеля "Ройаль" - единственной в городке гостиницы - Литума видел солнце, готовое вот-вот погрузиться в море. Благословенная отрадная прохлада сменяла дневной зной.

- А полковник Миндро знает о том, что вы собирались к нам? - как бы между прочим поинтересовался лейтенант.

- Не будьте идиотом, - резко ответила девушка. - Конечно, нет!

"Не знает, так узнает", - подумал Литума. Все прохожие глядели на них с удивлением, оборачивались им вслед, перешептывались.

- Так, значит, вы пришли к нам сообщить, что полковник осведомлен о наших беседах с Дуфо и с доньей Лупе? - настойчиво спросил лейтенант. Он глядел прямо перед собой, не поворачиваясь к девушке, и чуть отставший Литума видел, что и она избегает его взгляда.

- Да, - услышал он ее ответ и подумал: "Врет". Что она собирается сообщить им? Может быть, ее прислал полковник? Так или иначе, это нелегко ей далось. Или она просто пала духом, и оттого было так искажено ее лицо, так трепетали ноздри надменного носика, так жадно вдыхал воздух полуоткрытый рот? Кожа у нее была белоснежная, а ресницы - длинные-длинные. Может быть, эта-то ее хрупкость, слабость балованного ребенка и свели с ума Паломино? За чем бы ни пришла она к полицейским, теперь она явно раскаивается в своем поступке и ничего больше не скажет.

- С вашей стороны это очень похвально, - все слаще продолжал лейтенант, - и я вам весьма благодарен, поверьте.

В молчании прошли еще полсотни шагов, слушая гомон чаек и рокот прибой. У порога одного из деревянных домиков женщины чистили и проворно потрошили рыбу. Вокруг в ожидании подачи крутились и скалились собаки. Пахло сильно и скверно.

- Что за человек был Паломино Молеро? - вдруг спросил Литума и сам несказанно удивился. Как это у него вырвалось? Ни лейтенант, ни девушка не обернулись к нему. Литума, спотыкаясь, брел в полуметре от них.

- Он был не человек, а ангел господень, - отвечала она. Голос ее не дрожал, в нем не чувствовалось ни нежности, ни скорби. Ни тоски. Она произнесла эти слова все тем же безразличным, невинно-насмешливым тоном, в котором вдруг проскальзывали искорки гнева.

- Да, все, кто его знал, тоже так говорят, - сказал Литума, сочтя, что молчание слишком затянулось. - Добрейшей души был паренек.

- Несчастье, случившееся с ним, причинило вам много горя, сеньорита Алисия? - спросил лейтенант. - Не правда ли?

Алисия Миндро ничего не ответила. Теперь они шли мимо строящихся домов: у одних еще не было крыши, у других - стены возведены наполовину. Каждый домик был окружен террасой, поднятой на сваях, между которыми длинными языками накатывал прибой. Начинался прилив. На ступенях сидели старики в нижних рубашках, полуголые дети собирали улиток; перекликались женские голоса. Звучал смех, и нестерпимо воняло рыбой.

- Приятели говорят, что однажды в Пиуре и я слышал, как он поет, - сказал Литума. - Не могу вспомнить. Болеро, говорят, у него замечательно выходили.

- Креольские песни тоже, - сказала девушка, стремительно обернувшись. - И на гитаре играл удивительно.

- Да, на гитаре, - сказал Литума. - То-то мать все не может позабыть про нее. Донья Асунта с улицы Кастилии. Во что бы то ни стало верните,

говорит, гитару. Пропала куда-то.

- Она у меня, - сказала Алисия Миндро и запнулась, словно вдруг пожалела, что произнесла эти слова.

Снова замолчали, и теперь уже надолго. Шли по самому центру Талары, дома стояли гуще, люди попадались чаще. За проволочным ограждением на холме, где высился маяк, и в Пунта-Арене, где жили американцы и служащие нефтяной компании высшего разбора, зажглись фонари, хотя был еще белый день. В дальней оконечности бухты над нефтяной кишкой метался язык золотисто-красного пламени. Казалось, будто исполинский краб растопырил клешни.

- Бедная женщина все повторяла: "Когда гитару найдете, тогда и убийц отыщете", - негромко говорил Литума. - Я не думаю, что она о чем-нибудь догадывалась. Наитие. Сердце - вещун.

Он поймал на себе взгляд лейтенанта и прикусил язык.

- Кто она? - Девушка обернулась, и Литума увидел ее бледное, припудренное охристой пылью лицо, на котором любопытство боролось с гневом.

- Вы про кого? Про донью Асунту, мать Паломино Молеро?

- Она - метиска? - нетерпеливо отмахнувшись, допытывалась девушка.

Литуме почудилось, будто лейтенант издал смешок.

- Ну, она, так сказать, женщина из народа. Простая женщина, как все вокруг, как я сам, - говорил Литума и сам удивлялся закипавшему в нем раздражению. - Разумеется, она не чета вам или полковнику Миндро. Это вы хотели узнать?

- Он не похож на чоло, - мягко, словно говорила сама с собой, произнесла Алиса. - Кожа тонкая, с чуть красноватым отливом. И очень хорошо воспитан: я таких прежде никогда не встречала. Ни Рикардо, ни даже папа не идут с ним ни в какое сравнение. Невозможно поверить, что он родился на улице Кастилии и ходил в муниципальную школу. Выдает его только имя: Паломино. А второе еще хуже: Темистоклес.

Снова Литуме послышался смешок, слетевший с губ лейтенанта. Но ему самому было не до смеха. Он был сбит с толку и запутан вконец. Что она, скорбит, сердится? Никак в толк не взять. Полковничья дочка говорит про него как про живого, словно он не умер такой жуткой смертью. Может, она того... спятила, повредила немного?

- Как вы познакомились с Паломино Молеро? - спросил лейтенант.

В эту минуту они как раз вышли к задам церкви. Ее белая стена служила экраном передвижному кинотеатру Теотонио Калье-Фриасо, кинотеатру, в котором не было ни крыши, ни стульев, и если кто желал смотреть картину сидя, должен был приносить сидение с собой. Впрочем, большинство жителей усаживались на корточки или растягивались на земле. Вход за веревку, ограждавшую подразумеваемый кинозал, стоил пять реалов. Литума с лейтенантом проходили бесплатно. Те, кто жалел полсоля, могли смотреть из-за веревки: правда, оттуда было видно плохо и шея болела. В ожидании темноты у стены собралось уже довольно много народу. Дон Теотонио налаживал свой проектор. Аппарат у него был один-единственный, и работал он благодаря тому, что дон Теотонио додумался присоединить его к уличному фонарю. После каждой части приходилось делать перерыв, чтобы перезарядить аппарат. Пленка часто рвалась, и из-за всего этого сеансы затягивались допоздна. Тем не менее от желающих отбою не было, особенно летом. "После этого убийства я и в кино-то не ходил, - подумал Литума. - А что показывали в тот вечер? Что-то мексиканское, кажется, с Долорес дель Рио и Колумбой Домингес".

- В Пиуре, на дне рождения Лалы Меркадо, - сказала вдруг девушка. Она

так долго молчала, что Литума позабыл о вопросе лейтенанта. - Его наняли, чтобы он пел на празднике. Все девчонки говорили: он удивительно поет, и голос у него редкостный, и вообще он очень славный, совсем не похож на чоло. Он и вправду оказался не похож.

"Ох, эти белые", - возмутился мысленно Литума.

- Он, должно быть, посвятил одну из песен вам? - с невероятной учтивостью спросил лейтенант. Литума обнаруживал, что его начальник то и дело меняет тактику. Вот теперь он действовал благовоспитанностью.

- Целых три, - кивнула девушка. - "Последняя ночь", "Лунный свет" и "Хорошенькая кукла".

"Да нет, конечно, она с приветом", - решил Литума. Велосипед, который лейтенант вел левой рукой, через равные промежутки времени издавал пронзительный скрежет, действовавший Литуме на нервы.

- Еще мы танцевали. Один раз. Он со всеми танцевал по разу. Только Лалу Меркадо пригласил дважды. Но не потому, что она так уж ему понравилась, - она ведь была хозяйкой, и к тому же это у нее был день рождения. Никому не показалось странным, что он танцевал с нами, все хотели, чтобы он нас пригласил. Он держался как человек нашего круга. И очень хорошо танцевал.

"Человек нашего круга", - повторил про себя Литума, перешагивая через высохшую морскую звезду, облепленную муравьями. Лейтенанта Алисия Миндро тоже, наверно, считает человеком своего круга. А его, скорей всего, нет.

"Чоло на все сто, - подумал он, - из квартала Мангачерия". Глаза его были полуприкрыты, и поэтому он видел не то, как стремительно сменился ночью таларенский вечер, а зал и сад, наполненные говором и смехом юных и элегантных пар - обитателей белого квартала, примыкавшего к тому пустырю, где помещался бар Чунги, - гостей Лалы Меркадо. Юноша и девушка, неотрывно глядевшие друг на друга, переговаривавшиеся глазами, были Алисия Миндро и Паломино Молеро. Нет, не могло этого быть. Тем не менее девушка продолжала.

- Он пригласил меня и сказал, что влюбился в меня с первого взгляда, - слышал Литума. Она говорила быстро, и в голосе ее не звучало ни малейшего волнения, точно она пересказывала некое сообщение. - Еще он сказал, что всегда верил в любовь с первого взгляда, а теперь убедился, что что она на самом деле существует. Потому что он влюбился в меня в тот самый миг, как увидел. И что я вольна посмеяться над ним, но это чистая правда. И что никогда никого не будет любить так, как любит меня. И что, даже если я не стану и смотреть в его сторону, он все равно будет любить меня до самой смерти.

"Так оно и вышло", - подумал Литума. Что она, плачет? Нет, показалось. Полицейский шел сзади и не мог заглянуть ей в лицо, но голос ее не дрожал, а был сух, тверд, суров. Литуме все время казалось, что она рассказывает не про себя, что все это не трогает ее, будто история эта не кончилась кровью и смертью.

- Еще он сказал, что хочет спеть мне серенаду. Что будет петь мне каждый вечер и сделает так, что я полюблю его, - чуть помолчав, продолжала она. Скрежет железного обода по песку всеял в Литуму необъяснимую тоску: он ждал, когда раздастся этот звук, а дождавшись, покрывался мурашками. Он прислушался к тому, что говорил лейтенант. А лейтенант ворковал как голубь:

- Да? Ну и как же? Выполнил он свое обещание? Пел серенады в Пиуре? Влюбились ли вы в него?

- Не знаю, - ответила девушка.

"Не знает? Как это можно не знать?" - подумал Литума. Он стал припоминать, в кого был сильнее всего влюблен. Может быть, в Мече, невесту

Хосефино, русоволосую пышнотелую красотку, которой он так и не осмелился открыть свое сердце? Да, ее он любил взаправду. Как же можно не знать, любишь ты человека или нет? Вздор какой-то. Нет, она явно ненормальная. У нее не все дома. Или же она прикидывается, чтобы запутать их? Может, ее подучил полковник? Ни одно из этих объяснений Литуму не устроило.

- Так все-таки Паломино пел вам на Пиурской авиабазе? Не правда ли? И довольно часто? - нежно ворковал лейтенант.

- Каждый вечер. Это началось сразу после того дня рождения и продолжалось до тех пор, пока папу не перевели сюда.

Ватага мальчишек обстреливала из рогаток кота, принадлежавшего вместе с пивной китайцу Тангу. Кот, жалостно мяукая, в ужасе метался по крыше. Китаец со шваброй наперевес бросился к нему на выручку, и мальчишки с хохотом разбежались.

- А как относился к этим серенадам ваш папа? - тоненько выпевал лейтенант. - Может быть, он не знал о них? Он ни разу его не поймал?

- Как он мог не знать? Он же не глухой, - ответила девушка. Литуме показалось, что впервые ее ответ прозвучал не очень уверенно: она словно бы собиралась сказать еще что-то, но передумала.

- И что же он говорил?

- Говорил, что Палито до меня как до английской королевы, - проговорила девушка с непреклонной убежденностью. - А когда я передала его слова Палито, тот ответил: "Твой папа ошибается. Ты для меня - несравненно больше, чем английская королева. Уж скорей Пречистая Дева".

В третий раз почудился Литуме смешок - задавленная, насмешливая ухмылка. "Палито? Ах, это она так перекрестила Паломино. Должно быть, эта собачья кличка годилась для людей "нашего круга", а Паломино и Темистоклес - типичные имена чоло. Сволочь, - подумал Литума, - сволочи эти белые".

Наконец подошли к участку. Дежурный, Рамиро Матело, ушел, не оставив записки, и дверь была заперта. Лейтенанту, чтобы открыть ее, пришлось прислонить велосипед к стене.

- Прошу вас, проходите, садитесь, отдохните, - с полупоклоном сказал он. - Можно выпить кофе или минеральной воды. Прошу!

Было уже совсем темно. Девушка осталась у дверей, ожидая, пока Литума с лейтенантом, наткаясь на стулья, засветят лампы. Нет, в глазах ее не было влажного блеска непролитых слез - она не плакала. Литума видел стройный силуэт, четко выделявшийся на фоне грифельной доски, на которой записывались задания, и снова подумал о Паломино. Сердце у него щемило от непонятной тревоги. "Не могу поверить", - подумал он. Неужели вот это окаменевшее существо рассказало им все про Паломино Молеро? Он видел перед собой девушку, но все равно ему казалось, что ее здесь нет, что она ничего им не говорила, что это плод его воображения.

- Устали, должно быть? - Лейтенант поставил чайник на примус и стал разжигать его. - Литума, стул!

Алисия Миндро присела на самый краешек спиной к выходу и к лампе над дверью; лицо ее осталось в полутьме, а фигура была окружена золотистым ореолом. Теперь она казалась совсем юной. Может быть, она еще школьница? В доме по соседству что-то жарили. Издали долетал пьяный голос.

- Чего ты ждешь, Литума? Предложи гостье воды, - сказал лейтенант.

Полицейский торопливо достал бутылку из ведра с водой, откупорил и протянул девушке, извиняющимся тоном сказав:

- Ни стаканов нет, ни чашек. Придется из горлышка. Девушка механически взяла бутылку, поднесла к губам.

Она и вправду ненормальная? Может, она загнала свою муку вглубь, не хочет никому показывать, потому и ведет себя так неестественно? Литуме показалось, что Алисия - точно под гипнозом. Она не понимала, где она, с кем она, не помнила, о чем говорила совсем недавно. Она была так неподвижна, сосредоточенна и серьезна, что Литума почувствовал какую-то неловкость. Потом ему стало страшно. А вдруг сейчас появится полковник с патрулем и за эти беседы с его дочерью придется ответить?

- Вот, выпейте кофе, - лейтенант протянул ей жестяную кружку. - Вам сколько сахара? Один кусочек? Два?

- Что будет с папой? - вдруг спросила Алисия, словно сердясь. - Его посадят в тюрьму? Его расстреляют?

Жестяная кружка с кофе осталась в руке лейтенанта, и Литума видел, как он поднес ее к губам. Отхлебнул. Потом боком присел на край письменного стола. Пьяница на улице теперь не пел больше, а распространялся насчет скатов: они, мол, его укололи в ногу, и на ноге теперь язва, и вот он ищет добросердечную женщину, чтобы отсосала яд.

- Ничего с вашим папой не будет, - покачал головой лейтенант. - Что с ним может быть? Я больше чем уверен, что его не тронут. Не тревожьтесь о нем, Алисия. Вы правда не хотите кофе? Этот-то уж я выпью, а вам в момент приготовлю другой.

"Подходы знает, голова! У него немой заговорит", - подумал Литума, скромно отступая в тень, покуда не уперся спиной в стену. Краем глаза он видел тонкий профиль девушки, ее надменно приподнятый, оценивающе чуткий носик и вдруг понял, чем привлекла она Паломино: да, некрасива, но была в этом холодном лице какая-то таинственная прелесть, от которой и вправду можно потерять голову. Противоречивые чувства обуревали Литума. С одной стороны, ему хотелось, чтобы лейтенант показал себя в полном блеске и выжал из Алисии все, что она знает, с другой стороны, ему, неизвестно почему, жаль будет, если девочка выдаст свои тайны посторонним. Алисия Миндро угодила в западню. Литума желал спасти ее. А может, она и в самом деле тронутая?

- А вот ревнивцу этому придется весьма солоно, - тоном глубокого сочувствия сказал лейтенант. - Рикардо Дуфо. Ричарду. Его ведь так зовут, да? Разумеется, любой судья, знающий свойства сердца человеческого, признает ревность смягчающим обстоятельством. Я, по крайней мере, придерживаюсь именно такого взгляда на вещи. Если мужчина сильно любит женщину, он не может не ревновать ее. Я это потому говорю, сеньорита, что знаю, что такое любовь и потому что сам очень ревнив. Ревность помрачает рассудок, не дает мыслить здраво. Ревность - все равно что алкоголь. Если ваш нареченный сумеет доказать, что во время убийства находился в помраченном состоянии - запомните, это ключевое слово! - по-мра-чен-ном состоянии рассудка, его могут признать невменяемым и освободить от ответственности. Если повезет и если найдется толковый адвокат - выкрутится. Так что и о нем вам не следует особенно тревожиться.

Он снова поднес кружку к губам и звучно отхлебнул кофе. Козырек фуражки затенял ему лоб, глаза прятались за темными стеклами - Литума видел только усики, рот и подбородок. Однажды он спросил его: "Тут же темно, чего вы очки свои не снимете?" А тот ему ответил: "Чтобы по глазам ничего нельзя было прочесть".

- А я и не тревожусь, - вполголоса сказала девушка. - Я его ненавижу. Что бы с ним ни сделали, все будет мало. Я все время ему это говорила в глаза. Однажды он ушел, а потом вернулся с револьвером. И сказал мне: "Вот тут надо нажать. Возьми. Если ты так меня ненавидишь, я заслуживаю смерти."

Что ж, убей меня".

Наступило долгое молчание, нарушаемое только потрескиванием жира на сковородке и невразумительными жалобами пьяного. Он шел прочь, приговаривая: "Никто меня не любит, никому я не нужен, пойду к знахарке из Айбаки, она мне вылечит ногу".

- Я убежден, что у вас доброе сердце и что вы никогда никого не убьете, - сказал лейтенант.

- Не валяйте дурака! - вскинулась вдруг Алисия Миндро. Подбородок у нее вздрагивал, ноздри раздувались. - Не валяйте дурака и меня не считайте дурой! Очень вас прошу! Я уже взрослая!

- Извините, - кашлянув, сказал лейтенант. - Я неправильно выразился.

- Неужто она не знает, была ли влюблена в Паломино? - пробормотал Литума. - Или у них с Паломино до серьезного не дошло? Или она его не успела полюбить хоть немножечко?

- Я успела его полюбить совсем не немножечко, - не задумываясь, ответила девушка. Она не повернула к полицейскому головы, смотрела прямо перед собой. Гнев ее улегся так же быстро, как и вспыхнул. - Я очень любила Паломино. Если бы мы нашли в Амотапе священника, я стала бы его женой. А то, о чем вы думаете, - мерзко. У нас все было не так. У нас все было прекрасно. Теперь еще и вы вздумали придуриваться?

- Брось, Литума, - сказал лейтенант, но в голосе его полицейский не услышал упрека. Он понял, что тот вообще обращается не к нему и произнес эти слова для того лишь, чтобы развязать язык Алисии. - Если б не любила, так, наверно, не убежала бы с ним. Или ты считаешь, что Паломино увез сеньориту силой?

Алисия Миндро промолчала. Все больше насекомых с жужжанием вились вокруг лампы. Слышней стал гул прибора. Продолжался прилив. Рыбаки, наверно, готовят снасть; дон Матиас со своими подручными тащат "Галарского льва" в воду, а может быть, уже выгребли в море. Литума почувствовал, что ему хочется быть с ними, а не сидеть здесь, слушая все это. И все же он проговорил почти шепотом:

- Ну а как же ваш жених, сеньорита? - и покуда шептал, ему казалось, что он балансирует на непрочном канате.

- Он имеет в виду вашего, так сказать, официального жениха, - пояснил лейтенант. Когда он говорил с девушкой, голос его смягчался. - Ибо если вы полюбили Паломино Молеро, на долю лейтенанта Дуфо осталось одно только это звание. Он служил вам прикрытием от вашего папы, не правда ли? Нечто вроде ширмы, так?

- Так, - кивнула девушка.

- Это для того, чтобы полковник не узнал про ваши отношения с Паломино? - продолжал гнуть свое лейтенант. - Ведь ему вряд ли пришелся по вкусу роман его дочери с рядовым.

Жужжание насекомых изводило Литуму, как незадолго до этого - скрежет велосипедного обода.

- Он завербовался, чтобы быть поближе к вам? - спросил он и понял, что на этот раз не притворяется: в голосе его звучала та самая скорбь, которую он ощущал всякий раз, когда вспоминал о Паломино. Что тот нашел в этой полоумной девчонке? Что у нее есть, кроме белой кожи да высокого положения? Или так подействовали на него эти ее резкие смены настроений, эти невероятные переходы от бешенства к безмятежности?

- А бедный ревнивый Рикардо ничего не понимал, - вслух размышлял лейтенант, раскуривая сигарету. - А начал понимать, начал и ревновать. Вот

тут-то и нашло на него по-мра-че-ние. Он натворил дел и вне себя от страха и раскаяния прибежал к вам. Прибежал и сказал рыдая: "Алиса, я - убийца! Я зверски убил того солдата, с которым ты сбежала от меня!" Тут вы и сказали ему, что никогда его не любили, что вы его ненавидите. Вот тогда он и принес вам пистолет. Но вы его не убили. Это все пока были цветочки. А вот и ягодки: полковник запретил Дуфо видеться с вами, потому что зять-убийца еще хуже, чем полукровка с улицы Кастилии, да к тому же еще рядовой солдат. Бедный Рикардо. Вот и вся история. Я в чем-нибудь ошибся?

- Ха-ха, - засмеялась она. - Во всем.

- Я сделал это намеренно. Что ж, поправьте меня.

Она еще способна смеяться? Не слышался ли ему этот короткий, издевательски жестокий смешок? Но вот она снова стала серьезной, напряженно застыла на краешке стула, плотно сомкнув колени. Руки у нее были такие тонкие, что Литума без труда охватил бы ее запястье двумя пальцами. Теперь, когда темнота наполовину скрывала угловатую тоненькую фигуру Алисии, ее вполне можно было принять за мальчика. Но сидела перед ними женщина - юная маленькая женщина. Она уже успела познать мужчину. Литума попытался представить ее, обнаженную, в объятиях Паломино на топчанчике в доме доньи Лупе или, может быть, на полу, на плетеных циновках, или на песке, представить, как она охватывает его руками за шею, как подставляет ему полураскрытые губы, как стонет, - и не смог. Ничего этого Литума не видел. Пока длилось нескончаемое молчание, он едва не оглох от звона и жужжания вокруг лампы.

- Пистолет мне принес мой отец. Это он сказал, чтоб я застрелила его, - легко вымолвила Алиса. - Что с ним сделают?

- Ничего с ним не сделают, - торопливо ответил явно ошеломленный лейтенант. - Ничего с вашим папой не сделают.

Ярость вновь охватила ее.

- Вы хотите сказать, что правосудия не существует? - крикнула она. - Его должны посадить в тюрьму, казнить! Но никто не осмелится это сделать. Еще бы!

Литума весь напрягся. Он чувствовал, что и лейтенант тоже подобрался, тяжело задышал, словно оба они ощутили где-то в недрах земли рев, предшествующий землетрясению.

- Я бы выпила чего-нибудь горячего, вот хоть этого вашего кофе, - снова совершенно другим тоном - просто и обыденно, по-приятельски - сказала девушка. - То ли я замерзла, то ли еще что. Холодно здесь.

- Холодно, - сказал лейтенант и дважды повторил, энергично кивая: - Холодно! Холодно!

Он долго поднимался со стула, а когда наконец встал на ноги и направился к примусу, Литума заметил, как медлительны и вялы его движения. Он шатался как пьяный, ноги не держали его. Услышанное глубоко потрясло лейтенанта и Литуму. Он заставлял себя думать все об одном и том же. Значит, Алисия, несмотря на то, что считала любовь отвратительной штукой, все же стала возлюбленной Паломино? Откуда тогда нелепые мысли о том, что влюбляться мерзко, а любить хорошо? Литуме тоже стало холодно. Он бы с удовольствием выпил чашку горячего кофе, над которым колдовал сейчас у примуса лейтенант. В зеленом конусе света, падавшем от лампы, Литума видел, как руки лейтенанта кладут в кружку кофе и сахар, наливают кипяток, - все так медленно и неуверенно, словно руки не слушались его. Потом, зажав кружку в ладонях, он протянул ее Алисе. Та поднесла ее ко рту, сделала большой глоток, запрокинув голову. В неверном, дрожащем свете Литума увидел ее

глаза. Сухие, черные, суровые, взрослые глаза на нежном детском личике.

- Значит, - пробормотал лейтенант так тихо, что Литума еле расслышал его. Он снова сел на угол письменного стола, одной ногой упираясь в пол, а другой болтая в воздухе, и после долгого молчания нерешительно заговорил: - Значит, тот, кого вы ненавидите, тот, которому что ни сделай, все будет мало, - это не Рикардо Дуфо, а...

Он не осмелился назвать второе имя. Литума видел: девушка без малейшего колебания кивнула.

- Он ползал у меня в ногах, как собака, целовал мне руки, - воскликнула она, охваченная одним из этих внезапных, ничем не вызванных приступов ярости. - Любовь не признает границ, говорил он. Мир не понимает этого. Родная кровь дает себя знать. Любовь - это любовь, она все сметает на своем пути. Когда он так говорит, когда плачет и просит у меня прощения, я ненавижу его. Я хочу ему смерти.

Слова ее внезапно заглушило радио. Диктор говорил торопливо и горячо, и Литума не разобрал ни единого слова. Потом заиграла музыка - это была песенка, пользовавшаяся у жителей Талары наибольшей популярностью: Погляди на них - на углу сто-о-оят, И даже глядеть на меня-я не хотя-я-ят...

Литума ощутил внезапную злобу на певца, и на того, кто включил радио, и на песенку, и на самого себя. "Вот поэтому она и говорила, что это омерзительно, - думал он, - потому она и отделяла влюбленность от любви". Все молчали, только гремело радио. Алисия Миндро снова успокоилась, позабыла о своей ярости: она чуть кивала в такт мелодии и смотрела на лейтенанта выжидательно.

- Вот теперь я понимаю, - очень медленно проговорил тот.

Девушка поднялась.

- Мне пора. Поздно.

- Теперь я понимаю, кто оставил нам здесь, в дверях, анонимное письмо, - сказал лейтенант. - Кто посоветовал нам съездить в Амотапе и расспросить донью Лупе обо всем, что случилось с Паломино Молеро.

- Меня уж, наверно, ищут по всему городу, - словно не слыша его, сказала девушка - и опять голос ее прозвучал по-новому: в нем теперь слышалась лукавая насмешка, и Литуме это нравилось больше всего или, вернее, меньше всего не нравилось; когда она так говорила, то казалась тем, чем и была на самом деле - девочкой, а не взрослой, ужасной женщиной с телом и лицом ребенка. - Он уже разослал шофера и ординарцев по всей авиабазе, и к американцам, и в клуб, и в кино. Он с ума сходит, когда я задерживаюсь. Думает, я опять убежала. Ха-ха.

- Так, значит, это были вы, - продолжал лейтенант. - Что ж, хоть и с опозданием, но все равно - большое вам спасибо, сеньорита Миндро. Если бы не ваше содействие, мы и по сей день блуждали бы в потемках.

- И только здесь ему не придет в голову меня искать, - говорила Алисия. - Ха-ха.

Смеется? Да, она смеялась. Но на этот раз не обидно и не презрительно. Это был короткий, лукавый смешок, по-детски веселый. Полоумная, а если нет, так скоро будет. Сомнения мучили Литуму: да, она сумасшедшая; вовсе нет; скоро будет.

- Да, разумеется, - прошептал лейтенант. Он откашлялся, прочищая горло, бросил на пол окурков и растер его подошвой. - Мы призваны и поставлены сюда защищать людей. Вас прежде всего, когда бы вы к нам ни обратились.

- Ни от кого меня защищать не требуется, - сухо отвечала она. - У меня есть отец. Этого более чем достаточно.

Она так порывисто протянула лейтенанту кружку, что несколько капель кофе выплеснулись, забрызгали его форменную рубашку. Лейтенант торопливо принял у нее кружку.

- Не проводить ли вас до авиабазы? - спросил он.

- Нет, не нужно, - сказала Алисия. Литума видел, как она быстро вышла наружу. Силуэт ее смутно вырисовывался в сумерках, окутывавших Талару. Он видел, как она села на велосипед, нажала на педали, тронула звонок и, петляя по неровной, немощеной улице, скрылась.

Лейтенант и Литума молча сидели на месте. Музыка смолкла, и вновь рассыпал пулеметную скороговорку испуганный голос диктора.

- Если бы там не включили это радио, в лоб его драть, она бы нам все выложила, - проворчал Литума. - Одному богу известно, сколько всего она еще знает.

- Если мы не поспешим, толстуха оставит нас без ужина, - прервал его лейтенант, поднимаясь на ноги и надевая фуражку. - Идем, идем, Литума, надо подкрепиться. У меня от подобных происшествий всегда разыгрывается аппетит. А у тебя?

Лейтенант говорил заведомую ерунду, потому что харчевня доньи Адрианы была открыта до полуночи, а теперь было не больше восьми. Однако Литума понял, что лейтенант сказал эти слова, только чтобы не молчать, и, видно, на душе у него так же смутно и тревожно, как и у Литу-мы. Он поднял с пола недопитую Алисией бутылку и поставил ее в шкаф, рядом с другими. Боррао Салинас, старьевщик, каждую субботу забирал у них пустую посуду. Они вышли, заперли за собой дверь. Лейтенант пробурчал, что заставит Рамиро Матело, провалившегося невесть куда, отдежурить в субботу и воскресенье. На небе сияла полная луна, голубоватый свет ее заливал улицу. Полицейские шли молча, козыряя и кивая в ответ на приветствия сидевших у своих домов семейств. Вдалеке слышались усиленные репродуктором голоса мексиканских актеров, женский плач - и все это шло на фоне ровного гула приборя.

- Ну что, Литума, охренел малость от того, что пришлось услышать?

- Да, малость охренел, - кивнул полицейский.

- Я ведь говорил тебе: на этой нашей службе многому научишься, друг мой Литума.

- Как в воду глядели, господин лейтенант.

В харчевне сидело за ужином человек шесть знакомых. Полицейские поздоровались, но сели отдельно. Донья Адриана, не ответив на их "добрый вечер", внесла миску с овощным супом, брякнула перед ними тарелки. На лице у нее было написано крайнее неудовольствие. Когда лейтенант осведомился, в добром ли здравии она пребывает и не от недомогания ли так скверно настроена, хозяйка рявкнула:

- Хотелось бы знать, какого черта торчали вы сегодня на скале?!

- Мы получили сведения о предполагаемой высадке контрабандистов, - не моргнув глазом ответил лейтенант.

- Ничего, когда-нибудь за все придется ответить, предупреждаю.

- Спасибо за предупреждение. - Лейтенант улыбнулся и, громко чмокнув губами, послал ей воздушный поцелуй. - Кр-ра-савица моя.

VII

- Руки стали как грабли, - пожаловался лейтенант Сильва. - Ни одной ноты не взять. В училище, бывало, раз услышу песенку - готово, запомнил навсегда. А сейчас вот даже "Косточку" не могу наиграть.

Он и в самом деле несколько раз начинал и сбивался. Иногда струны под его пальцами завывали пронзительно, как одичалые коты. Литума, думая о своем, слушал лейтенанта вполуха. Они сидели на берегу, на кусочке пляжа, с обеих сторон отгороженном волнорезами. Было уже больше двенадцати - возвещая конец смены, прогудела сирена на сахарном заводе. Рыбаки давно вернулись, вытащили свои лодки на берег. Стоял там и "Таларский лев", а владелец его, дон Матиас Кьерекотильо, покуривал вместе с полицейскими, пока двое его подручных готовили баркас к новому выходу в море. Муж доньи Адрианы также хотел узнать, правда ли то, о чем судачит вся Талара.

- А о чем судачит вся Талара, дон Матиас?

- Вы, дескать, нашли убийц Паломино Молеро. Лейтенант ответил так, как сегодня с утра отвечал всем, ибо целый день люди останавливали его на улице и спрашивали одно и то же:

- Пока ничего определенного сказать не могу. Скоро все узнаете, дон Матиас. Потерпите, ждать осталось недолго.

- Дай-то бог, дай-то бог. Хоть бы раз в жизни правда одолела тех, кто всегда берет над ней верх.

- Это кто же, дон Матиас?

- Зачем спрашивать, сами небось знаете не хуже меня. Те, за кем сила.

Важные птицы.

Раскачиваясь, словно стоял в своей пляшущей на волнах лодке, он вошел в воду, проворно перескочил через борт. Не скажешь, что чахоточный с кровохарканьем: для своего возраста еще очень коренаст и крепок. Может, донья Адриана насочиняла себе всяких ужасов насчет его болезни? А вот знает ли ч>н, что лейтенант обхаживает его супругу? Если и знает, то никак этого не показывает. Литума заметил, что рыбак всегда очень учтив с его начальником. Наверно, с годами человек перестает ревновать.

- Важные птицы, - вслух размышлял лейтенант, опустив на колени гитару.

- Ты думаешь, Литума, это они подкинули гитару к дверям участка? Это они преподнесли нам такой подарочек?

- Нет, не думаю, - отвечал Литума. - Гитару нам оставила дочка полковника Миндро. Помните, она сама говорила - гитара у нее? ,

- Верно... Однако это еще не доказательство. К гитаре не приложено ни записки, ни карточки. И совершенно неизвестно, принадлежала ли эта гитара Паломино Молеро.

- Вы меня разыгрываете, господин лейтенант?

- Вовсе нет. Я пытаюсь тебя развеселить, а то вон ты какой скучный. Что это с тобой? Гражданский гвардеец всегда должен быть бодр и весел, как молодой бычок.

- Вы ведь тоже не в себе, разве ж я не вижу? Лейтенант вымученно рассмеялся:

- Ты прав, Литума. Не в себе. Однако по мне не скажешь, а вот ты сидишь как на панихиде. С чего ты так перетрусил, а? Того и гляди, в штаны наложишь.

Некоторое время оба молчали, слушая рокот прибоя. На берег накатывали не волны, а высокие валы. Луна светила так ярко, что на склоне холма, рядом с подмаргивающим маяком, ясно вырисовывались очертания домов, где жили американцы и служащие нефтяной компании, и отрог запиравшей бухту горы. Обычно все восторгаются луной в Пайте, но здесь она куда круглей и ярче - такой Литума никогда еще не видел. Таларская луна. Он представил, как Паломино Молеро в такую вот ночь приходил на этот самый пляж в компании

растроганных летчиков и пел:

Лунища, луна,
Чуть вечер - хмельна,
Спроси у моей китайки,
Зачем не в меня влюблена...

Вечером Литума с лейтенантом смотрели аргентинскую картину с Луисом Сандрини в главной роли; зрители помирали со смеху, а они даже не улыбнулись. Потом они имели беседу со священником падре Доминго. Он просил полицейских припугнуть местных волокит, пристававших к девушкам из церковного хора, отчего многие мамы перестали отпускать своих дочерей на спевки. Лейтенант пообещал при первой возможности установить у церкви пост. Потом они вернулись в участок и обнаружили там гитару - ту самую, что сейчас лежала у лейтенанта на коленях. Очевидно, гитару принесли, пока они ужинали у доньи Адрианы. Литума, не задумываясь, объяснил ее появление так:

- Хочет, чтобы мы вернули гитару матери Паломино. Алисии после наших рассказов жалко ее стало, вот она и расстаралась.

- Это по-твоему, друг Литума. А как на самом деле - нам неизвестно.

С чего это лейтенант заговорил таким ерническим тоном? Литума прекрасно знал, что начальнику его вовсе не до смеха, что с той самой минуты, как он подал рапорт, его снедают тревога и страх. Не потому ли и оказались они на берегу в такое время? Молча, думая каждый о своем, пришли они к морю, глядели, как рыбаки готовят снасти, выходят на лов. Видели, как в открытом море мелькают огоньки на переметах. Когда они остались вдвоем, лейтенант стал перебирать струны гитары. Может, это от страха не мог он наиграть ни одной мелодии? Наверно, от страха, хоть он и пытался скрыть его за напускной шутливостью. Впервые за все время, что они прослужили вместе, Литума не услышал ни одного упоминания о донье Адриане. Он собирался спросить лейтенанта, можно ли будет отвезти гитару донье Асунте в Пиуру, доставить ей это утешение, как вдруг заметил, что они не одни.

- Добрый вечер, - произнесла тень.

Она возникла так внезапно, словно вынырнула из пучины, соткалась из тьмы. Литума вздрогнул, но не сказал ни слова, только широко раскрыл глаза. Нет, ему не померещилось: перед ними стоял полковник Миндро.

- Добрый вечер, господин полковник, - ответил лейтенант, вскочив с перевернутой лодки. Гитара скатилась с его колен, и Литума увидел: лейтенант дернулся, то ли собираясь выхватить пистолет, то ли хотя бы расстегнуть кобуру, висевшую у него на правом боку.

- Да сидите, сидите, - проговорил полковник. - Я искал вас и почему-то сразу понял, кто это тут бренчит на гитаре.

- Хотел посмотреть, не разучился ли играть. Оказывается, совсем отвык, очень давно не играл.

Тень кивнула.

- Сыск у вас получается лучше.

- Благодарю вас.

"Он пришел убить нас", - подумал Литума. Полковник шагнул к ним, лицо его оказалось на свету. Литума увидел широкий лоб с глубокими залысинами, крохотные усики. Всегда ли он так бледен? Или это в лунном свете? Совсем мертвец. Ни злобы, ни угрозы не выражало его лицо. Оно вообще ничего не выражало. Голос его звучал так же надменно, как и тогда, в его кабинете на авиабазе. Что сейчас будет? У Литумы засосало под ложечкой. "Его-то мы и

поджидали здесь", - подумал он.

- Надо быть очень толковым сыщиком, чтобы так быстро распутать такое дело, - сказал полковник. - Всего две недели, не правда ли?

- Точнее, девятнадцать дней, господин полковник. Литума не сводил взгляда с его рук, но они были в темноте. А может, полковник уже держит наготове револьвер? Может, он собирается пригрозить лейтенанту и заставить его отказаться от рапорта? Может, он сейчас всадит ему в живот две или три пули? Может, он застрелит и его, Литуму? Может, он арестует их? Может, пока полковник заговаривает им зубы, их окружает наряд военной полиции? Литума вслушивался, всматривался, но, кроме плеска волн, не доносилось ни звука. Полуразрушенный причал то вздымался, то падал. Под его обросшими водорослями, облепленными ракушками сваями гнездились чайки, сотнями сновали крабы. Литума вспомнил, что лейтенант, едва успев прибыть в Талару, дал ему первое задание - гнать с причала ребятишек, качавшихся на нем как на качелях.

- Девятнадцать дней, - запоздалым эхом откликнулся полковник.

В ледяном голосе его не было ни насмешки, ни гнева, словно все, о чем он говорил, не имело для него ни малейшего значения и нисколько не трогало. То ли своей интонацией, то ли манерой выговаривать некоторые звуки полковник вдруг напомнил Литуме Алисию. "Непобедимые" были правы, - подумал он, - неужо я для этой службы, слаб в коленках".

- Тоже неплохо, - продолжал полковник, - бывает, что такие дела и за несколько лет не распутать. А случается, что они навсегда остаются нераскрытыми.

Лейтенант ничего не ответил. Довольно долго все трое пребывали в молчании и неподвижности. Причал ходил ходуном: может, там и сейчас прыгает какой-нибудь озорник? Литума слышал дыхание полковника, дыхание лейтенанта, свое собственное дыхание. "Никогда в жизни мне еще не было так страшно", - думал он.

- Вы что же, ожидаете повышения? - спросил полковник. Он, должно быть, озяб в своей форменной рубашке с короткими рукавами. Он был приземист: на полголовы ниже Литумы. Наверно, в те времена, когда начинал службу, еще не существовало ограничений, и в армию брали таких вот недомерков.

- Меня могут произвести в капитаны не раньше чем в июле будущего года, - медленно сказал лейтенант. Ага. Вот сейчас! Сейчас полковник вытянет руку, грохнет выстрел, и череп лейтенанта разлетится как тыква. Но в эту самую минуту полковник пригладил усы, и Литума увидел, что он невооружен. Зачем он пришел сюда? Зачем? - А кроме того, я не думаю, честно говоря, что меня ждет награда. Скорее - неприятности.

- Вы так уверены, что окончательно все распутали?

Темный силуэт полковника был неподвижен, и Литуме отчего-то почудилось, что он говорит не раскрывая рта, как чревовещатель.

- Окончательна одна только смерть, - пробормотал лейтенант, и Литума не заметил в его словах затаенного страха - словно бы и он тоже не имел никакого касательства к предмету разговора, а вел беседу о совершенно посторонних людях. Но тут лейтенант прокашлялся и добавил: - Да, многое еще неясно, но на три главных вопроса мы теперь ответить сумеем. Кто убил. Как убил. За что убил.

Где-то залаяла собака, а потом ее надрывный отчаянный лай сменился тоскливым воем. То ли полковник сделал шаг назад, то ли луна переместилась, но лицо его опять было в темноте. Раскачивался вверх-вниз мол. Вспыхивал и гас маяк, дрожал на воде золотистый сноп света.

- Я читал ваш рапорт, - сказал полковник. - Ваше начальство переслало его моему, а мое было так любезно, что сняло с него копию и отправило для ознакомления.

Голос его звучал все так же бесстрастно и размеренно. Литума видел, как налетевший ветерок дыбом поднял его редкие волосы; полковник тотчас их пригладил. Литума по-прежнему был сам не свой от страха и напряжен как струна, но перед глазами у него теперь стояли незванные и непрошенные тени Паломино Молеро и Алисии Миндро. Девушка, остолбенев, смотрела, как ее возлюбленного тащили к голубому грузовичку с заведенным мотором. По дороге на пустырь летчики, выслуживаясь перед начальством, прижигали сигаретами руки, шею и лицо Паломино и хохотали, слушая его крики. "Ужас, ужас, - стонуше повторял лейтенант Дуфо и вдруг, поцеловав скрещенные пальцы, выкрикнул: - Клянусь, ты пожалеешь, что на свет родился!" Лейтенант Сильва снова встал с перевернутой лодки, сунул руки в карманы, повернулся лицом к морю.

- Означает ли это, что дело положат под сукно, господин полковник? - спросил он не оборачиваясь.

- Не знаю, - сухо, словно этот вопрос был слишком несуразен или банален и заставлял его попусту тратить драгоценное время, ответил тот. И тут же добавил: - Нет, не думаю. По крайней мере, не сейчас. Это не так просто... Не знаю. Это будут решать в верхах.

"Решать будут тузы и шишки", - подумал Литума. Почему же полковнику вроде бы ни до чего нет дела? Зачем в конце-то концов он сюда явился?

- Мне нужно узнать у вас... - сказал полковник и осекся. Литуме показалось, что он скользнул по нему взглядом, словно только что обнаружил присутствие полицейского и сразу же решил, что при этой бессловесной твари можно говорить свободно. - Моя дочь говорила вам, что я обесчестил ее? Говорила?

Литума увидел, что его начальник, не вынимая рук из карманов, повернулся к полковнику.

- Дала понять, - ответил он. - Впрямую ничего сказано не было, но она намекнула, что была вам не только дочерью.

Он запнулся, смешался. Литума никогда еще не видел своего начальника в таком смущении. Ему стало жалко его. И его, и полковника, и Паломино, и Алисию - так жалко, что захотелось завывать, заплакать, пожалеть весь белый свет, в лоб его драть. Тут только он заметил, что дрожмя дрожит. Прав, прав был Хосефино: был он рохлей, рохлей и остался.

- Она сказала вам, что я целовал ей ноги, что после того, как это случилось, я ползал перед ней на коленях и умолял простить меня! - не спросил, а с полной уверенностью сказал полковник.

Лейтенант что-то пробормотал, а что именно - Литума не расслышал: он испытывал неодолимое желание убежать отсюда куда глаза глядят. Хоть бы пристали к берегу рыбаки, прервали этот мучительный разговор, а не рыбаки, так еще кто-нибудь.

- Она сказала, что я, обезумев от раскаяния, дал ей пистолет, чтобы она застрелила меня? - слышал Литума голос, звучавший теперь тихо, устало и доносившийся словно из дальней дали.

На этот раз лейтенант ничего не ответил. Наступило долгое молчание. Тень полковника была напряженно-неподвижна, причал, сотрясаемый ударами волн, ходил вверх-вниз. Рокот прибоя стал слабее, наверно, прилив кончался. Хрипло крикнула где-то рядом невидимая во тьме птица.

- Вам дурно? - спросил лейтенант.

- Есть такое английское слово "delusions", - твердо проговорил полковник, непонятно к кому обращаясь. - По-испански это понятие никак не передашь. "Delusions" - это одновременно и фантазия, и иллюзия, и заблуждение, и обман. Иллюзия, которая кончается обманом. Фантазия, которая оборачивается надувательством. - Он вздохнул так глубоко, словно долго был без воздуха, поднес ладонь к губам. - Я продал родительский дом, чтобы отправить Алисию в Нью-Йорк, я потратил на это все сбережения и даже то, что было скоплено на отставку. В Америке творят чудеса, излечивают любые болезни, не так ли? А если так, то любые жертвы оправданы. Надо было спасать девочку. И меня тоже. Но ее не вылечили. Не вылечили, хотя и определили ее болезнь. Она называется "delusions". Ее не вылечили, потому что болезнь ее лечению не поддается. Напротив, она идет вширь и вглубь. Она разрастается, как раковая опухоль, до тех пор, пока остается порождающая ее причина. Гринго объяснили мне это со свойственной им прямоотой и грубостью: вы - причина ее болезни, в вас - корень всех ее бед. На вас она возложила ответственность за гибель матери, которую никогда не знала. Она придумывает про вас ужасные вещи, она сочиняет про вас чудовищные небылицы, придумывает и рассказывает их монахиням из обители Сердца Христова в Лиме и из Лурдского монастыря в Пиуре, и своим тетушкам, и подругам. Она говорит, что вы издеваетесь над нею, что вы мучаете ее, что вы скупы, что вы привязываете ее к кровати и хлещете ее плетью. И все затем, чтобы отомстить за мать, за мать, которую она даже никогда не видела. Это еще не все, сказали мне, приготовьтесь к худшему. Когда она вырастет, она обвинит вас в том, что вы хотели ее убить, что вы покушались на ее честь, что вы изнасиловали ее. И никто никогда не втолкует ей, что все это - ложь. Поймите, она живет своими фантазиями и убеждена в их реальности. "Delusions" - вот как это называется по-английски. У нас такого всеобъемлющего понятия нет.

Снова воцарилось молчание. Слышался только рокот прибора. "Впервые я наслушался таких слов", - подумал Литума.

- Разумеется, все это так, - почтительно-суровым тоном заговорил лейтенант. - Но тем не менее фантазии или даже душевное нездоровье вашей дочери всего не объясняют. - Он помолчал, ожидая, быть может, возражения полковника или подыскивая слова. - Того, например, зверства, которое было учинено над Паломино Молеро.

Литума зажмурился. Вот он: вот он стоит на каменистом пустыре под безжалостным солнцем, замученный пытками, и на теле его нет живого места, а вокруг пасутся ко всему равнодушные козы. Он удушен, он обожжен, он посажен на кол. Бедный Паломино.

- Это совсем другое, - начал полковник и сейчас же осекся. - Да, не объясняет, - добавил он через минуту.

- Вы задали мне вопрос, я на него ответил. Теперь позвольте и мне спросить. Зачем надо было так мучить его? Я спрашиваю вас, потому что сам понять не могу.

- Я тоже, - с ходу ответил полковник. - А впрочем, нет. Я понимаю. Сейчас понимаю. Тогда не понимал. Дуфо был пьян и напоил своих людей. Алкоголь и отчаяние сделали из бедняги настоящего зверя. Отчаяние, несчастная любовь, поправленная честь... Все это существует на свете, хотя полиция об этом не знает. Дуфо не казался мне способным на такое. Застрелить Паломино. Закопать его тайно. Таков был мой приказ. А устраивать бессмысленное изуверство - нет. Впрочем, это тоже не имеет теперь никакого значения. Сделанного не поправишь, каждый должен отвечать за свое. Я к этому готов.

Он снова с жадностью глотнул воздуха. Литума услышал голос лейтенанта:

- Итак, вас при этом не было. А кто был? Лейтенант Дуфо со своими дружками?

Литуме почудилось, будто полковник прищелкнул языком, словно собирался сплюнуть. Однако не сплюнул.

- Я хотел, чтобы этот выстрел утишил его гордыню, - сухо ответил полковник. - Я был поражен. Я не думал, что он способен на подобную жестокость. Он и его люди. Это были его приятели. В конце концов в каждом человеке дремлет зверь. В каждом. Уровень развития тут роли не играет. Впрочем, полагаю все же, что в низших слоях общества, среди метисов это начало сильнее. Затаенная обида, сознание своей неполноценности... Водка и субординация довершили дело. Разумеется, в этом мучительстве не было ни малейшей необходимости... Вы хотите знать, раскаиваюсь ли я? Нет, не раскаиваюсь. Можно ли спустить рядовому, который похитил и обесчестил дочь своего прямого начальника? Но я бы сделал это быстро и чисто. Пуля в затылок - и кончено!

"Да у него та же болезнь, что и у Алисии, - подумал Литума, - как ее: "диллюженс", что ли".

- Разве он ее обесчестил, господин полковник? - сказал лейтенант, и Литума в очередной раз удивился, до чего же схожие мысли приходят им обоим в голову. - Еще можно допустить, что он ее похитил, хотя правильной было бы сказать, что они бежали. Они были влюблены и собирались обвенчаться. Это может засвидетельствовать весь Амотапе. О каком насилии может идти речь?

Снова послышалось Литуме щелканье, предшествующее плевку. Когда же полковник заговорил, он вновь увидел того не терпящего возражений деспота, который принимал их у себя в кабинете на авиабазе.

- Дочь командира Таларской базы ВВС не может влюбиться в рядового, - сказал он, сердясь уже на то, что приходится объяснять столь очевидные вещи. - Дочь полковника Миндро не может влюбиться в гитариста с улицы Кастилии.

"Яблочко от яблони недалеко падает", - подумал Литума. Как ни сильна была ненависть Алисии к отцу, но именно от него унаследовала она пренебрежение ко всем небелым.

- Я ведь это не выдумал, - услышал он мягкий голос своего начальника. - О предполагаемом венчании сообщила нам сама сеньорита Алисия. Сама. Мы никаких вопросов ей не задавали. Она нам сказала, что любила Паломино, что он любил ее и что они обвенчались бы, случись в то время в Амотапе священник. Какое же это насилие?

- Разве я вам не объяснил? - в первый раз за все это время повысил голос полковник. - Это ее болезнь, это "delusions", беспочвенные фантазии. Вовсе она в него не влюбилась и влюбиться не могла. Как вы не понимаете, что это все одно и то же: и когда она вам рассказывала о своей любви, и когда показывала лурдским монахиням раны, которые сама себе наносила - и для того лишь, чтобы опорочить меня. Она мстит мне, она карает меня, она заставляет меня платить за величайшую муку в моей жизни - смерть ее матери. Как будто... - он задохнулся, но справился с собой, - как будто я уже не испил эту чашу. Неужели наша полиция не может взять этого в толк?

"Нет, в лоб тебя драть, - подумал Литума. - Не может". Зачем было все так усложнять? Почему это Алисия Миндро не могла полюбить паренька, который так дивно играл на гитаре и так нежно пел? Кто сказал, что белая никогда не полюбит чоло? Почему полковник увидел в этой любви коварный заговор против себя?

- Я пытался объяснить все это и Паломино Молеро. - Полковник снова

говорил теперь безразлично, словно отстраняясь и от них, и от произносимых им слов. - Как и вам. Только еще детальней, еще подробней. Я все ему разжевал и в рот положил. Я не грозил ему, не приказывал. Я говорил с ним как мужчина с женщиной, а не как полковник с рядовым. Я давал ему возможность повести себя как порядочный человек, стать тем, кем он никогда не был.

Он замолчал и проворно, словно отгоняя муху, поднес ладонь ко рту. Литума полуприкрыл глаза: вот они стоят лицом к лицу - вылощенный, начальственно-строгий полковник с ледяным взглядом и крошечными усиками под самым носом и вытянувшийся в струнку Паломино, остриженный под машинку новобранец в мешковатом, необмявшемся обмундировании с еще непотускневшими пуговицами. Маленький, уверенный в себе, властный полковник расхаживает по своему кабинету, мимо разложенных вдоль стены пропеллеров и моторов, а бледный Паломино стоит перед ним, не смея шевельнуться, раскрыть рот, вздохнуть.

- Эта девочка - совсем не такая, как может показаться. Эта девочка, хотя она говорит, и смеется, и ведет себя как все девочки ее возраста, - совсем не чета им. Она хрупка, она беззащитна, словно стекло, или цветок, или голубка, - доносились до Литумы слова полковника. - Вот что я могу сказать вам, господа, по совести: рядовому солдату запрещено поднимать глаза на дочь полковника и командира авиабазы; парень с улицы Кастилии даже во сне не имеет права мечтать об Алисии Миндро. Он не смеет ни приближаться к ней, ни глядеть на нее, ни думать о ней, а за нарушение этого запрета он заплатит жизнью. Вот что я мог бы сказать ему, но вместо этого я попытался объяснить с ним, как мужчина с женщиной, ибо полагал, что и у гитариста с улицы Кастилии может быть разум и хоть какие-то начатки порядочности. Он ответил мне, что все понял, что не представлял себе, кто такая Алисия, что отныне не будет ни глядеть на нее, ни говорить с нею. В ту же ночь этот лицемерный полукровка похитил Алисию, похитил и надругался над нею. Он думал загнать меня в угол. Ага, думал он, теперь она моя, теперь полковнику волей-неволей придется согласиться на наш брак. Нет, милый, ты ошибся, только моей дочери позволительно шантажировать меня и обливать грязью на всех углах, только ей одной, моей бедной больной девочке, и я должен нести безропотно этот крест. Ей можно... А тебе - нет.

Он замолчал, со всхлипом перевел дыхание. Потом послышалось мяуканье, потом мягкий топот кошачьих лап. И снова - тишина и рокот прибоя. Причал больше не раскачивался. В который уж раз лейтенант задал вопрос, вертевшийся у Литумы на языке.

- Ну а как же тогда Рикардо Дуфо? Почему ему можно быть поклонником, вздыхателем, женихом Алисии Миндро?

- Потому что он офицер, а не шпана с улицы Кастилии. Потому что он из хорошей семьи. Но главным образом, потому, что он слабохарактерен и глуп, - взорвался вдруг полковник, словно пораженный тем, как слепы бывают люди. - Потому что, выдав ее за идиотика Дуфо, я мог бы по-прежнему опекать и оберегать мою дочь. Я поклялся в этом ее матери, когда она была при смерти. И господь, и моя Мерседес знают, что я эту клятву сдержал, знают они и то, чего мне это иногда стоило.

Голос изменил ему, и он, скрывая свою необоримую слабость, несколько раз кашлянул. Издали доносился отчаянный кошачий вой: что там у них - любовь или драка? Ничего на этом свете не разберешь.

- Впрочем, я не затем сюда пришел и не собираюсь обсуждать с полицейскими свои семейные дела, - отрывисто бросил полковник и тотчас

добавил, смягчив тон: - Я берегу ваше время, лейтенант.

"А меня в упор не видит", - подумал Литума. Оно и к лучшему: зная, что полковник забыл про него, в расчет не принимает, он чувствовал себя уверенней. Снова наступило молчание, казавшееся бесконечным: полковник явно боролся со своей немотой, подыскивая ускользающие слова.

- Не надо беречь мое время, - сказал лейтенант.

- Я признателен вам за то, что об этом вы не упомянули в своем рапорте, - с трудом вымолвил наконец полковник.

- Вы про дочь? - тихо спросил лейтенант. - Про ее намеки на ваше с нею сожитительство?

- Благодарю вас, что вы не упомянули об этом в рапорте, - окрепшим голосом повторил отец Алисии Миндро. Он снова провел ладонью по губам. - Не за себя благодарю. Репортеры устроили бы вокруг этого форменный шабаш. Я так и вижу газетные заголовки, на нас вылили бы целые ушаты грязи. - Он снова покашлял, справился с дыханием, с заметным усилием заставил себя казаться спокойным. - Девочку надо оградить от скандала. Любой ценой.

- Я должен вас предупредить, господин полковник, - сказал лейтенант. - В рапорте об этом не упомянуто, во-первых, потому, что точными сведениями мы не располагали, а во-вторых, потому, что прямого отношения к убийству этот факт не имел. Но я призываю вас взглянуть правде в глаза: когда происшествие станет достоянием гласности, - если станет! - все будет зависеть от того, что скажет ваша дочь. За ней устроят настоящую охоту, ее будут преследовать, чтобы выжать из нее разоблачения. Чем грязнее, чем скандальнее - тем лучше, тем с большей радостью ухватятся за них газеты. Вы и сами это знаете. Если дело обстоит так, как вы его представили, если Алисия и вправду страдает расстройством психики, наилучший выход - положить ее в клинику. Или уехать за границу. Простите, если я вторгаюсь в сферы, выходящие за рамки моих служебных обязанностей.

Он замолчал, потому что полковник сделал нетерпеливое движение.

- Я не знал, разыщу ли вас, и потому оставил вам под дверью участка записку, - проговорил полковник, явно желая на этом закончить.

- Понятно, - сказал лейтенант.

- Доброй ночи, - отрывисто бросил полковник.

Однако он не ушел. Литума видел: он повернулся, сделал несколько шагов к морю, остановился и замер перед необозримой, серебрящейся в лунном свете гладью. Маяк вспыхивал и гас, на мгновение выхватывая из темноты его невысокую, напряженно выпрямленную, обтянутую хаки фигуру: полковник не поворачивался, дожидаясь, когда они уйдут. Литума поглядел на лейтенанта, а тот растерянно поглядел на него. Потом лейтенант знаком приказал уходить. Так и не промолвив ни слова, они двинулись прочь. Песок заглушал их шаги, Литума чувствовал, как глубоко увязают в нем его башмаки. Они прошли мимо неподвижной спины полковника - снова ветер взъерошил его редкие волосы - и, огибая вытасканные на берег лодки, побрели к смутным пятнам домиков на окраине Талары. Уже на улице Литума обернулся. Полковник стоял на прежнем месте, у самой воды. Тень его была чуть светлее окружавшей его тьмы. Вдалеке, у самого горизонта, мерцали желтые огоньки. Где там баркас донна Матиаса? Он всегда говорил, что хоть ночи стоят теплые, но в открытом море непременно зябнешь, а потому не грех взять с собой на лов бутылочку горячительного.

Талара была пустынна и безмятежна. Ни в одной из оставшихся позади деревянных хибарок свет не горел. Литуме о стольком надо было расспросить лейтенанта, но он, скованный смешанным чувством неловкости и печали, не

решался раскрыть рот. Правду ли сказал им полковник? Похоже, что правду. Значит, он, Литума, не ошибся, сочтя Алисию тронутой. Краем глаза он иногда поглядывал на лейтенанта: тот с отсутствующим видом нес гитару на плече, словно винтовку или мотыгу. Что он видит в такой тьме в своих темных очках?

Когда раздался этот звук, Литума вздрогнул, хотя и ждал его. Быстро смолкнувшее эхо сломало недолгую жуткую тишину. И опять все стало немо и безмятежно. Литума замер и поглядел на своего начальника, а тот, чуть помедлив, зашагал дальше.

- Господин лейтенант, - Литума рысцой догнал его. - Разве вы не слышали?

Лейтенант продолжал идти, глядя прямо перед собой. Он даже ускорил шаг.

- Что я должен услышать, Литума?

- Выстрел! - семенил с ним рядом полицейский. - Там, на берегу. Разве вы не слышали?

- Я слышал какой-то шум, который может означать все что угодно, - нравоучительно изрек лейтенант. - Может быть, это пьяница пукнул. Может быть, у кита отрыжка. Да мало ли что может быть! Никаких доказательств, что это выстрел, нет.

Сердце у Литумы затрепыхалось. Весь он облился потом, почувствовал, как влажными стали лоб и рубашка на спине. Спотыкаясь, он в ошеломлении шел рядом с лейтенантом и ничего не понимал.

- Мы не пойдем туда, значит? - ощущая, что голова его кружится, спросил он чуть погодя.

- Куда туда?

- Туда, на берег, удостовериться, что это не полковник Миндро... - пролепетал он. - Значит, это и в самом деле был не выстрел?

- Скоро узнаем, Литума, - сжалился наконец лейтенант. - Скоро все узнаем. Он стрелял, не он стрелял - все выяснится. Экий ты торопыга. Подожди. Явится какой-нибудь рыбак или просто бродяга и известит нас. Покончил ли господин полковник с собой, как тебе представляется, или нет. Так что терпи, пока не дойдем до участка. Может, там мы и раскроем тайну, которая так тебя мучает. Ты ведь слышал - полковник оставил нам записку.

Литума, ничего не отвечая, продолжал идти рядом. Из боковой пустынной улочки донеслось хрипение радиоприемника - кто-то крутил ручку настройки. На террасе отеля "Ройаль", завернувшись в одеяло, склонив голову на перила, безмятежно похрапывал сторож.

- Так вы, стало быть, полагаете, что он оставил нам свое завещание? - спросил Литума, когда они уже подходили к участку. - И стало быть, он знал, что после разговора с нами пустит себе пулю в лоб?

- Как же медленно до тебя доходит, друг мой Литума, - вздохнул лейтенант. И похлопал его по плечу ободряюще. - Но ничего, похоже, ты начинаешь соображать. Верно я говорю?

Дальше, до того облупленного и ветхого дома, где размещалась полиция, они шли молча. Лейтенант забрасывал Главное управление гражданской гвардии рапортами, утверждая, что, если не будут приняты срочные меры, потолок рухнет ему на голову и что заключенные только из вежливости или из сострадания к властям не разбегаются из камер, ибо стены их источены жучком и прогнили до основания. Ему всякий раз отвечали, что как только будет утвержден бюджет, на ремонт его участка выделят ассигнования. Луна скрылась за тучей, и, чтобы отпереть замок, пришлось зажечь спичку. Лейтенант, как всегда, довольно долго возился с ключом. Потом зажег еще одну спичку и стал шарить сперва на пороге, потом подальше, но тут спичка догорела до пальцев,

и, выругавшись, он дунул на нее. Литума кинулся за лампой и принялся зажигать ее, на что ушло много времени - руки его не слушались. Наконец вспыхнуло пламя: красный язычок с синей сердцевинкой заметался из стороны в сторону, а потом выпрямился. Обнаружился конверт: он торчал из щели. Литума видел, как лейтенант, присев на корточки, осторожно, как нечто хрупкое и бесценное, поднял его с пола и взял в руки. Литума наперед угадывал все, что сейчас сделает лейтенант, и ни разу не ошибся: вот он сбил фуражку на затылок, снял очки, уселся, широко расставив ноги, на край письменного стола и, очень бережно распечатав конверт, двумя пальцами извлек из него белый полупрозрачный листок бумаги. Литума увидел строчки аккуратных букв, заполнявших всю страницу. Он поднес лампу поближе, чтобы лейтенант мог читать без помехи. Он с беспокойством следил, как медленно двигаются глаза лейтенанта слева направо и опять слева направо и как мало-помалу наплывает на его лицо выражение озабоченности или недовольства или того и другого вместе.

- Ну что? - спросил он, сочтя, что лейтенант дочитал.

Вместо ответа лейтенант выругался. Рука его, державшая белый листочек, опустилась на колено.

- Застрелился? - спросил Литума, таясь за листком. - Позвольте взглянуть, господин лейтенант.

Лейтенант протянул ему бумагу и, пока Литума читал и перечитывал ее, веря и не веря, понимая и недоумевая, сказал:

- Он не только застрелился, Литума. Он сначала еще застрелил Алисию.

Литума, вскинув голову, уставился на своего начальника. Он не знал, что тут нужно говорить, что надо делать. Лампа была у него в левой руке, и, судя по тому, как плясали огромные тени на потолке и на стенах, рука эта сильно дрожала. Лицо лейтенанта исказила гримаса: Литума видел, как он моргает и жмурится, словно от режущего света.

- Что будем делать? - с непонятной ему самому виноватостью спросил Литума. - Пойдем на авиабазу, удостоверимся, что полковник убил свою дочку?

- Неужели сомневаешься? - с упреком отвечал лейтенант.

- Сам не знаю, - пробормотал Литума. - Да нет, наверно, не сомневаюсь. Наверно, он и впрямь убил ее. То-то он был такой странный там, на берегу. А потом и с собой покончил. Это его выстрел мы слышали. Ах, в лоб тебя драть!

- Это ты верно заметил, - немного помолчав, сказал лейтенант. - В лоб тебя драть.

Они еще посидели молча и неподвижно посреди пляшущих на полу, на потолке, на стенах и на всей убогой обстановке теней.

- Так что же будем делать? - снова спросил Литума.

- Что ты будешь делать, не знаю. - Лейтенант, словно вспомнив о неотложном деле, проворно соскочил со стола. Казалось, он испытал могучий прилив сил. - Лучше всего тебе ничего не делать, а пойти да лечь спать. Это мой тебе совет. Спи, пока кто-нибудь не сообщит об этом убийстве.

Литума видел, как лейтенант решительно двинулся к выходу, поправляя пояс, рубаху, кобуру и портупею, надевая темные очки.

- А куда же вы направляетесь? - растерянно спросил он, заранее угадывая ответ.

- Иду брать толстуху штурмом, чтоб ее! - долетели до него слова уже не видимого во тьме лейтенанта.

VIII

Донья Адриана снова рассмеялась, и Литума подумал, что те грандиозные события, над которыми плакала и ахала вся Талара, у нее вызывают только смех. Вот уж три дня была она такая. Этим смехом она потчевала их с лейтенантом на завтрак, обед и ужин вчера, позавчера и позапозавчера. Лейтенант Сильва, напротив, все эти дни был хмур, явно чувствовал себя не в своей тарелке и вид имел такой, словно в жизни его случилась какая-то крупная гадость. В пятнадцатый, наверно, раз за эти три дня Литума спросил себя: "Что с ними обоими творится?" Звонили колокола к мессе, и донья Адриана, все еще смеясь, осенила себя крестным знаменем.

- Ну а что, по-вашему, сделают с этим лейтенантиком, с Дуфо? - спросил дон Херонимо.

Был обеденный час. Кроме Литумы, лейтенанта и таксиста в харчевне сидела еще молодая пара, приехавшая из Сорритоса на крестины.

- Пойдет под трибунал, - мрачно отвечал лейтенант, упершись взглядом в свою полупустую тарелку.

- Ну а будет ему что-нибудь? - настаивал дон Херонимо. Он ел сальтадито с рисом и одновременно обмахивался газетой. - Я так полагаю, за то, что он вытворил с бедным Паломино, по головке не поглядят, а?

- Правильно полагаете, - с набитым ртом отвечал лейтенант, и в голосе его звучала просьба дать ему поесть спокойно. - Будет, будет. Что-нибудь да будет.

Снова засмеялась донья Адриана, и Литума заметил, что лейтенант весь подобрался, съежился на стуле. Хозяйка приближалась к ним. На ней было сильно открытое платье в цветочек, под которым так и ходили ее грудь и бедра. Вся она излучала довольство, здоровье и явно была в полном ладу с миром и с самой собой.

- Выпейте глоточек водички и не торопитесь так, а то еда у вас пойдет не туда куда надо, - со смехом сказала она и игриво похлопала лейтенанта по спине.

- Вас в последнее время и не узнать, - сказал Литума, разглядывая ее. Она и вправду очень изменилась, стала весела и кокетлива непонятно с чего.

- Значит, есть на то причины, - отвечала хозяйка, собирая посуду с соседнего столика и удаляясь на кухню. Зад ее при этом двигался так выразительно, словно посылал им всем прощальный привет. "Господи боже", - подумал Литума.

- Не знаете, чего она так сияет? - спросил он лейтенанта.

Вместо ответа, тот метнул на него убийственный взгляд через стекла своих темных очков и снова уставился на улицу, где юный петушок ожесточенно долбил клювом землю. Потом он вдруг замахал крыльями и взлетел.

- Хочу вам кое-что сказать, лейтенант, вы не обидитесь? - сказал дон Херонимо.

- Лучше не надо, - проворчал тот. - Не то настроение.

- Понял. Молчу, - отозвался таксист.

- Ну что, будут новые жертвы? - со смехом прокричала из кухни донья Адриана.

"Смешинка ей в рот попала, - подумал Литума. - Надо мне проведать девиц китаяца Лао, а то скоро разучусь". Между ним и таксистом стоял стол парочки из Сорри-тоса, и потому переговариваться приходилось через их головы. И он, и она были молоды, разряжены как на праздник и с любопытством вертели головами, прислушиваясь к разговору Литумы, лейтенанта и дон Херонимо.

- Нет, все-таки скажу, хоть вам и не понравятся мои слова. Хочу, чтоб вы знали, - решительно заговорил таксист, в такт своим словам постукивая

скатанной в трубку газетой по столу. - Ни одна собака в Таларе не верит в это. Далее вон тот петушок - и то не верит.

Цыпленок-переросток уже вернулся на прежнее место и теперь с угрюмым видом терзал зажатую в клюве ящерицу. Лейтенант продолжал есть, ни на что не обращая внимания, всецело погруженный в свои невеселые мысли.

- О чем ты, дон Херонимо? - спросил Литума.

- О том, что полковник Миндро застрелил свою дочку, а потом покончил с собой, - цыкая зубом и сплевывая, отвечал таксист. - Какой идиот поверит в такую басню?

- Я. Я - тот идиот, который верит в то, что полковник убил Алисию и покончил с собой, - сказал Литума.

- Не надо придуриваться! - расхохотался дон Херонимо. - Обоих прикончили, чтобы не проболтались и чтобы свалить убийство Паломино на полковника. Так что давай не будем!

- Ах, вот какие теперь толки идут? - поднял голову лейтенант. - Значит, полковника убили? И кто же, позвольте узнать?

- Важные птицы, я полагаю, - развел руками таксист. - Кому ж еще? И вы, лейтенант, не крутите, не надо, тут все свои. Ясно, что вы не имеете права говорить. Все знают, что вам заткнули рот, чтоб, не дай бог, не всплыла правда. Дело известное.

Лейтенант пожал плечами, давая понять, что все эти домыслы не интересуют его нисколько.

- Они даже пустили слух, что полковник будто бы жил с Алисией, - сплюнул очередное зернышко риса дон Херонимо. - Вот ведь сволочи. И мертвецов в покое не оставляют. Сволочи. Тебе не кажется, Адрианочка?

- Мне много чего кажется, - расхохоталась супруга дон Матиаса.

- Значит, все думают, что это выдумки, - кисло пробормотал лейтенант, снова принимаясь за еду.

- Разумеется, выдумки. Это все затем, чтоб покрыть истинных убийц.

Взвывала сирена сахарного завода, и цыпленок, подняв голову, нахохлился, на несколько мгновений застыл в напряженном ожидании. Потом удалился вприпрыжку.

- Ну а за что, по-твоему, разделались с Паломино? - спросил Литума.

- За контрабанду. Многомиллионное дело, - уверенно ответил Херонимо. - Сначала его пришили - он что-то проведаль. А когда полковник Миндро узнал об убийстве, и его прикончили, а за ним и дочку. А потом распустили слух, будто бы полковник, приревновав дочку к Паломино, убил солдата. Вот они и навели тень на ясный день и добились, чего хотели: теперь о главном - о миллионах-то - никто и не вспоминает.

- Господи, чего только не придумают люди, - вздохнул лейтенант, так яростно скребя по тарелке вилкой, словно хотел сломать ее.

- А будете поминать господу всуе, у вас язык-то и отсохнет, - со смехом заметила донья Адриана. Она поставила перед лейтенантом тарелку с нарезанным и очищенным манго, прижавшись при этом своим крутым бедром к его руке. Лейтенант же руку поспешно отдернул. - Ха-ха-ха!

"Какое кокетство, а?" - подумал Литума. Что это творится с доньей Адрианой? Пошучивает с лейтенантом, так и вьется вокруг него, а тот хоть бы глянул в ее сторону. Мало того, все ее шуточки и заигрыванья ему явно не по душе. Его тоже узнать нельзя. Раньше он бы рехнулся на радостях, повел бы на нее атаку по всем правилам, только поспевай отбиваться. А теперь? Три дня уже ходит как в воду опущенный, уставится в одну точку и все думает, думает, точно жвачку жует. Что за чертовщина?

- У нас в Сорритосе тоже толкуют насчет контрабанды, - неожиданно вмешался молодой человек, приехавший на крестины, - смуглый, с золотым зубом, в жестко накрахмаленной рубашке. Говорил он с запинкой. - Правда, Марисита? - отнесся он к своей спутнице, по всей видимости, жене.

- Правда, Панчито, - отвечала та. - Сухая правда.

- Они вроде бы тайком ввозили сюда холодильники и плиты. Сколькими миллионами надо ворочать, чтобы можно было устраивать такие злодеяния?!

- А мне так жалко Алисию Миндро, так жалко! - сказала Марисита и заморгала, словно собираясь заплакать. - Она-то ни в чем не виновата, бедняжка! И такое зло берет, как подумаешь, что убийцам ничего за это не будет. Выкрутились. И денежки сохранили, и на свободе гуляют. Верно я говорю, Панчито?

- Известное дело: богатый откупится, а бедный поплатится. Как по-вашему, господин лейтенант?

Лейтенант, едва не опрокинув стол и стул, резко поднялся.

- Я пошел, - объявил он, показывая своим видом и тоном, что ему все здесь опротивело до смерти. - Остаешься, Литума?

- Иду, иду, господин лейтенант. Дайте хоть кофе допить.

- Пей сколько влезет, - буркнул тот, нахлобучил фуражку и, стараясь не встречаться глазами с доньей Адрианой, которая проводила его от стойки до дверей насмешливой улыбочкой, вышел вон.

Через несколько минут хозяйка подала Литуме кофе и стакан воды и уселась напротив, на место лейтенанта.

- Я сейчас с ума сойду, - понизив голос, сообщил ей полицейский. - Не томите, донья Адриана. Что за история вышла у вас с моим начальником позпрошлой ночью?

- Спроси своего начальника, - отвечала хозяйка, расплываясь в лукавой улыбке.

- Я его десять раз спрашивал, - не отставал Литума. - Он придуривается, словечка из него не вытянешь. Ну, донья Адриана! Расскажите!

- Мужчины нынче пошли любопытные, хуже баб, - ответила она, продолжая сиять лукавой улыбкой, третий день не сходящей с ее лица.

"Прямо как девчонка, которая вытворила какую-то шкodu, - подумал Литума. - Даже помолодела и всякое такое".

- А еще говорят, тут пахнет даже не контрабандой, а шпионажем, - говорил тем временем дон Херонимо, встав и опираясь на спинку стула. - Хозяин кинотеатра мне так сказал, а он человек основательный, зря болтать не будет.

- Раз говорит, значит, знает, - поддакнул Панчито.

- Дыма без огня не бывает, - молвила его жена.

- Донья Адриана, не обижайтесь, ответьте мне, мочи нет, - подыскивая слова, зашептал Литума. - Вы приголубили моего лейтенанта? Уступили ему?

- Как у тебя язык поворачивается задавать мне такие вопросы? - так же, шепотом, произнесла хозяйка, грозя Литуме пальцем. Она пыталась казаться рассерженной, но Литума ясно видел - притворяется: в темных глазах играли огоньки насмешливого удовлетворения, а по губам змеилась двусмысленная улыбочка человека, не без раскаяния, но с удовольствием вспоминающего о какой-то проказе. - И вообще, тише говори, а то Матиас услышит.

- Паломино Молеро узнал, что они продают военные тайны Эквадору, и за это его убили, - сказал таксист. - А резидентом был сам полковник Миндро... Сам, собственной персоной.

- Ну надо же! - поразился Панчито. - Как в кино.

- Как в кино.

- Ничего он не услышит. Я вон отсюда слышу, как он храпит, - сказал Литума. - С той ночи, не знаю, как сказать... все стало как-то чудно. Вот я и пытаюсь угадать, с чего это вы такая веселая, а мой лейтенант такой смурной.

Хозяйка принялась хохотать, да так, что у нее слезы навернулись на глаза. Все тело ее пришло в движение; под цветастой тканью платья заколыхались ничем не стесненные могучие груди.

- Еще бы! - еле вымолвила она. - Еще бы. Запомнит по гроб жизни! Твой начальник навеки заречется приставать к порядочным.

- Не вижу ничего удивительного в том, что рассказал дон Теотонио, - проговорил Панчито, облизнув свою золотую коронку. - Я с самого начала почувал: за всей этой кровью стоят козни Эквадора.

- Как же вам это удалось, донья Адриана? Он на себя не похож стал. Ну, не мучайте меня! Рассказывайте.

- А бедную девочку сперва изнасиловали, а уж потом убили, - вздохнула Марисита, крепенькая, курчавая смуглянка, обтянутая платьем цвета морской волны. - Так всегда бывает. От этих обезьян только и жди беды. А ведь у меня в Эквадоре родные.

- Он вломился ко мне с револьвером - думал напугать, - шептала хозяйка, еле удерживаясь от смеха и чуть щурясь, словно перед ее мысленным взором воскресла так забавлявшая ее картина. - Я уже спала, вскинулась, решила - воры. А это он, начальник твой. Дверь высадил, бесстыдник. Думал, я напугаюсь. Дурачок. Вот дурачок-то.

- Нет, об этом я ничего не слышал, - сказал дон Херонимо, вытягивая шею над газетой, которой отмахивался от мух. - Но похоже на правду. Наверняка изнасиловали. Всем скопом.

- Вломился - и понес, и понес, - сказала донья Адриана.

- Что же он понес? - перебил ее Литума.

- Не могу, говорит, длить эту муку. Умираю, говорит, от желания. Страсть, говорит, довела меня до умоисступления. Если не буду обладать вами, покончу с собой. Или вас убью.

- Цирк, - скорчился от смеха Литума. - Это все он вам говорил или же вы придумали по зловредности?

- Думаю, он хотел меня разжалобить, или напугать, или и то и другое, - отвечала хозяйка, похлопывая Литуму по плечу. - Ну, я ему припасла гостинец!

- Конечно, - сказал Панчито, - всем скопом. Это уж как водится.

- Ну а вы что?

- А я скинула рубашку и осталась в чем мать родила, - сказала донья Адриана, густо покраснев. Да, так оно и было: скинула рубашку, осталась нагишом. Мгновенный неожиданный взмах обеих рук сорвал ночное одеяние, швырнул его на кровать. А на лице под взъерошенными волосами, над могучей плотью, смутно белевшей в полумраке комнаты, лейтенант увидел не страх, а гнев.

- Совсем голая? - заморгал Литума.

- А потом сказала ему такое, чего он отродясь не слыхивал. Такие непристойности ему и присниться не могли.

- Ну да? - хлопал ресницами пораженный Литума, боясь пропустить хоть слово.

- "Вот, сказала я, вот она я, чего ж ты ждешь, мой козлик, чего медлишь?!" - дрожащим от негодования и презрения голосом говорила донья Адриана. Она выпятила грудь, выставила живот, подбоченилась. - Или ты,

может, стесняешься? Может, тебе нечем хвастать? Ну ничего, ничего, покажись-ка мне, каков ты есть. Ну давай, приступай, насилуй! Будь мужчиной! Мой муж берет меня по пяти раз за ночь, но он же стар, а ты молод, ты его за пояс заткнешь, верно ведь? Сколько мне от тебя ждать? Шесть? Семь? Ну, совладаешь?"

- Вот это да... - мямлил растерявшийся Литума. - Это вы, вы ему говорили?

"Что вы, что вы... - промямлил лейтенант. - Что с вами, донья Адриана?"

- Я и сама от себя такого не ожидала, - зашептала хозяйка. - Я и сама не знала, откуда и взялись-то у меня такие слова. Видно, господь наш, Спаситель Айабакский вложил их мне в уста. Я ведь в октябре ходила в Айабаку на богомолье, паломничество совершила. Вот он и просветил меня, когда нужда приспела. А лейтенант оторопел в точности как ты сейчас. "Давай, сказала я, давай-ка раздевайся, покажи-ка, сильно ли на тебя природа потратилась. Ну, приступай! Сейчас начну считать твои разы! До восьми доберешься?"

- Что? Что? - заикаясь, выговорил Литума. Щеки его горели, глаза стали как плоски.

"Вы не имеете права издеваться надо мной", - заикаясь, выговорил лейтенант.

- А заикался он потому, что я ему все сказала совсем простыми словами. От злобы моей и от насмешки он вовсе сник. И сейчас еще одурелый ходит, ты же видел.

- Одуреешь тут, - сказал Литума. - Доведись мне все это услышать, я бы и совсем спятил. Ну а он как себя повел?

- Разумеется, он меня не послушался, одежду с себя не скинул, - отвечала хозяйка. - Всю охоту я ему отбила.

"Я пришел не затем, чтобы вы надо мной издевались, - сказал вконец потерявшийся лейтенант. - Донья Адриана".

"Да уж, конечно, не затем! Ты пришел стращать меня своим пистолетом, надругаться надо мной и почувствовать себя мужчиной! Что ж, супермен ты хренов, приступай! Давай, давай! Только учти наперед - на меньше, чем десять раз, я не согласна. Ну, чего ждешь?"

- Вы с ума сошли, - прошептал Литума.

- Да, я с ума сошла, - прошептала донья Адриана. - Однако благодаря этому твой начальник ничего не добился. И отвалил поджавши хвост. Еще оскорбился, недоделанный!

"Я пришел изъяснить вам свое чистое чувство, а вы обидели меня и унизили, - сказал лейтенант. - Вы унизили и себя, ибо кричали как уличная женщина".

- Погляди-ка, он так и не отошел, - прибавила хозяйка. - Даже жалко его стало.

Она снова залиvisto расхохоталась, очень довольная собой и своей находчивостью. Литуму же обуяло теплое, братское чувство к лейтенанту. Еще бы ему не хмуриться - хозяйка оскорбила его мужское достоинство. То-то завопят "непобедимые", когда он расскажет им эту историю. Пожалуй, они сложат в честь доньи Адрианы гимн и сочтут, что она, а не Чунга достойна быть их королевой.

- А еще говорят, во всем виноваты педерасты, - сказал Панчито.

- Да? - облизывая губы, замигал дон Херонимо. - Очень возможно.

- Вполне возможно, - сказал Панчито. - В казармах всегда процветают такого рода дела. А субъекты эти, сами знаете, рано или поздно докатываются до преступлений. Прости, Марисита, что мы завели при тебе этот разговор.

- Ничего, Панчито. Жизнь есть жизнь.

- Очень возможно, - размышлял над услышанным таксист. - А как было дело? Кто с кем жил?

- Никто не верит в самоубийство полковника, - резко сменила тему донья Адриана.

- Слышу, - пробормотал Литума.

- Я и сама не очень-то верю.

- Не верите? - Литума, поднявшись из-за стола, подписал счет за обед. - А я вот в вашу историю поверил, а это менее правдоподобно, чем самоубийство полковника Миндро. Будьте здоровы, донья Адриана.

- Эй, Литума, - позвала она и, когда он вернулся к столу, поглядела на него блестящими плутоватыми глазами и, сильно понизив голос, сказала: - Передай своему лейтенанту, что нынче ночью, пожалуй, дам ему замесить мучицы в моей квашне. Так что пусть сменит гнев на милость.

Она зазывно рассмеялась. Не удержался и полицейский.

"Черт их разберет, этих женщин", - думал он, направляясь к двери.

Вдогонку ему долетел голос таксиста:

- Эй, Литума, отчего бы тебе не сказать нам, сколько отслюнили твоему начальнику, чтобы он придумал эту историю с самоубийством?

- Мне не по вкусу такие шутки, - ответил он не поворачиваясь. - А лейтенанту они понравятся еще меньше. Смотри, дон Херонимо, они могут тебе дорого обойтись.

Он услышал, как таксист выругался сквозь зубы, и помедлил на пороге: не вернуться ли? Однако решил не возвращаться. Вышел на раскаленную улицу. Двинулся по обжигающему песку, мимо мальчишек, гонявших тряпичный мяч, - тени их мельтешащим причудливым узором ложились ему под ноги. Он вспотел, рубаха прилипла к лопаткам. Можно ли поверить донье Адриане? Приходится верить. Теперь понятно, почему лейтенант с той ночи как оплеванный. Вот ведь как всерьез его заело. Вокруг такое творится, а он все про толстуху думает. Нельзя так распускаться. Вот и поплатился. Но кто бы мог ждать от доньи Адрианы? Бой-баба. Литума представил себе, как хозяйка в чем мать родила, колебля избыточные телеса, глумится над лейтенантом, а тот, растерявшись, ушам своим не верит. Да кто ж тут не растеряется? Тут уж ни до чего, давай бог ноги. Он засмеялся.

В полиции он обнаружил лейтенанта: тот сидел за своим столом по пояс голый, обливаясь потом. Одной рукой обмахивался, а в другой держал телеграмму, и глаза его за стеклами темных очков скользили по строчкам.

- Самое поганое, что никто не желает верить тому, что полковник застрелил Алисию, а потом покончил с собой, - сказал Литума. - Если бы вы слышали, какую они чушь пороли! И контрабанда, и шпионаж, и рука Эквадора. И даже педерастов приплели. Ну не дураки ли?

- Скверные новости, друг Литума, - сказал лейтенант. - Тебя переводят в департамент Хунин, к черту в зубы. Прибыть следует незамедлительно. Автобус тебе оплатят.

- В Хунин? - переспросил Литума, завороченно глядя на телеграмму. - Меня?

- Меня тоже переводят, только пока не знаю куда. Должно быть, к такой-то матери.

- Это, наверно, далеко, - пробормотал Литума.

- Вот что я тебе скажу, обалдуй ты мой Литума, - с жаром заговорил лейтенант. - Вот хотел ты распутать дело об убийстве Паломино Молеро. Готово, распутал! И что же? В награду тебя посылают в горы, подальше от

этого солнышка и от тех, к кому ты привязался. Вот как тебя отблагодарили за беспорочную службу в гражданской гвардии, куда ты имел глупость поступить. Тебя переводят, куда ворон костей не донесет. Стоит мне подумать о тамошней службе, завить хочется.

- В лоб их всех драть, - задумчиво промолвил Литума.

Марио Варгас Льоса. Барышня из Такны

Пьеса в двух действиях

Перевод с испанского А. Богдановского

Предисловие А. Кофмана

Варгас Льоса М.

Кто убил Паломино Молеро? : Повесть. Пьеса

М.: Известия, 1989. (Библиотека журнала "Иностранная литература")

OCR Бычков М.Н.

<...> Пьеса "Барышня из Такны" - первая зрелая проба перуанского писателя в драматургическом жанре. В одном из своих выступлений Варгас Льоса подробно рассказал об истории создания пьесы и о ее замысле; ниже приводим этот рассказ с некоторыми сокращениями:

"На самом деле моим первым литературным увлечением был именно театр... Еще в пятнадцатилетнем возрасте, обучаясь в колледже, я написал пьесу, ныне утерянную, под названием "Бегство Инки", которую потом долгие годы скрывал как постыдный грех юности. Впоследствии я стал писать рассказы и романы, но, даже полностью поглощенный прозаическими жанрами, я всегда чувствовал тяготение к театру.

И вот однажды произошло нечто весьма интересное.

У меня возник замысел написать о моей двоюродной бабушке, которую я знал в последние годы ее жизни. Она была очень стара, дотянула до ста лет и последние годы прожила, полностью погруженная в воображаемый мир, мир воспоминаний. Она уже не могла встать с кресла; все связи с окружающей действительностью в ее сознании оборвались. Все, что она говорила, относилось к далекому-далекому прошлому, к ее детству. Она была родом из Так-ны, провинциального городка на юге Перу. Я с необыкновенным увлечением слушал ее, потому что о своих родителях и умерших родственниках она говорила как о живых, присутствующих рядом...

Образ моей бабушки долгое время будоражил мое воображение и преследовал меня, и вот я решил воссоздать его. Но достичь этого я смог только тогда, когда окончательно убедился, что вся эта история предназначена именно для театра. Только в жанре театральной пьесы можно было материализовать, этот образ...

О чем, собственно, хотел рассказать я? Поначалу, как и обычно, у меня не было ясного замысла. Имелась только отчаянная идея: показать человека, который существует в воображаемом мире и создает внутри реальности некую ирреальность воспоминаний, обретающую плоть в правде пережитого. Таков был первоначальный замысел пьесы "Барышня из Такны".

Когда я приступил к работе над пьесой, я постепенно стал понимать, что

есть в этой истории еще одна, сокровенная тема, влекущая меня к ней. Это - тема моего собственного писательского творчества. Действительно, ведь писатель, сочиняющий свои истории, в сущности, делает то же самое, что и эта старушка: создает иллюзорный мир в рамках мира реального. И вот когда я понял это - история сразу обрела другое измерение, стала более символичной, абстрактной, многозначной".

К сказанному писателем следует добавить, что впервые пьеса "Барышня из Такны" была поставлена в Мадриде молодым аргентинским режиссером Эмилио Альфаро, и хотя первая постановка оказалась неудачной и вызвала отрицательные отзывы критики, эта пьеса прочно вошла в репертуар латиноамериканских театров.

Впоследствии Варгас Льоса создал еще две пьесы - комедии "Катя и гиппопотам" (1983) и "Чунга" (1986), с которыми, возможно, еще предстоит познакомиться русскому читателю.

А. Кофман

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мамочка - древняя старуха.

Бабушка (Кармен) - ее двоюродная сестра. Чуть моложе, немного бодрей.

Дедушка (Педро) - муж Кармен.

Агустин - их старший сын. Лет пятидесяти.

Сесар - их младший сын.

Амелия - их дочь. Лет сорока.

Белисарио - сын Амелии.

Хоакин - чилийский офицер. Молод, хорош собой.

Сеньора Карлота - нарядная, красивая дама лет тридцати.

Действие развивается в двух планах, на двух площадках: в доме бабушки и дедушки - это Лима пятидесятих годов - и в кабинете Белисарио, он может находиться в любой точке планеты, в 1980 году. По большей части действие происходит в столовой скромной квартиры, где живут бабушка и дедушка. Одна дверь на улицу, другая - в глубь квартиры. Обстановка свидетельствует о недостатке средств, граничащем с нищетой. Кресло, в котором Мамочка в последние годы проводит все свое время; деревянный стульчик, с помощью которого она передвигается; старый радиоприемник; стол - во втором действии за ним семья ужинает. Из выходящего на улицу окна доносится звон трамваев. Декорации не должны быть чрезмерно жизнеподобными, ибо обстановка комнаты существует только в памяти Белисарио, это плод его воспоминаний, а в воспоминаниях и люди, и предметы обретают призрачный вид и независимость от своей реальной основы. По ходу пьесы комната бабушки и дедушки превращается в дом, где Мамочка и Кармен жили в юности; в столовую усадьбы в Арекипе; в квартиру в Боливии, где Мамочка рассказывала Белисарио сказки; в гостиничный номер, где Педро пишет письмо Кармен, тайно прочитанное Мамочкой. Та же декорация становится исповедальней падре Венансио, существующей лишь в воображении героев. Должна быть предусмотрена известная неопределенность, которая призвана облегчить или хотя бы не затруднить все эти переходы во времени и пространстве. В рабочем кабинете Белисарио доминирует неуклюжий стол, заваленный бумагами, блокнотами, ручками. Может быть пишущая машинка.

Необходимо, чтобы обстановка кабинета при всей своей непритязательности указывала: здесь живет человек, посвятивший жизнь писательству, проводящий в кабинете большую часть времени, человек, который не только пишет там, спит и ест, но и ворошит свои воспоминания, исповедуясь перед самим собой и обступающими его тенями. Белисарио - от сорока до пятидесяти лет или даже больше. Во всяком случае, у него за плечами - большой литературный опыт. Все, что происходит с ним во время писания этой истории, без сомнения, происходило и в продолжение работы над предыдущими. Судя по облику и одежде, это человек не слишком преуспевший в жизни, рассеянный и беззаботный. Границы между двумя сценическими площадками условны. Костюмы следует сделать реалистическими, потому что по одежде персонажей зритель будет судить о смене временных периодов. Чилийский офицер носит мундир начала века - золотые пуговицы, перевязь, шпага. На сеньоре Карлоте - соответствующее времени платье. Кармен, Педро и Мамочка одеты не просто скромно, но по нормам скромности пятидесятих годов. В то же время одежда, прическа и прочие атрибуты внешнего облика Белисарио свидетельствуют о том, что он - наш современник.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена погружена в темноту. Слышен излишне громкий, тревожный, беспокойный голос Мамочки. Высвечивается ее старушечье, сплошь изборожденное морщинами лицо.

Мамочка. Реки... Текут реки... Вода, пена, вьюнки... Вода накатывает волнами, затопляет все... Потоп! Вода прибывает! Водопады, пузыри, потоп, вьюнки, река... Ай-ай!

Сцена освещается. Мамочка сидит скорчившись в своем старом кресле, у ног ее - небольшая лужица. Белисарио - за своим столом, лихорадочно пишет. Глаза его горят, рука безостановочно водит пером по бумаге, губы двигаются, словно он сам себе диктует.

Амелия (входя). Опять! Опять напрудила! Почему не позвала меня, не попросилась?! Сколько раз тебе говорить? Думаешь, мне не надоело подтирать за тобой? Вот ты где у меня! (Втягивает воздух носом.) Э-э, ты, кажется, и это успела.

На ее безнадежный жест Мамочка отвечает поклоном и улыбкой и тотчас засыпает, уронив голову на грудь. В эту минуту Белисарио, точно под воздействием внезапной мысли, отрывается от писания. Перо застывает в воздухе. На лице появляется унылое выражение. Говорит сам с собой, поначалу чуть слышно, сквозь зубы.

Белисарио. Что делать тебе в этой любовной истории? Что делать в этой любовной истории старушке, которая ходит под себя, которую надо одевать, раздевать, мыть, укладывать спать, потому что сама она уже ни на что не способна? Что ей делать в этой любовной истории, Белисарио? (Внезапно впад в ярость, швыряет ручку на пол.) Ты собираешься писать любовную историю или что? Или что. (Смеется, поникает.) Самое скверное, самое муторное - это начало. От сомнений, от сознания своего бессилия впадаешь в столбняк. (Глядит на Мамочку.) Всякий раз, начиная работу, я становлюсь вроде тебя,

Мамочка, я чувствую себя столетней развалиной, выжившей из ума старухой - ничемным, маленьким, непонятым существом, которое и смешит, и внушает жалость, и даже немного пугает. (Встает, прохаживается вокруг Мамочки, зажав в зубах поднятую с пола ручку.) Но память-то еще жива, да? А зубов нет? Нет. А вставную челюсть, подаренную тебе Агустином и Сесаром, ты носить не можешь, натирает десны? Зачем ты здесь? Кто тебя звал? Мешаешь ведь, разве непонятно? (Улыбается, идет к письменному столу, осененный новой идеей.) Мамочка. Мамочка... Никто никогда не называл тебя по имени - Эльвира. Ни бабушка, ни дедушка, ни моя мать, ни дядя. (Садится за стол и пишет - сначала медленно, потом все быстрее.) Странно звучало это слово для всех посторонних. Почему Мамочка? С какой стати? Кому ты Мамочка? Но потом все начинали звать тебя так и только так.

Амелия, вытерев лужу, уходит. На последних словах Белисарио входит Хоакин, чилийский офицер. На нем шитый золотом мундир начала века. В продолжение последующей сцены Белисарио усердно строчит, лишь иногда отрываясь от бумаги и покусывая кончик ручки, обдумывая или припоминая что-то. Время от времени он обращает рассеянный взгляд на Хоакина и Мамочку, прислушиваясь к их беседе, а потом снова принимается за работу - пишет или перечитывает написанное.

Хоакин (шепчет). Эльвира. Эльвира. Эльвира...

Мамочка открывает глаза, прислушивается, лукаво улыбается, оглядываясь по сторонам с некоторым беспокойством. Ее голос и движения теперь - как у юной девушки.

Мамочка. Хоакин! Ты с ума сошел! В такой час! Услышат!

Хоакин. Я ведь знаю, что ты здесь! Ты слышишь меня! погоди минутку, Эльвира! Мне надо сказать тебе кое-что очень важное. Ты ведь знаешь, что именно? Да? Хочу сказать, что ты прелестна, что я люблю тебя и мечтаю обладать тобой. Что я считаю часы, остающиеся до воскресенья.

Мамочка встает и - боязливо, явно борясь с собой, - перегибается через воображаемую балконную решетку.

Мамочка. Как ты мог прийти в такой час, Хоакин! Тебя никто не видел? Ты погубишь меня. В Такне и у стен есть уши.

Хоакин (покрывает поцелуями ей руки). Я ведь уже лег спать, любовь моя! И вдруг словно какой-то генерал отдал мне приказ: если поторопишься - успеешь, лети к ней! Клянусь тебе, Эльвира! Я так хотел увидеть тебя, прикоснуться к тебе.

Мамочка отводит жадные руки Хоакина, готовые обвить ее стан.

Я не сомкнул бы глаз до утра, если бы не увидел тебя.

Мамочка. Но ведь мы провели вместе целый вечер. Какая была чудесная прогулка с моей кузиной, правда, Хоакин? Когда ты позвал меня, я как раз вспоминала эти дивные гранаты, груши, персики, айву. А как прекрасно было на речке. Мне бы хотелось поплескаться в воде, как когда-то в детстве...

Хоакин. Летом, если мы к тому времени еще будем в Такие, я отведу тебя на реку. Нас никто не будет видеть. Ночью. К той заводи, где мы гуляли

сегодня. Мы сбросим одежду...

Мамочка. Замолчи, Хоакин! Ни слова больше!

Хоакин. ...и будем купаться голыми. Мы будем играть в воде как рыбы. Я догоню тебя, настигну и, настигнув...

Мамочка. Прошу тебя, Хоакин! Не говори пошлостей!

Хоакин. Какие же это пошлости, если мы в воскресенье обвенчаемся?!

Мамочка. Я не разрешу тебе говорить так, даже когда стану твоей женой.

Хоакин. Ты для меня превыше всего на свете, Эльвира. Даже моего мундира. А знаешь ли ты, что такое мундир для офицера? Этого словами не скажешь. Не сердись, я нарочно. Мне нравится, что ты такая.

Мамочка. Какая?

Хоакин. Такая... Девочка-недотрога. Все тебя смущает, все тебя пугает, от всего ты краснеешь.

Мамочка. Разве не так должна вести себя барышня из хорошей семьи?

Хоакин. Разумеется, так. Нет, Эльвира, ты и представить себе не можешь, как я жду воскресенья! Ты будешь только моей и ничьей больше, ты будешь всецело в моей власти. Когда мы останемся вдвоем, я усажу тебя на колени, в темноте, и ты станешь царапать меня как кошечка. Я пересчитаю каждый волосок в твоих локонах - их должно быть никак не меньше пяти тысяч.

Мамочка. И этим ты будешь заниматься в нашу первую ночь?

Хоакин. О нет! Ты хочешь знать, что будет в нашу первую ночь?

Мамочка (затыкая уши). Нет, нет, не хочу! (Оба смеются.) А ты и потом, когда мы обвенчаемся, будешь так же ласков со мной? Знаешь, что мне сказала Кармен, вернувшись с прогулки: "Ты вытянула счастливый билет, Эльвира. Твой Хоакин красив, утончен, это рыцарь с головы до ног".

Хоакин. И ты с ней согласна? И тебя не смущает то, что я чилиец? И ничего, что и тебе придется стать чилийкой?

Мамочка. А я и не стану чилийкой. Я до могилы сохраню верность Перу. Я до самой смерти буду ненавидеть негодяев, напавших на нас.

Хоакин. Это будет очень пикантно. Когда ты выйдешь за меня замуж и мы уедем в Сантьяго, или в Антофагасту, или в какой-нибудь гарнизон, ты будешь целыми днями ссориться с моими сослуживцами из-за Тихоокеанской войны {Война между Чили и Перу (1879-1884), в которой Перу потерпела поражение.} За такие отзывы о чилийцах меня отправят под трибунал.

Мамочка. Не бойся, Хоакин, я тебе карьеры не испорчу и то, что думаю о чилийцах, оставлю при себе. А товарищам твоим стану улыбаться и строить глазки.

Хоакин. Еще чего! "Глазки"! Разве ты не знаешь, что я ревнив как турок? А тебя только и ревновать.

Мамочка. Тебе пора. Если дядя тебя обнаружит, мне достанется.

Хоакин. "Дядя, тетя"! Они портят все мое жениховство.

Мамочка. Не говори так даже в шутку. Что бы случилось со мной без дяди Менелао и тетушки Амелии?! Если бы не они, я попала бы в приют. Да-да, на улицу Тарапака.

Хоакин. Я знаю, они сделали тебе много добра, и радуюсь, что ты росла в золотой клетке. Но за весь год, что я считаюсь твоим женихом, мы ни разу не виделись наедине. Не беспокойся, я ухожу. Ухожу!

Мамочка. До завтра, Хоакин. Завтра в восемь, в соборе, как всегда?

Хоакин. Как всегда. Ох, чуть не забыл. Вот книжка, которую ты давала мне почитать - стихи Федерико Баррето. Я начал было, да на второй странице заснул. Когда ляжешь в свою постельку, прочти их вместо меня.

Мамочка (вырывает у себя волосок и протягивает Хоакину). Ничего, когда

я прочту их тебе на ухо, ты их полюбишь. Знаешь, Хоакин... Я счастлива, что выхожу за тебя.

Хоакин, перед тем как уйти, пытается поцеловать ее в губы, но она проворно подставляет ему щеку. Мамочка возвращается в свое кресло, на ходу опять превращаясь в старуху. Разглядывает книгу.

А если бы Хоакин узнал про историю с веером? Он бы вызвал его на дуэль и убил. Сломай этот веер, Эльвира, нехорошо, что ты его хранишь.

Садится в кресло и мгновенно засыпает. Белисарио, который в эту минуту поднимает глаза от рукописи, кажется теперь оживленным и бодрым.

Белисарио. Это тоже история о любви? Да, Белисарио. Позволительно ли быть таким наивным и глупым? Неужели трудно было поместить героев в такую эпоху, когда девочки теряют невинность еще до первого причастия, а мальчики предпочитают девочкам марихуану? Ну, ничего: выбранные мною время и место действия идеальны для романтической истории. Такна, перуанская провинция, еще оккупированная чилийскими войсками после Тихоокеанской войны. (Глядит на Мамочку.) Так ты, значит, убежденная и непоколебимая патриотка? Ну-с, какой же был самый счастливый день в жизни этой барышни?

Мамочка (открывает глаза). День, когда Такна снова стала частью Перу! (Она крестится, благодаря господу за эту милость, и снова задремывает.)

Белисарио (с легкой печалью в голосе). Да, романтическая история. Теперь таких больше не случается, в них никто больше не верит. А тебе они очень нравятся? На кой черт сдалась тебе эта история о любви? Для ничтожной компенсации, которая ничего не компенсирует? И из-за этого так позорно капитулировать? Да, из-за этого! А-а, проклятая тварь, убирайся отсюда! Долой критическое сознание! Наплевать мне на него, Белисарио! Оно способно только стреножить и охолостить тебя. Вон отсюда, критическое сознание! Ступай прочь, потаскуха, королева бесплодных щелкоперов! (Вскочив из-за стола, подбегает к Мамочке, прикладывает руку к ее лбу.) Добро пожаловать, Мамочка! Позабудь все, что я говорил раньше! И прости меня! Ты мне понадобишься, ты мне сослужишь службу. Именно такая женщина, как ты, и нужна мне! Именно ты способна была испытать такую прекрасную и трогательную любовь! В твоей жизни есть все необходимое для моей истории... По крайней мере, есть с чего начать. (Возвращается за стол.) Мать умерла в родах, а отец скончался, когда ей было... Сколько тебе было, Мамочка, когда тебя взял на воспитание мой прадедущка? Пять? Шесть? Бабушка Кармен уже родилась к тому времени? (Садится, вертит в руках карандаш, говорит медленно, подбирая слова.) Жили они тогда безбедно, могли позволить себе воспитание сиротки. Помещики.

Мамочка (открывает глаза и говорит, обращаясь к невидимому ребенку, сидящему у ее ног). Прадед твой Менелао был настоящим дворянином, у него была трость с серебряным набалдашником и часы с цепочкой. Не переносил грязи. Вернувшись домой из гостей, первым делом проводил пальцем по шкафам, проверял, нет ли пыли. Воду и вино пил только из стаканов горного хрусталя. "В хорошем стакане напиток вдвое вкусней", - часто повторял он. Однажды они с тетужкой собирались на бал, а мы с твоей бабушкой Кармен в это самое время лакомились айвовым повидлом. "Дайте-ка, девочки, и мне попробовать". Попробовал и капнул себе на фрак. Капнул - и застыл на месте, глядя на пятнышко. А потом, не закричав, вообще слова не промолвив, перевернул все

блюдо, измарав при этом и жилет, и панталоны, и фрак. Прабабушка твоя всегда говорила: "Чистота - это его слабое место".

Она улыбается и снова засыпает. В продолжение ее монолога Белисарио усердно скребет пером, время от времени отрываясь и прислушиваясь.

Белисарио. Твой прадедущка Менелао был, наверно, тот еще фрукт. Тот еще, тот еще. Он тебе пригодится, Белисарио. (Глядит в потолок.) Пригодится, пригодится. Пригодишься, прадедущка. Ты ведь души в Мамочке не чаял и воспитывал как родную дочь, как бабушку Кармен, а когда Мамочка собралась замуж за этого чилийского офицера, свадебное подвенечное платье и приданое выписали из Европы. Из Парижа? Из Мадрида? Из Лондона? Откуда, Мамочка, не помнишь? Где было модно заказывать туалеты? (Увлеченно пишет.) Молодец, Белисарио! Мне нравится, Белисарио! Поцелуй себя в щечку, Белисарио! Какое славное было семейство! И как измельчало, как выродилось оно в твоём лице! Какая длинная цепь несчастий! (Глядит в потолок.) И зачем, мама, надо было тебе выходить за пехотного капитана? Ну а твоя печальная судьба, папа, меня не огорчает: надо быть последним дураком, чтобы, только что женившись, сыграть в русскую рулетку. Надо быть очень тупоумным, чтобы погубить себя таким способом, папа! И надо быть попросту идиоткой, мама, чтобы, овдовев так рано, не выйти потом замуж снова. Зачем ты возлагала на меня такие надежды, мама? Как могло прийти в голову тебе, твоим родителям, твоим братьям и сестрам, что я, Белисарио, смогу выиграть все тяжбы и вернуть нашему роду потускневшему прежний блеск? (Голос его постепенно заглушается радио.)

Мамочка (открывая глаза, взволнованно зовет). Кармен! Кармен! Иди скорей! Скорей! Подойди к окну! Поезд из Арики!

Бабушка (отрывается от радиоприемника, смотрит на нее с печальным любопытством). Честное слово, я готова тебе позавидовать. Ты нашла идеальное средство не замечать окружающее нас убожество. Мне бы тоже хотелось вернуться в дни моей юности, хоть во сне.

Мамочка. Ай-й! Вырвать бы мне глаза! Они ни на что больше не годны! Я ничего не вижу! Погляди-ка, Кармен! Это поезд из Арики? Или из Локумбы?

Бабушка. Ни то, ни другое. Это трамвай. И мы с тобой не в Такие, а в Лиме. И тебе не пятнадцать лет, а девяносто или около того. Ты не девочка, Эльвира, а старая развалина.

Мамочка. Помнишь тот бал-маскарад?

Бабушка. Какой именно? Их было в те годы немало.

Мамочка. В театре "Орфейон". Тот, на который явился негр.

Слышится веселый праздничный шум, звуки музыки. Отчетливой доносится старинный вальс.

Бабушка. Ах, этот?! Как же не помнить? На том балу я познакомилась с Педро: он как раз приехал из Арекипы на масленицу. Кто бы мог тогда подумать, что я выйду за него замуж? Конечно, помню. Не на этом ли балу Федерико Баррето написал тебе на веере стихи? Нет-нет, это было двадцать восьмого июля, в "Обществе дам-патриоток". Да, негр, верно... Он с тобой танцевал, когда его разоблачили, да?

Белисарио подымается, подходит к Мамочке и, отвесив ей поклон в стиле конца века, приглашает на танец. Юная, грациозная, кокетливая Мамочка вальсирует с

ним.

Мамочка. Маска, я тебя знаю! Ты - чилиец? Нет? Наш? Ты из Такны? Наверно, офицер? А, знаю! Ты - врач! Или адвокат? Ну, скажи мне что-нибудь, загадай мне загадку, и я пойму, кто ты!

Белисарио молча качает головой и издает короткий нервный смешок.

Бабушка (так, словно Мамочка по-прежнему сидит в кресле). Как же ты по запаху не догадалась? Хотя этот бандит, конечно, надушился...

Пара продолжает упоенно вальсировать, пока на крутом повороте рукав невидимого домино, в которое одет Белисарио, за что-то не зацепляется, обнажая черную руку. Мамочка в ужасе отстраняется. Белисарио, очень довольный, бежит к своему столу.

Мамочка (окаменев от ужаса). Негр! Негр! Эта маска - негр! Ай-ай! Ай!

Бабушка. Не кричи, Эльвира. Мне и сейчас помнятся твои вопли. Оркестр перестал играть, танцоры замерли. Сидевшие в ложах вскочили. Что тут только началось в "Орфеоне"! С тобой случился нервный припадок, и мы тебя увели домой. По милости этого чернокожего праздник был вконец испорчен.

Мамочка (испуганно). Кармен! Карменсита! Погляди, что там у фонтана на площади! Что они делают с ним? Избивают?

Бабушка. Да. Кавалеры вытащили негра на площадь, к бронзовому фонтану, и отколотили палками. Какая у тебя память, Эльвира!

Мамочка. Не бейте его, довольно! Он весь в крови! Он же ничего не сделал, он даже не заговаривал со мной! Тетушка Амелия, скажи им, тебя они послушают! Дядюшка Менелао, велите им прекратить!.. (Приходя в себя.) Как ты думаешь, Кармен, его убили?

Бабушка. Нет, не убили, а всего лишь покарали за дерзость. Потом его отвели в тюрьму. Этаким наглец! Пробраться на бал в "Орфеон"! Мы долго не могли опомниться... Каждую ночь снилось, что он забирается к нам в окошко. Много недель и месяцев только и разговоров было что об этом чернокожем из Ла-Мара.

Белисарио (в восторге бьет кулаком по столу). Ну, чернокожий из Ла-Мара! Обретай плоть! Двигайся! Живи!

Мамочка. Вовсе он не из Ла-Мара. Это невольник с усадьбы Мокегуа.

Бабушка. Чуть какая! В те времена рабство в Перу было уже отменено.

Мамочка. Ничего не отменено. У папы их было трое.

Белисарио (на мгновение отрываясь). Чернокожих!

Мамочка. Они переносили меня в паланкине с одного берега Каплины на другой.

Белисарио (пишет). На ночь их привязывали в хлеву за щиколотки, чтоб не сбежали.

Мамочка. Я не видела его лица, но что-то поняла по его движениям, по глазам. Я уверена, что это был один из тех. Беглый раб...

Входит дедушка. Он тяжело дышит, волосы всклокочены, одежда в беспорядке. При его появлении Мамочка приседает в почтительном реверансе, словно приветствуя знатную особу, и снова переносится в свой воображаемый мир. Входит Амелия.

Амелия (заметно, что она стряпала на кухне). Папа! Что случилось?!

Бабушка. Где твоя шляпа, Педро? И трость?

Дедушка. Меня ограбили.

Бабушка. Господи более, как - ограбили?

Ведут его к креслу и усаживают.

Дедушка. На меня напали, когда я вылезал из трамвая. Один из тех негодяев, которые наводняют теперь улицы нашей Лимы. Он сбил меня с ног. И сорвал еще это... (подыскивает слово), ну, эту штуку.

Бабушка. Часы? Педро, неужели он украл твои часы?!

Амелия. Теперь ты видишь, как мы были правы, когда говорили: не ходи один, не садись в автобус, не ездь на трамвае! Почему ты не слушал нас? Сколько раз можно повторять: один на улицу не выходи.

Бабушка. Ведь ты нездоров, Педро! А если у тебя опять помутится в голове? Тот урок не пошел тебе на пользу! Ты уже не помнишь, какого страху натерпелся, когда много часов бродил по улицам и не мог отыскать свой дом?!

Дедушка. Нельзя же сидеть здесь в четырех стенах и ждать, когда же тебя сволокут в могилу! Я не позволю, чтобы эта страна покончила со мной так...

Бабушка. Нигде не болит? Куда он тебя ударил?

Дедушка. Ни в одной стране мира не относятся так наплевательски к людям, которые еще могут и хотят работать, как у нас в Перу. У нас старость - преступление. В цивилизованных странах все совсем по-другому. В Англии не так, в Германии не так. Там пожилых людей зовут на службу, там используют их опыт. А здесь им одна дорога - на свалку. Я никогда с этим не примирюсь, ибо знаю: я справлюсь с любой работой лучше, чем какой-нибудь молокосос.

Белисарио (отрывается от работы, охваченный воспоминаниями). Всегда одно и то же, одно и то же, как испорченный патефон. Я, дедушка, никогда тебе этого не забуду. (Берется за перо, но, написав несколько строк, снова отвлекается на то, что происходит у стариков.)

Амелия. Если будешь так отчаиваться, ничего не добьешься, а вот нервы расшатаете вконец.

Бабушка. У тебя ведь не все в порядке с головой, Педро. Вспомни, что доктор сказал: если не перестанешь волноваться по любому поводу, приступ может повториться.

Дедушка. Все у меня в порядке. Клянусь вам, за весь день голова ни разу не закружилась. Шляпу и это... эту штуку мне несколько не жалко. Вот часы - это дело другое. Пятнадцать лет они у меня и ни разу не отстали. Ну ладно, довольно об этом. Слушали вы восьмичасовую передачу? Постановку?

Бабушка. Я одна слушала. Амелия переглядила кучу белья нашего будущего адвоката.

Амелия. Ой, смотри, у тебя ссадина на запястье.

Бабушка. Немного надо доблести, чтобы напасть на старика.

Дедушка. Он накинулся сзади, захватил врасплох. Попробовал бы лицом к лицу. Я, может, и старик, но достоинства не потерял и сумел бы дать ему отпор. Я всегда был первым драчуном. В иезуитском коллеже в Арекипе меня прозвали "Порох". Чуть что - я лез в драку. И никому спуску не давал.

Мамочка (с тревогой). Что ты такое говоришь, Педро? Устроить драку с Федерико Баррето из-за этого невинного стишка? Не надо, не заводишь. У него не было дурных намерений, это чисто светская любезность. Оставь его, говорят, он настоящий бретер.

Дедушка. Да? Тогда другое дело. Впрочем, надо признать, стихи

превосходные. Баррето - человек даровитый... (Бабушке.) Этот старый волокита и тебе присылал цветы.

Бабушка. Ох, эта Эльвира, все-то она помнит, хотя давно уж забыть пора. Когда это было!.. Пойдем, я смажу тебе ранку йодом.

Амелия. Надеюсь, папа, ты образумишься. И никогда больше не будешь один выходить из дому. Особенно под вечер. Разве ты не можешь погулять днем, где-нибудь вокруг дома. Или подождать, пока я или твой внук проводим тебя?

Дедушка (встает). Ладно, Амелия, уговорила. (Бабушке.) Плохи, наверно, дела в стране, если уж стали грабить полумертвых от голода стариков. Сесть в тюрьму из-за старой палки, из-за пожелтелой шляпы с потеками на тулье?

Бабушка (уводит его из комнаты). Эти часы подарили тебе депутаты муниципального собрания, когда ты был префектом Пиуры. Как жалко! Память была. Ну, ничего, когда Белисарио выиграет свое первое дело, он подарит тебе другие, еще лучше... (Выходит вместе с Амелией.)

Белисарио. Первое дело... Ты, бабушка, тоже любила помечтать. (С яростью.) Ты-то откуда тут взялась? Неужели и дедушку Педро всадить в любовную историю, где не было еще ни одного поцелуя? Никогда мне не сочинить эту историю! Я не умею писать, хотя всю жизнь только тем и занимаюсь. А получается день ото дня все хуже. Отчего бы это, дедушка? Когда хирург удалит пятьдесят аппендиксов и двести миндалин и сделает тысячу трепанаций, он оперирует играючи, верно? Почему же я, сочинив пятьдесят или сто историй, так маюсь? Почему для меня это так же невысказано трудно, как и в первый раз? Даже еще трудней! В тысячу раз трудней! Дедушка, бабушка, уйдите вы от меня, скройтесь, сгиньте, не отвлекайте меня, не мешайте мне, не сбивайте! Уберитесь к чертовой матери! Дайте дописать любовную историю. (Задумчиво.) А дедушка Педро потянул бы на героя новеллы или даже романа. Жизнь наравне с веком, медленное разрушение, постепенный упадок. При конституционном правительстве Бустаманте - префект Пиуры. А до этого скупал хлопок в Боливии, в Санта-Крус-де-ла-Сьерра. А еще раньше возделывал землю в Камане. А до этого служил в какой-то английской компании в Арекипе. Может, и ты, дедушка, хотел стать адвокатом и поэтом? И стал бы, если бы твой отец не умер, когда тебе исполнилось пятнадцать лет. Вот потому Белисарио и направили по стезе правозащиты - надо было восстановить семейную традицию... (Судя по его интонации, какая-то мысль, имеющая отношение к его работе, появляется у него в голове. Он вертит перо, укладывает стопками бумаги.) Да, пойдет. Ну-ка, дедуля, пожалуй-ка сюда. Напрасно я послал тебя к чертовой матери. Извини. Глубоко сожалею. Я ведь тебя очень люблю. Ты вполне можешь стать персонажем моего рассказа. Недаром же ты фигурируешь во всех сказках, которые я слышал от Мамочки. Ты был прототипом всех этих таинственных и чудесных, словно единороги или кентавры, существ - рыцарей. (Пишет.) Хотя в жизни твоей не было ничего таинственного. Работал как вол, чтобы прокормить не только своих детей, но и всю ту ораву, которую бабушка Кармен, самое сердобольное существо на свете, подбирала где только могла. Например, сына того дуралея, который разнес себе череп, играя в русскую рулетку, или девушку на выданье, оставшуюся круглой сиротой, как Мамочка.

Когда сцена освещается, входит сеньора Карлота. Мамочка почтительно взирает на нее из кресла. Потом встает и, помолодев, идет к ней навстречу.

Мамочка. Добрый вечер, сеньора Карлота. Какая приятная неожиданность. А старших нет дома, и Кармен-сита куда-то ушла. Садитесь, прошу вас. Чашечку чая?

Карлота. "Она точно сошла с акварели Модесто Молины" - так, я слышала, говорили про тебя в Аламеде. Правду говорили.

Мамочка. Вы очень любезны, сударыня.

Карлота. Каштановые кудри, фарфоровая кожа. Выхолненные руки, маленькие ноги. Куколка.

Мамочка. Ради бога, сударыня, вы меня заставляете краснеть. Отчего же вы стоите? Скоро вернутся мои родные. Они пошли с визитом соболезнования к...

Карлота. Молоденькая, хорошенькая, и недурное наследство не за горами, правда? Имение твоего отца в Мокегуа взято в опеку до твоего совершеннолетия, да?

Мамочка. Зачем вы все это говорите? И таким тоном? Можно подумать, что вы сердитесь на меня.

Карлота. "Сержусь" - это не совсем то слово, миленькая моя недотрога. Я тебя ненавижу. Я тебя ненавижу всеми силами души, всем своим существом. Весь год я желала тебе самых страшных несчастий и горестей. Я мечтала, чтобы тебя переехал паровоз, чтобы оспа изуродовала твое личико, чтоб чахотка спалила твои легкие.

Мамочка. Да что ж я вам такого сделала, сеньора Карлота? Мы ведь с вами едва знакомы. Вы мне говорите такие ужасные вещи. А я-то подумала, вы мне принесли свадебный подарок...

Карлота. Я пришла сказать тебе, что Хоакин тебя не любит. Он любит меня! Пусть ты моложе! Пусть ты девица - это все равно. Хоакину не нравятся фарфоровые статуэтки, которые разбиваются от малейшего ветерка! Ему нравлюсь я! Потому что я знаю такое, чего тебе и таким, как ты, вовек не узнать! Я умею любить. Я знаю, что такое страсть. Я умею наслаждаться и дарить наслаждение. Ты и выговорить-то не смеешь это слово.

Мамочка. Вы, наверно, с ума сошли, сеньора Карлота. Вы забыли, что...

Карлота. Что я замужем и что у меня трое детей. Нет, не забыла. Мне плевать на это! Наплевать мне и на мужа, и на детей, и на то, какие толки пойдут обо мне по городу, и на веру, и на закон! Это и есть любовь, понимаешь? Я готова ко всему, но только не к потере мужчины, которого люблю.

Мамочка. Но если Хоакин, как вы говорите, вас любит, отчего же он посватался ко мне?

Карлота. Отчего? Оттого, что польстился на твое имя и на твое приданое. Офицер должен упрочить свою будущность. Но прежде всего оттого, что не может жениться на той, кого любит. Это брак по расчету. Скрепя сердце решил он жениться на тебе. Поняла? Скрепя сердце. Сто раз он повторял мне эти слова. Не далее как сегодня, два часа назад. Да, он был сегодня у меня. У меня и сейчас еще звучат в ушах его слова: "Ты - единственная, кто умеет дарить мне наслаждение, ты - настоящая оторва!" Да, так называет он меня в минуты страсти.

Мамочка (выходя из столбняка). Довольно, сеньора Карлота. Умоляю вас, ради бога...

Карлота. А-а, ты не можешь слушать такое?! Мне плевать! Я пришла сюда, чтобы сказать тебе: никогда я не отдам Хоакина, даже если он и женится на тебе. Я не откажусь от него, а он - от меня! Мы будем встречаться тайно, за твоей спиной. Ты узнаешь, что такое жизнь замужней женщины! Каждое утро, каждый вечер ты будешь спрашивать себя, где твой супруг - в казарме или у меня в постели!

Мамочка. Я позову людей, и вас выведут, сеньора Карлота.

Карлота. А если его переведут в другой гарнизон, я брошу мужа, брошу

детей и уеду следом за Хоакином. И мучения твои будут продолжаться. Я покажу тебе, до чего может дойти любящая женщина. Слышишь?

Мамочка. Да, сударыня. Может быть, все, что вы сказали, - правда. Я бы не смогла поступить так. Мне кажется, любовь не должна стать недугом. Я такой любви не понимаю. Вы красивы, нарядны, вашего мужа уважает весь город. И дети у вас такие славные. Чего вам еще не хватает в жизни?

Карлота. Ну ладно, может быть, теперь поймешь. Я готова пожертвовать всем, что кажется тебе таким завидным, за одно лишь слово Хоакина. Я готова последовать за ним даже в преисподнюю!

Мамочка. Побойтесь бога, сударыня.

Карлота. Теперь ты знаешь правду. Когда Хоакин держит меня в своих объятиях, и стискивает так крепко, и заставляет подчиняться любой своей прихоти, весь мир для меня исчезает: нет больше ни мужа, ни детей, ни репутации, ни самого господ бога. Есть только он, Хоакин. И лишит меня этого ты не сможешь.

Мамочка. Давно ли вы... с ним?..

Карлота. Ты хочешь спросить, давно ли я стала его любовницей? Так и говори. Два года назад. Каждую неделю, на закате, мы видимся в хижине возле Ла-Мара. В этот час негры возвращаются с плантаций и поют. Мы слышим их. Мы наизусть выучили их песни. Что еще ты хочешь узнать?

Мамочка. Больше ничего. Теперь я хочу, чтобы вы ушли.

Карлота. Ты бы не смогла жить с Хоакином. Ты слишком чиста для такого распутника. Это он сам мне сказал. Тебе нужен другой - юный, томный, нежный. Такой, как я, тебе не стать. Кровь не та. Тебе не хватает пыла, задора, воображения.

Мамочка. Вам следует уйти. Дядюшка вернется с минуты на минуту.

Карлота. Ну и что? Я скандалов не боюсь.

Мамочка. Никакого скандала не будет. Я ничего не слышала. Я ничего не знаю и не хочу знать.

Карлота. Тем не менее ты все слышала и все знаешь. И теперь этот червь будет точить тебе сердце. "Неужели это правда? Неужели это брак по расчету? Неужели он на самом деле любит ее? Неужели ему и впрямь так хорошо с ней?"

Она выходит. Белисарио, который в начале диалога увлеченно писал, роняя на пол исписанные листки, вдруг задумывается, прислушивается к разговору, а потом садится, как ребенок, на корточки у кресла Мамочки.

Мамочка (обретая свое старушечье обличье, садится в кресло). Неужели я и впрямь - девица-недотрога? Жеманница, которой вовеки не познать такого счастья, какое познала она? Неужели правда, что он был с нею вчера, что он с нею сейчас, что он будет с нею завтра?

Белисарио (сидя у ее ног). Так, значит, эта дурная женщина заставила ревновать невесту?

Мамочка. Не только ревновать. Она вселила в нее тревогу, она ее смутила, она заполнила ее невинную головку отвратительными чудищами - змеями и птицами.

Белисарио. Какими птицами? Петухами?

Мамочка (рассказывая сказку). И бедная барышня, чуть не плача, думала: "Неужели ему дорога не я, а только моя фамилия и высокое положение моей семьи? Неужели тот юноша, которого я так люблю, - бессовестный корыстолюбец?"

Белисарио. Да нет же! Кто это станет жениться из-за имени, из-за

положения в обществе? Еще из-за приданого или будущего наследства, я понимаю. Ну а это - нет.

Мамочка. Насчет наследства все было неправда. Чилийский офицер Хоакин знал, что имение давно уплыло за долги.

Белисарио. Ты запутываешь сказку.

Мамочка. Так что чилийский офицер сказал дурной женщине неправду. Барышня никакого наследства не ждала, а выходило так, что он женится на деньгах, - это казалось ему убедительней. И он обманул не только барышню, но и сеньору Карлоту.

Белисарио. Ту женщину звали Карлота?

Мамочка. Да, ее звали Карлота. (Рассеянно, сама себе.) Но она была неглупа и иногда изрекала неоспоримые истины. Вот, например: "Только отрехшись от любви, может женщина сохранить гордость".

Белисарио. Ну-у, опять ты про свое...

Бормоча что-то сквозь зубы, направляется к своему столу. Мамочка беззвучно шевелит губами, словно продолжая рассказ. Потом засыпает.

Дурная женщина... В сказках таких всегда полно. Значит, и в романтической истории ей самое место. Не робей, Белисарио, учись вот у Мамочки. Бумага все стерпит. Пусть, пусть появятся в моей повести дурные женщины, чем их больше, тем интересней. Две, кажется? Одну звали Карлота, и жила она в Такие в начале века. А другая - индеанка из Каманы, которую в двадцатые годы по неведомой причине какой-то кабальеро высек. (Пишет.) Часто они перепутывались и перемешивались, а потом в сказку попадал и тот перламутровый веер, на котором некий поэт-романтик нацарапал стихи.

Бабушка (входя). Эльвира! Эльвира! Что ты наделала? Ты с ума сошла? Как ты на это решилась? Подвенечное платье, все в кружевах, а фата - как пена морская!

Мамочка. Это было нелегко: я извела полкоробка спичек и сожгла себе все пальцы. Потом сообразила, что надо пустить в ход парафин. И дело пошло.

Бабушка. Но ведь свадьба - завтра! Гости съедутся из Мокегуа, Икике, из Арикке. Ты поссорилась с Хоаки-ном? Накануне венчания? Зачем же мы убрали весь дом живыми цветами, перевили стены гирляндами? Зачем же мы целый месяц готовили всякие лакомства, пекли пироги? Только-что привезли торт...

Мамочка. Трехэтажный? Как в той новелле Флобера? С колоннами из марципана и миндальными башенками? Мы все равно его съедем. Масполи-итальянец, должно быть, не ударил в грязь лицом: он всегда так ласков со мной...

Бабушка. Да расскажи, что случилось?! У тебя никогда не было тайн от меня. Почему ты сожгла свой свадебный наряд?

Мамочка. Потому, что не хочу выходить замуж.

Бабушка. Но почему? Ты ведь была так влюблена в него еще сегодня утром! Чем провинился Хоакин?

Мамочка. Ни в чем он не провинился. Я вдруг поняла, что замужество меня не прельщает. Хочу жить одна.

Бабушка. Не прельщает? Зачем ты говоришь неправду, Эльвира? Все барышни мечтают выйти замуж, и ты тоже. Сколько раз мы с тобой строили планы, как будем жить своим домом, гадали, какие лица будут у наших мужей, придумывали имена нашим детям. Ты забыла?

Мамочка. Забыла. Обо всем этом я позабыла.

Бабушка. Ты меня обманываешь. Не могла ты этого забыть.

Они продолжают свой диалог, но слова их не слышны. Белисарио задумчиво произносит, словно ему въяве предстали их мысли.

Белисарио. Дома у кузин будут такие же чистые и опрятные, как дом английского консула. Горничные будут ходить в безукоризненных белоснежных, сильно крахмаленных передничках и наколках, а кухни будут наставлять их в катехизисе и заставлять молиться вместе со всей семьей. А они обе всегда будут по-прежнему красивы, и мужья всегда будут влюблены в них и никогда им не изменят. И они вырастят своих сыновей настоящими мужчинами, а дочек - рачительными хозяйками. У Кармен будет четверо детишек, а у Эльвиры - шесть или восемь... (Снова пишет.)

Мамочка. Он и не подозревает, что я не выйду за него. Сегодня он отправился к портному Исайасу за своим парадным мундиром. То-то он удивится, когда слуги ему скажут, что отныне он не смеет переступить порог этого дома.

Бабушка (одолевая стыдливость). Может, это оттого, что ты... боишься, боишься первой ночи? Мамочка качает головой.

Но тогда почему же? Отказать жениху накануне свадьбы! Для этого должно было произойти что-то чудовищное!

Мамочка. Я ведь тебе уже сказала. Передумала. Замуж не пойду. Ни за Хоакина, ни за кого вообще.

Бабушка. Может быть, тебе было знамение? Может, ты хочешь посвятить себя богу?

Мамочка. Нет, в монастырь мне не хочется. Ни замуж не пойду, ни в монастырь. Буду жить, как до сих пор жила. Буду одинока и свободна.

Бабушка. Ты что-то скрываешь от меня, Эльвира. Одинока и свободна! Да есть ли что ужасней для барышни? Ты ведь сама говорила, что у тебя мороз по коже, как подумаешь о тетушке Илари, о том, как она живет одна-одинешенька, мужа нет, детей нет, дома своего нет. Она потому и тронулась малость. И ты хочешь стать такою, умереть старой девой?

Мамочка. Лучше жить одной, чем с кем попало. Я жалею только о том, что сильно огорчу Амелию и Менелао. Они уже знают, что я сожгла платье?

Бабушка кивает.

Как они деликатны! Даже не спросили, что, да как, да почему. А ведь они пошли на такие жертвы, чтобы свадьба была по высшему разряду. Господь вознаградит их за доброту...

Бабушка (целует ее в щеку). Ты никогда не останешься одна. Когда я выйду замуж - если, конечно, за меня посватается кто-нибудь, - ты переедешь ко мне!

Мамочка. У тебя тоже золотое сердце, сестричка.

Обе растроганы. Белисарио со стопкой листов прохаживается по просцениуму.

Белисарио. Нет, это, пожалуй, не любовная история, а романтическая новелла. Это несомненно. Насколько я помню, насколько могу судить по рассказам матери, кухни были неразлучны. Неужели за столько лет ни зависть, ни обида не омрачила их дружбы? Неужели не было ревности в те годы, когда они все делили поровну? (Смотрит на них шутливо.) Кроме дедушки Педро, разумеется. Дедушку Педро - нет, а детей - да. (Обходит кузин вокруг.) Ты их рожала, бабушка, а на твою долю, Мамочка, приходились и тревоги, и заботы.

Ты кормила их соской, ты им меняла пеленки, ты сидела у колыбели, ты оставалась дома, чтобы дедушка с бабушкой могли съездить в театр, в кино, или в гости, или на какое-нибудь торжество - в те времена, когда им еще было это по карману. (Подходит к столу, задирает брюки, словно ребенок, переходящий вброд ручей, и внезапно начинает подпрыгивать, как бы танцуя или играя в классики.) Но больше всего терпения потребовалось от тебя, когда в Боливии появилась на свет божий будущая надежда юриспруденции, грядущий спаситель семейства, некий Белисарио.

Во время его монолога с улицы входят Агустин и Сесар. Они целуют бабушку и сестру и подходят к креслу Мамочки, которая любезно им улыбается и склоняется в глубоком поклоне, а потом внезапно кричит.

Мамочка. Да здравствует царь Ирод! Да здравствует царь Ирод!

Белисарио, не прекращая работы, явно забавляется этим воплем. Он поворачивается вместе с креслом и, слушая Мамочку, передразнивает ее движения - подносит руки к горлу, словно душит кого-то.

Бабушка. Замолчи, Эльвира, что ты вопишь как безумная! Что за причуды - славить царя Ирода всякий раз, когда приходят мои сыновья?! Ах, мальчики, не знаю, как я жива остаюсь: с одной стороны - Эльвира, витающая в облаках, с другой - дедушка, который уже ничего не помнит. Пойду погляжу, не проснулся ли он. Ведь только что прилег.

Мамочка. Больше всех в истории мне нравится Ирод. Всех приказал поубивать! Я бы тоже так поступила, ни одного бы не оставила, даже на разживу.

Сесар (брату). А ты еще хотел, чтобы дети вылезли из машины, поздоровались бы с нею.

Мамочка. Потому что я ненавижу их! А почему? А за что? За тысячи и тысячи испачканных пеленок...

Агустин (гладит ее по голове). Всю жизнь ты ходила за чужими детьми, вот в результате и возненавидела.

Мамочка. ...за все их мокрые слюнявчики, за горшочки, за какашки, за разбитые коленки. За то, что они не дают взрослым спокойно пообедать, за то, что не умеют вести себя прилично, за все шкоды, шалости и проказы.

Амелия. Подумать только! Когда у Белисарио была оспа, она выставила меня из дому и ухаживала за ним сама.

Мамочка. За то, что они капризничают, все пачкают, бьют, ломают. И плачут.

Белисарио. Целый день ты мазала меня этой ненавистной черной мазью. Нашла коса на камень. Ты держала мне руки и рассказывала сказки, стараясь, чтобы я позабыл про зуд и не чесался. Но все равно это меня не спасло и красоты мне не прибавило.

Мамочка. ...за то, что все они эгоисты, никого, кроме себя, не любящие. Эдакие султаны, требующие, чтобы все восхищались их глупостями, притязаниями и капризами. Вот за это я, как Ирод, истребила бы всех до единого!

Сесар. А помнишь, в Арекипе я позвал в гости одноклассников? Мамочка, ты приготовила чай на тридцать человек с печеньем и пирожными! Так что мне плохо верится, что ты ненавидишь детей.

Амелия отзывает Агустина в сторону. Белисарио с интересом следит за их

разговором.

Амелия. Мне нужно поговорить с тобой.

Агустин. Да-да.

Амелия. Вот что... Я хочу тебе сказать, что больше не могу.

Сесар подходит поближе. Мамочка дремлет.

Сесар. Что стряслось?

Амелия. Не могу больше. Выдохлась, Придется нанять прислугу.

Агустин. Мы бы давно наняли, если б могли. Ведь был же уговор: мы помогаем Белисарио получить образование, стать на ноги, а ты берешь на себя заботы о стариках.

Амелия. Знаю! Но больше не могу. Здесь одной не справиться. Я с ними со всеми сама скоро с ума сойду. Они ведь совсем одряхлели. Папа ничего не помнит. Только от стола - и спрашивает, скоро ли обед. А если ему не угодишь, мама плачет.

Сесар. Тише, тише. Мамочка услышит.

Амелия. А и услышит, все равно не поймет. Мысли ее далеко. С ней еще хуже, Сесар. Я терпелива, я очень ее люблю, но всему же есть мера! Ведь она как ребенок. Целыми днями стирать ее замаранные штаны и рубахи - ведь это же кошмар какой-то! А обед готовить, а подметать, гладить, овощи чистить, посуду мыть. Все! Я отказываюсь!

Сесар (брату). И в самом деле, Агустин, им без помощницы не справиться.

Агустин. Прекрасно. Отчего бы не нанять прислугу? Найдем. Только платить будешь ты.

Сесар. Ирония твоя ни к чему. Ты ведь знаешь, в каких я сейчас обстоятельствах.

Агустин. Тогда нечего и заводить речь о прислуге! Известно ли тебе, во сколько обходится мне эта квартира? Или, может, неизвестно? Возьми-ка листок бумажки и карандашик да подсчитай. Аренда, свет, вода, охранная сигнализация... А врачи, а лекарства? А три тысячи Амелии? И прочая и прочая... Сколько выходит? Четырнадцать-пятнадцать тысяч солей в месяц. Сколько ты даешь, плача и стеная, как Иеремия? Две тысячи?

Входит бесплотный, как дух, Хоакин. Садится рядом с Мамочкой.

Сесар. И эти-то две тысячи я еле могу наскрести. Жалованья мне не хватает, я по уши в долгах, и ты это прекрасно знаешь. У меня четверо сыновей! В этом году младших пришлось отдать в муниципальную гимназию, где учатся негры и чоло...

Мамочка (открывая глаза). Чоло... Значит, это происходило там, в квартале Ла-Мар, в квартале негров и метисов... Они слышали, как поют пеоны, возвращаясь с работы.

Амелия. Твои три тысячи, Агустин, целиком уходят на оплату обучения Белисарио. Я нитки себе не могу купить! Я даже курить бросила, чтобы сократить расходы.

Белисарио (в зал, с преувеличенным негодованием). Поступить на службу? Это невозможно, мама! А кодексы? А уложения? Обычное право? Уголовное право? Частное право? Разве ты не хочешь, чтобы я стал знаменитым адвокатом? Ах, хочешь? В таком случае дай мне денег, надо купить книг... Не думал я, Белисарио, что ты можешь быть таким циником.

Агустин. Но ведь он может работать неполный день. Сотни студентов служат, не бросая университет. Я всегда помогал тебе и Белисарио, я не оставил вас после нелепой гибели твоего мужа. Но дела сейчас идут плохо, а Белисарио уже взрослый. Я могу подыскать ему место...

Сесар. Нет, Агустин, она права. Пусть окончит университет, а иначе повторится моя история. Я поступил на службу, забросил учение, и вот вам результат. Белисарио всегда был первым учеником. Он далеко пойдет, но только если у него будет диплом. В наше время... Голос его не слышен. Говорит Мамочка.

Мамочка. Я сотни раз проезжала через этот поселок к морю. Негры, индейцы, чоло бежали за экипажем, просили милостыню, тянули руки, и дядюшка Менелао говорил: "Более, ну и ногти!" Меня эти люди пугали... Издалека все эти крытые соломой домики и песчаные улочки выглядели очень мило... Но вблизи Ла-Мар - нищий, грязный, зловонный... И там бегали такие злобные псы... Неужто Хоакин виделся с Карлотой там?

Хоакин. Там. В Ла-Маре. В час нашего свидания начинался закат.

Голоса братьев и Амелии снова становятся слышны.

Агустин. Разумеется, у каждого - свои резоны, свои обстоятельства. И я могу сказать: мне надоело жить на жалованье, ездить в автобусе... Я далее не могу позволить себе жениться, ибо с тех пор, как я пошел работать, половина моего жалованья уходит на помощь родителям, Амелии, племяннику. Мне надоело, что я не имею права посидеть в ресторане, уехать в отпуск! Мне надоело перелицовывать костюмы! А поскольку мне все это надоело, я тоже буду давать не больше двух тысяч - как и ты, братец. Сколько ты, столько и я. Что тогда станет со стариками и с будущим светилом юриспруденции?

Амелия. Напрасно ты насмехаешься, Агустин! Мой сын станет знаменитым адвокатом с тысячами клиентов и баснословными гонорарами! И покуда он не окончит курс, я ему работать не позволю! Он не будет недоучкой и неудачником!

Агустин. Вроде своего дяди, это ты хочешь сказать?

Мамочка. И каждый вечер, после развода караула, когда я ждала тебя и молилась по четкам, чтобы время проходило быстрее, ты отправлялся в Ла-Мар к этой женщине и шептал ей о своей любви?..

Хоакин. О моя милая, какие у тебя сильные и нежные руки. Погладь меня вот здесь, виски. Все утро я не слезал с седла и ужасно разгорячился. Освежи меня немножко. Вот так.словно погрузил лицо в охапку свежих цветов.

Белисарио. О дядюшка, ты-то уж не заблуждался на мой счет.

Сесар. Перестаньте, перестаньте, не начинайте все сначала. Каждый день мы ссоримся из-за одного и того же. Надо все обсудить спокойно и здраво. Что-нибудь придумаем.

Амелия. Все уже придумано, Сесар. Раньше я возражала, а теперь готова согласиться.

Сесар. Понятно. Так-то лучше. (Смотрит на Мамочку.) Она уже одной ногой в могиле и перемены даже не заметит. Ты станешь больше времени уделять старикам, а им будет просторней. Да и Мамочке там будет лучше.

Хоакин осыпает страстными поцелуями руки Мамочки.

Хоакин. Но есть у тебя кое-что получше твоих рук, Карлота!

Мамочка (боязливо). Да? Что же тебе нравится в этой женщине больше

всего?

Агустин. Что ж, превосходно! Отдадим Мамочку в приют для престарелых - и кончено дело! Конечно, это ведь проще всего! Но вы, наверно, думаете о частном пансионате "Сан-Исидро", где жила тетушка Августа? Не так ли? Да, там райское житье! Там все сияет чистотой, там сиделки опекают стариков, бдят над ними ночью и выводят в садик погулять. Там, кажется, и кино раз в неделю? А знаете ли вы, сколько вся эта благодать стоит?

Хоакин. Что? Шея. Дай-ка ее поцелую, вдохну аромат твоей кожи. Вот так. Теперь я хочу поцеловать тебя в ушко, пролезть кончиком языка в это теплое гнездышко и легонько укусить эту розовую мочку... Вот за это я тебя и люблю. Ты умеешь дарить мне наслаждение. Не то что эта кукла Эльвира, у которой в жилах не кровь, а розовая водица! Она считает, что любить - это значит вздыхать над слюнявыми стишками!

Агустин. Но в "Сан-Исидро" Мамочка не поедет! Дорога ей лежит в бесплатную муниципальную богадельню! Вы там, разумеется, никогда не бывали? Не бывали. А вот я дал себе труд посмотреть, что там творится. Я увидел, как там живут в грязи и в скученности полуголые старики, как их заживо жрут блохи. А спят на полу, на вонючих тюфяках. А помещается это заведение в Санто-Кристо, рядышком с кладбищем, так что единственное развлечение этих несчастных - наблюдать за похоронами! Так вы туда намереваетесь сплавить Мамочку?

Мамочка (чуть не плача). Нас ведь еще не обвенчали, Хоакин! Ты обязан относиться ко мне с должным уважением! Ведь все это роняет меня в твоих глазах! Ведь я все делала для того, чтобы тебе не пришлось стыдиться своей жены.

Сесар. А здесь она хорошо, по-твоему, живет? Ну-ка, принюхайся, Агуст! Не ты ли говорил, что стакана молока не можешь здесь выпить - сразу начинает мутить?! Я предлагаю богадельню не потому, что очерствел сердцем, а чтобы умерить твои же расходы. Я люблю Мамочку не меньше, чем ты.

Мамочка. И что же плохого в стихах? Время тогда было такое: все обожали стихи, зачитывались ими - и мужчины, и дамы. И неправда, что у Федерико Баррето - слюнявые стишки. Он - великий поэт! Когда он написал мне это четверостишие на веере, все барышни из Такны умерли от зависти.

Амелия. А я, ты полагаешь, вовсе уж бесчувственная? Я ее кормлю, пою, укладываю и поднимаю, вожусь с нею целый божий день... Это ты в расчет не принимаешь? Но ты, ты... прав. Мы не можем отправить ее в богадельню. Да и мама никогда не позволит.

Хоакин. Ах, какой парой мы бы с тобой были, Карлота! До слез обидно, что ты замужем... И что же я получу взамен? Этого ангелочка, эту ледышечку? Да разве сумеет она понять, какая огнедышащая лава кипит в моей груди? (Говорит на ухо Мамочке.) Сказать тебе, как я поступлю с Эльвирой, когда она станет моей женой? Сказать?

Мамочка (затыкая уши). Нет! Нет! Я не желаю слушать! Замолчи!

Сесар. Ладно. Считайте, что я ничего не говорил. Забудем про богадельню. Попробую помочь, придумать что-нибудь, а по вашей милости скоро буду чувствовать себя законченным негодяем.

Хоакин. Я сам раздену ее. Я сниму с нее покрывало, платье, нижние юбки и корсаж. Стяну чулки и туфли. И все это медленно, глядя, как она краснеет, теряет от смущения дар речи, не знает, что делать, куда глядеть. Девочка, потерявшая голову от страха и стыда, - это восхитительно.

Агустин. Да спустись же на землю, Сесар. Безумными прожеками делу не поможешь. Чем фантазировать, лучше бы давал на пятьдесят фунтов больше. Вот

это была бы помощь.

Белисарио за своим столом зевает, движения его замедляются. Чувствуется, что работа наскучила ему.

Хоакин. И каждый кусочек обнажающегося тела, покрытый гусиной кожей от страха, я буду гладить, и воспалять поцелуями, и вдыхать его аромат. Ты ревнуешь, Карлота? Ты, наверно, представляешь, как мои глаза, губы, пальцы движутся пядь за пядью, как она дрожит, закрыв глаза? Ты ревнуешь, Карлота? Я хочу, чтобы ты ревновала.

Мамочка. Я тебя не слышу. Я заткнула уши и освободилась от тебя. Сейчас я еще зажмурюсь. Как бы ты ни пытался оскорбить меня и унижить... Ах, проклятая моя голова! (Бьет себя по голове, куда проникли нескромные видения.)

Амелия. Тише, папа идет.

Входят Педро и Кармен. Сыновья целуются с отцом. Белисарио бросает ручку, подпирает голову ладонью.

Белисарио (зевая). Если сегодня не допишешь, мир не перевернется. Усни, Белисарио. Поспи, Белисарио.

Дедушка. Напрасно вы переполошились. Я прекрасно себя чувствую. Этот э-э, как его, этот... пират не причинил мне никакого вреда. Ну что ж, нет худа без добра: наконец-то вы к нам пожаловали. Уж которую неделю ни слуху ни духу.

Сесар. Как, папа? Мы же вчера провели вместе весь вечер!

Хоакин. А потом, когда она перестанет сопротивляться, когда все тело ее будет увлажнено моими бесчисленными поцелуями, я заставлю ее в свой черед раздеть меня. Как ты это делаешь, Карлота. Я научу ее повиноваться. Я выдрессирую ее, как мою лошадь: она будет послушна мне и не подпустит к себе чужого. А сам тем временем я буду думать о тебе. Это распалит меня. Я буду любить ее медленно и представлять, что в моих объятиях - ты, Карлота.

Мамочка. Нет! Нет! Уходи прочь! Вон отсюда! Я не позволю тебе даже во сне, даже когда стану твоей женой. Тетушка Амелия! Дядя Менелао! Карменсита! А-а-а!

Хоакин, улыбнувшись, исчезает. Все оборачиваются к Мамочке.

Бабушка. Что с тобой? Что ты все время кричишь как сумасшедшая?

Мамочка (задыхаясь от смущения). Мне приснилось, что мой жених пытался обнять меня и положить мне руку вот сюда. Эти чилийцы - такие бесстыдники! Даже во сне норовят сделать какую-нибудь гадость. Ох уж эти чилийцы!

Крестится. Белисарио засыпает, склонившись над рукописью. Ручка выскользывает из его пальцев на пол. Слышен храп.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

При поднятии занавеса Кармен и Педро слушают воскресную мессу, передаваемую по радио. Амелия накрывает на стол. Белисарио - за своим столом. Зевает, трет глаза, перечитывает написанное. Потом, словно вспомнив что-то, вскакивает с места, потом снова опускается на стул, потом снова встает и, держась за его спинку, маленькими шажками, как древний старик, пересекает

просцениум. Он явно подражает Мамочке.

Белисарио. Когда дедушку Педро ограбили, ты еще могла ходить, Мамочка? Да, таким вот манером: как ребенок, что толкает перед собой деревянную лошадку. Из комнаты в ванную, из ванной - в кресло, с кресла в столовую, из столовой - в комнату. Твой мир сильно уменьшился в размерах! (Задумчиво повторяет последнюю фразу, точно пробуя ее на вкус.) Твой мир, Мамочка, сильно уменьшился! Хорошо, Белисарио! (Подбегает к столу, пишет.) Ну конечно, ты еще таскала ноги в то время. Ты слегла, когда дедушка умер. "Она не осознала", - говорила Амелия. "Она не отдает себе отчет", - твердили дядя. Ты не понимала, что в этом доме, населенном призраками, появилась еще одна тень? Прекраснейшим образом понимала. (Торопливо записывает что-то.) Ты ведь очень любила дедушку, да? А насколько сильно? А как сильно ты его любила? А помнишь то письмо? А та порка? А нехорошая индеанка? Во всех сказках барышни из Такны непременно фигурировали некий кабальеро и индеанка. Какова же была подоплека этой таинственной, скандальной, непристойной истории? Очень хорошо, Белисарио! "Таинственной, скандальной, непристойной"! (Яростно пишет.)

Амелия. Обедать!

Она выключает радио. Старики садятся за стол. Мамочка с невероятными усилиями встает с кресла и делает шаг вперед. Амелия бросается поддержать ее.

Ты что, хочешь себе ногу сломать? Без стула тебе ходить нельзя!

Мамочка. Я в церковь хочу. Помолиться. Сходить к мессе. Исповедаться. Надоело мне слушать службу по радио. Это совсем другое, хоть падре и говорит, что нет. Не нет, а да. Все время отвлекаешься. Какое уж тут благочестие.

Бабушка. Ты ведь со своим стульчиком целый год будешь добираться до церкви святой Фатимы. Садись-ка лучше к Педро на закорки, он тебя снесет. (Мужу.) Помнишь, как ты переносил нас через реку, когда мы отправились в Каману? Вот крику-то было! Помнишь?

Дедушка мрачно кивает.

Амелия. Папа, что с тобой? За целый день рта не раскрыл.

Бабушка. Только головой киваешь, как китайский болванчик. Ты неважно себя чувствуешь?

Дедушка. Да нет, все хорошо. Я просто хочу доесть, пока не остыл этот... как его... ну... Эта штука.

Амелия. Суп!

Бабушка. Что за манера все называть "штукой"! Забыл, как называется, - спроси! Разве ты сам не видишь? Это - суп!

Мамочка. Мерзость, а не суп.

Дедушка (с видимым усилием поддерживая разговор). Нет, отчего же? Очень вкусно. Может быть, соли чуточку недостает.

Белисарио. Все казалось ему вкусным, все называлось штукой, во всем не доставало соли. Он никогда ни на что не жаловался - разве что в последние годы, когда его, старика, никто не хотел брать на работу. За полвека супружества ни разу не повысил он голос на бабушку. И потому история с индеанкой, высеченной им, казалась совершенно невысеченной. А на соли он

попросту спятил. Он солил даже кофе с молоком, даже десерт. И все всегда было...

Дедушка. Превосходно! Просто превосходно!

Бабушка. Педро, я знаю, что с тобой. Раньше ты ходил гулять и проверял, вправду ли мир еще существует. А дети лишили тебя единственного развлечения.

Амелия. Так говоришь, мама, словно мы не пускаем его на улицу по зловредности.

Дедушка. Разве я жалуясь?..

Бабушка. Лучше бы жаловался.

Дедушка. Ладно. Чтобы доставить тебе удовольствие, завтра целый день буду все ругать и хулить.

Бабушка. Да ведь я тебя ни в чем не упрекаю, милый. Думаешь, мне не жаль, что ты томишься в четырех стенах? Вот пообедаем и пойдем с тобой погуляем, пройдемся немного. Только бы у меня ноги потом не отекали.

Амелия (собирая посуду). Ты и не притронулась к супу.

Мамочка. Это - суп? Бешеных собак таким супом кормить.

Амелия (в дверях). Скажи спасибо, что хоть такой могу приготовить. Настоящее чудо, что на те деньги, которые дают братья, умудрюсь каждый день что-нибудь состряпать.

Бабушка. Вот бы, правда, пойти в церковь... Какое это было великое утешение... Помнишь, Эльвира? Сегодня к святой Фатиме, завтра - в монастырь кармелиток. Однажды добрались даже до Мирафлорес. На каждом углу останавливались передохнуть, думали - сердце выскочит.

Мамочка. Все не могу привыкнуть, что негры на мессе поют и скачут как на своем шабаше. Настоящие святотатцы!

Амелия (внося тарелки). Негры? Где? В церкви Мирафлорес?

Мамочка. В церкви Ла-Мара.

Амелия. Мирафлорес, Мамочка.

Бабушка. Она же говорит про Такну. Тебя тогда и на свете не было.

Ла-Мар. Там жили чернокожие и чоло. Я писала акварелью виды Ла-Мара, когда училась у маэстро Модесто Молины.

Амелия. И что же, Мамочка ходила слушать мессу в негритянский квартал?

Бабушка. Да, мы ходили несколько раз, по воскресеньям. Там была такая часовенка дощатая. После того как Мамочка отказала жениху, она заявила, что будет молиться только в Ла-Маре или не будет молиться совсем. Она ведь всегда была упряма как осел.

Мамочка (отвечая своим мыслям). А падре Венансио говорит: тут нет греха, пусть пляшут сколько влезет. Господь их простит, ибо они не ведают, что творят. Этот священник - из новых...

Бабушка. Как все это было увлекательно, правда, Мамочка? Все эти мессы, новены, процессии на святой неделе. Всегда было чем заняться. Ты права: это совсем не то, что молиться одной. Когда обращаешься к господу, а вокруг тебя люди, то и молитва звучит совсем по-другому. Если б не мои ноги... (Мужу.) Знаешь, большинство людей в юности - неверующие, а под старость ударяются в религию. У тебя все вышло наоборот.

Амелия. И правда, папа! Ты не пропускал ни одной мессы, никогда не вкушал мясного по пятницам, несколько раз в год причащался. Отчего же сейчас?..

Дедушка. Не знаю, о чем ты.

Бабушка. Да-да, ты очень переменялся. Совсем в церковь не ходишь, только провожаешь нас с Мамочкой, даже колен перед алтарем не преклоняешь. А когда по радио передают богослужение, и не перекрестишься ни разу. Ты что, в

бога больше не веруешь?

Дедушка. Понимаешь, Кармен, я как-то не задумывался над этим... Забавно. Никогда об этом не думал. Мне все равно.

Бабушка. Что тебе все равно? Есть бог или нет? Тебе неважно, будем ли мы жить по смерти?

Дедушка (пытаясь отшутиться). Наверно, я с годами утратил любознательность.

Бабушка. Какие ты глупости говоришь, Педро. Чем бы мы утешались, если б не существовало бога и загробной жизни?!

Дедушка. Ну хорошо, хорошо. Есть бог, есть загробная жизнь. Стоит ли спорить по пустякам?

Мамочка. Из новых-то из новых, но он был лучшим исповедником, каких я встречала в жизни. Я про падре Венансио говорю. Речь его просто лилась, всю тебя так и обволакивала, ты пошевелиться не могла, как под гипнозом. И вот, падре Венансио, из-за этого проклятого письма и индеанки из Каманы я и совершила смертный грех.

Испуганно смолкает, глядя на бабушку и дедушку, но те продолжают есть, словно ничего не слышали. Зато Белисарио поднимает голову и с интересом прислушивается.

Белисарио. Нет никаких сомнений в том, что барышня из Такны была совершенно уверена в существовании бога и в том, что истинную веру дает лишь римская католическая апостольская церковь. Отношения ее с религией были просты и размеренны, как движения звезд на небе, - она ходила к мессе, причащалась, молилась, исповедовалась.

Мамочка с трудом становится на колени перед Белисарио, словно в исповедальне.

Мамочка. Я грешна, падре Венансио.

Белисарио (благословляя ее). Когда ты последний раз причащалась, дочь моя?

Мамочка. Две недели назад, падре.

Белисарио. Наносила ли ты обиду господу за эти две недели?

Мамочка. Я грешна в том, что позволяла гневу овладевать моей душой.

Белисарио. Часто ли это было?

Мамочка. Дважды. Первый раз - в прошлый вторник. Амелия прибиралась в туалете, мыла ванну, а мне надо было по нужде. Попросить ее выйти я стеснялась: Кармен и Педро были неподалеку, не хотелось, чтобы они слышали. Вот я ей и сказала: "Поторопись, пожалуйста, Амелия". А она продолжала возиться. Мне уже становилось нехорошо, колики начались, на лбу выступил холодный пот. И мысленно я ругала Амелию последними словами.

Белисарио. А во второй раз?

Мамочка. Да этот дьяволенок вылил мой одеколон! Мне его подарили. Мы, падре, находимся в довольно стесненных обстоятельствах, так что это был королевский подарок. Я завишу от племянников: что они мне подарят на рождество или ко дню рождения - то и хорошо. И я очень обрадовалась этому одеколону. Дивный запах. А чертенок этот отвинтил колпачок и вылил одеколон в раковину за то, что я не захотела рассказывать ему сказку. Вот, падре Венансио, как дело было.

Белисарио. А кто этот чертенок-дьяволенок? Уж не я ли?

Мамочка. Да, падре.

Белисарио. Ну, надрала ты мне уши? Отшлепала?

Мамочка. Я никогда его не бью. Разве я его бабушка? Я так, седьмая вода на киселе... Когда же я увидела пустой флакон, меня взяла такая злость, что заперлась в ванной и, стоя перед зеркалом, долго бранилась.

Белисарио. Как же ты бранилась, дочь моя?

Мамочка. Ах, падре Венансио, мне совестно повторить. Не могу.

Белисарио. Ничего. Через "не могу". Побори свою гордыню.

Мамочка. Ну, попробую. Я сказала: "Ах, чтоб тебя разорвало! Ах ты пакостник негодный! Гадкий мальчишка!"

Белисарио. В чем еще ты грешна?

Мамочка. Я трижды солгала, падре.

Белисарио. По серьезным поводам?

Мамочка. В общем, да.

Бабушка (от стола). Что ты там говоришь, Эльвира?

Мамочка. Я говорю, что сахар кончился. (Белисарио.) Был целый пакет, но я его припрятала, чтобы Кармен дала мне денег. И тотчас солгала вторично.

Бабушка. А зачем тебе самой идти за сахаром? Пусть Амелия сходит.

Мамочка. Нет-нет, я сама. Мне надо размяться. (Белисарио.) Это была ложь, падре, мне каждый шаг дается с трудом: колени болят, шатает меня все время.

Белисарио. А зачем же ты солгала, дочь моя?

Мамочка. Я хотела купить себе шоколадку. Несколько дней просто места себе не находила - так тянуло на сладенькое. Когда слышала по радио рекламу, слюнки текли.

Белисарио. Не проще ли было попросить у Педро пять солей?

Мамочка. Да ведь у него своих денег нет, падре. Его содержат сыновья, а у них у самих негусто. Он, бедняжка, неделями бреется одним и тем же лезвием и каждое утро долго правит его. Из одежды ему ничего не покупают уже давно - носит то, из чего выросли его внуки. Как же мне просить у него денег? Я пошла в лавочку, купила плитку "Сублиме" и съела прямо на улице. А вернувшись домой, положила в шкаф припрятанную пачку сахара. Вот и третья неправда.

Белисарио. Дочь моя, умерь гордыню.

Мамочка. Это ничего. Это не смертный грех. В продолжение этого диалога они постепенно занимают прежнее положение: Мамочка - в кресле, Белисарио - у ее ног.

Белисарио. А я думаю, смертный. Брат Леонсио говорил нам на уроке, что это был самый первый грех, грех Люцифера.

Мамочка. Ну и пусть. Барышне из Такны гордыня позволяет выжить. Вынести разочарования, одиночество, лишения. Не будь у нее гордыни, она страдала бы гораздо сильнее. И, кроме гордыни, у нее ничего больше не было.

Белисарио. Не понимаю, почему ты так превозносишь этот порок. Если бы эта барышня взаправду любила своего жениха, а тот повинился бы перед нею, что изменял ей с этой распутницей, она бы простила его и вышла за него замуж. Разве не лучше ли всем было от этого? Помогла ей ее гордыня? Ведь барышня из Такны так барышней и осталась.

Мамочка. Ты еще маленький и ничего в этом не понимаешь. Из всех чувств, которыми наделен человек, гордыня - самое лучшее. Она защищает его. Человек, потерявший гордость, - не человек, а тряпка половая.

Белисарио. Ну, это уже не сказка, а проповедь какая-то. В сказках должно что-то происходить, а у тебя никаких подробностей. Вот скажи, к

примеру, у барышни нашей дурные побуждения?

Мамочка (в испуге вставая). Дурные? Что ты несешь? (В ужасе.) Что это значит - "дурные побуждения"?

Белисарио. Я хотел сказать "дурные мысли". У барышни из Такны таких никогда не было?

Мамочка (умиротворенно, с трудом взбираясь на кресло). У тебя самого дурные мысли, негодный мальчишка.

Белисарио (возвращается за стол и пишет). Да, Мамочка, тут ты совершенно права. Я постоянно думаю, что под этой бесплотной оболочкой, на дне этих безмятежных глаз клокотали страсти и безотчетные порывы и что иногда они брали верх и вырывались на волю. Не может быть, чтобы повседневная рутина целиком заполняла твою жизнь. В детстве мне казалось, что ты всегда была сморщенной старушкой. Да и теперь, когда я пытаюсь представить, какой ты была в юности, у меня ничего не выходит: старушка заслоняет и вытесняет барышню. Сколько всякой всячины ты мне нарасказывала про нее, а представить ее въяве я не могу. Что случилось с нею после того, как она сожгла свое подвенечное платье и отказала жениху?

Бабушка поднимается из-за стола и идет к Мамочке. Дедушка и Амелия продолжают обедать. Дедушка время от времени яростно солил еду.

Бабушка. Эльвира, что же ты до сих пор не собрала вещи? Педро хочет выехать затемно, чтобы попасть на пристань до солнцепека. Иначе мы обгорим, у тебя ведь такая нежная кожа. (Пауза.) Знаешь, я в глубине души рада, что мы уезжаем. Когда после всех этих мучений мама умерла, мне стало казаться, что и Такна умирает. А после папиной смерти этот город мне отвратителен. Давай я тебе помогу уложить чемоданы.

Мамочка. Я не поеду с вами в Арекипу, Кармен.

Бабушка. А где же ты будешь жить? С кем ты останешься в Такне?

Мамочка. Я не хочу быть вам обузой.

Бабушка. Что за глупости, Эльвира?! Педро просто счастлив, что ты едешь с нами. Разве мы с тобой не сестры? Значит, и Педро ты - родная. Давай укладываться.

Мамочка. Со дня твоей свадьбы я ждала этой минуты. Я не спала ночами, все думала, думала, пока в казарме чилийцев не играли зорю. Я не могу жить с вами. Педро женился на тебе, а не на нас с тобой.

Бабушка. Ты будешь жить с нами - и никаких разговоров.

Мамочка. Ведь это все плохо кончится. Начнутся размолвки. Вы с Педро будете ссориться, и когда-нибудь он тебе скажет, что эта посторонняя женщина вовсе не обязана сидеть всю жизнь у него на шее.

Бабушка. Почему "всю жизнь"? Завтра ты позабудешь историю с Хоакином, полюбишь кого-нибудь, выйдешь замуж. Довольно, Эльвира! Нам завтра так рано вставать, и впереди такой долгий путь...

Белисарио (в восторге подпрыгивает на стуле). Долгий, тяжкий, трудный! Поездом из Такны в Арику. В Арике сесть на пароход и двое суток плыть до Мольендо. А сойти там на берег не так-то просто, правда, Мамочка? Это цирковой номер: с парохода на баркас вас перегрузят на канате, лебедкой, как коров. А потом - трое суток верхом по горам, где скрываются разбойники. Вот видишь, Белисарио, а ты еще нос воротил от писателей-регионалистов, а теперь сам попался на удочку местному колориту и жутким подробностям.

Бабушка. Ты не боишься разбойников, Эльвира? Я ужасно боюсь. Но это так интересно! Вот о чем надо думать, а не обо всяких глупостях!

Мамочка. Это не глупости.

Бабушка. Сама ведь знаешь, что не можешь оставаться в Такне одна. Здесь ничего нет. Даже в этот дом завтра въедут новые хозяева.

Мамочка. Я буду жить у Марии Мурги.

Бабушка. У твоей нянюшки? Час от часу не легче!

Мамочка. Она добрая. Она предложила мне поселиться у нее, в Ла-Маре, вместе с моим молочным братом. В тягость я им не буду. Я умею вышивать. Покрывала, накидки, мантильи. И еще я умею печь разные сласти. Итальянец Масполи выставит их у себя в кондитерской, а мне заплатит коммиссионные.

Бабушка. Чудно! Все как в романах! Да как же ты будешь жить в Ла-Маре, среди негров и чоло?! Ты - такая чистюля?! Помнишь, как папа называл тебя? "Барышня с норовом".

Мамочка. Может быть. Но я никогда не чувствовала себя богатой. Вот и буду жить с бедняками - там мое место. У Марии Мурги очень чисто.

Бабушка. Нет, Эльвира, я вижу, ты окончательно спятила! Как можно жить в Ла-Маре? И что он тебе дался? Что он тебя так тянет? Сначала ходила туда на мессу, потом - смотреть, как солнце садится. А теперь и насовсем туда собралась. Тебя что, околдовали? Ну ладно, хватит, я устала, а завтра вставать ни свет ни заря. Я сама уложу твои вещи. Если надо будет, Педро силой оттащит тебя на станцию.

Бабушка садится за стол и принимается за прерванный обед.

Мамочка. Какая разница - здесь оставаться или переехать к Марии Мурге? Чем эта каморка лучше Ла-Мара? (Пауза.) Мы носим башмаки, а тамошний люд ходит босиком. Там у всех вши, а у нас... (Почесывается.) А что у нас? Может, это вошь меня и кусает?

Дедушка поднимается из-за стола, идет к Мамочке.

Дедушка. Здравствуй, Эльвира. Я тебя искал. Мне надо поговорить с тобой.

Мамочка (глядит на него. Потом произносит, устремив глаза в потолок). Тебя трудно понять, господи. Иной раз кажется, ты больше любишь безумцев и проходимцев, чем добрых, порядочных людей. Педро всегда был так честен, так справедлив, а ты дал ему такую тяжкую жизнь. Белисарио встает и подходит к Мамочке.

Белисарио. Не совершаете ли вы грех, барышня, осмеливаясь выговаривать господу? Он знает, что делает, и если уж заставил Педро страдать, значит, имел для этого основания. Может быть, он хотел, чтобы загробное воздаяние показалось тому слаще.

Дедушка. Вы с Кармен - как родные, и я тоже считаю вас сестрой и люблю как сестру. Вы никогда не были и не будете чужой в нашем доме. Короче говоря, без вас мы из Такны не уедем.

Мамочка. Может быть, мой мальчик. Однако моим утлым мозгом такой премудрости не постичь. Я и так себе голову сломала, пытаюсь понять, неужели ты, господи, послал ему мучения за это письмо? Неужели за этот грех ты загубил весь урожай хлопка как раз в тот год, когда Педро мог наконец разбогатеть?

Белисарио (садясь у ее ног). Неужели он мог совершить грех? Ты мне никогда об этом не рассказывала.

Дедушка. Я вам очень благодарен, потому что знаю, как вы помогли

Кармен и делом, и советом. Не расставайтесь с нами! Вы знаете, что я уволился из компании Гибсона? Я поступил туда в пятнадцать лет, после смерти отца. Хотел стать адвокатом, как он, да не вышло. Теперь я буду управляющим имением в Камане. Будем выращивать хлопок. Надеюсь, что за несколько лет смогу стать на ноги, купить землю. Карден придется подолгу жить в Арекипе. Вы будете с нею. Сами посудите: какая же вы обуза? Вы - подспорье, а не обуза.

Мамочка. Всего-навсего одно пятнышко за всю долгую и безупречную жизнь. Всего одно, а это не в счет. И виноват-то не он, а эта распутница. Нет, я не могу понять тебя, господи. Неужели из-за индеанки ты сгубил хлопок в Санта-Круссе? И Педро заставил принять пост префекта, разоривший его вконец?

Белисарио. Мамочка, обо всех твоих печалях по этому поводу я слышан. Теперь меня интересуешь ты. Расскажи мне, как согрешил безупречный Педро.

Дедушка. Дом, который я снял в Арекипе, вам понравится. Он в новом квартале, на берегу реки. Слышно, как поет на камнях река. Из окна вашей спальни видны три вулкана.

Мамочка (по-прежнему уставившись в небо). Неужели из-за этой индеанки ты сделал так, что Педро никуда больше не мог устроиться?

Белисарио. Тошно очень, Мамочка! Так тошно, что я сейчас расстанусь с завтраком, обедом и ужином. Долой барышню из Такны! Расскажи про Педро! Он украл что-нибудь? Он зарезал эту индеанку?

Дедушка. Дом просторный, с пятью спальнями, с большим садом. Комнаты уже обставлены - и наши, и ваши. А если по божьей воле будет прибавление семейства, мебелируем и остальные. Будем уповать на судьбу и на хлопок. Я смотрю в будущее с надеждой, Эльвира. Первые пробы обнадеживают. Хлопок прекрасно приживается в тамошних краях. При усердии и некотором везении дело должно пойти на лад.

Мамочка. Никого он не ограбил и не зарезал. Он дал себя завлечь дьяволице в юбке. И это не такое преступление, чтобы так сурово за него карать, а господь послал ему должность, на которой он нищенствовал. А потом, хоть и был еще в расцвете сил и дарований, перешел на содержание детей. И он чувствовал себя до того ненужным и никчемным и так горевал из-за этого, что однажды у него в голове что-то лопнуло и он позабыл, где его дом...

Белисарио возвращается за стол и пишет.

Белисарио. Вот что я тебе скажу, Мамочка. Барышня из Такны просто-напросто была влюблена в этого господина. Это ясней ясного, хоть она и сама об этом не догадывалась и словом об этом не обмолвилась. Но в моей истории она об этом скажет.

Дедушка. Я прошу вас, Эльвира. Поедьте с нами! Будем жить вместе! Всегда! Сколько сами захотите. Я сам знаю, что навсегда не получится. Вы молоды, красивы, молодые люди в Арекипе с ума сойдут, когда вас увидят. Кто-нибудь из них тронет ваше сердце, и вы поженитесь.

Мамочка (вставая). Тут вы ошибаетесь, Педро. Я никогда не выйду замуж. Но ваши слова меня взволновали. Благодарю вас от всего сердца.

Бабушка подходит к ним.

Бабушка. Ну вот и готово, Эльвира! Чемоданы твои собраны. Остался только саквояж. Положи туда что хочешь, чтобы было под рукой. Все остальное поедет в багаже. И вот что еще: пожалуйста, с этой минуты называйте друг

друга на "ты". Где это видано, чтобы брат с сестрой вели себя так церемонно?!

Заставляет их поцеловаться. Бабушка и дедушка ведут Мамочку к столу, где каждый занимает свое прежнее место. Обед возобновляется.

Белисарио (уныло). И это любовная история? Это то, что ты собирался написать? (Бьет себя по голове.) Всегда ты запутаешься, Белисарио, вечно ты собьешься с дороги. Так и помрешь, не написав того, что хотел. Есть ведь такое определение: "Писатель - это тот, кто пишет не то, что он хочет написать - это нормальный человек, - а то, что ему диктует его демон". (Глядит на обедающих стариков.) Это вы-то - мои демоны? Я всем вам обязан, а теперь и сам стал стар, а вас и вовсе нет на свете... Но вы по-прежнему мне помогаете, по-прежнему выручаете из беды, и я должен вам все больше и больше. (Собирает бумаги, идет в столовую, где продолжается безмятежный обед.) Ну, помогите мне теперь взаправду: откройте мне глаза, просветите меня, разъясните мне все. Кто была эта распутная индеанка, вклинившаяся в сказку про безупречного кавалера и барышню из Такны? Как она-то попала в нервный центр этой семейной хроники? Она не дает тебе покоя, Мамочка? Она была кем-то высечена, она фигурирует в каком-то письме, она спуталась у тебя в голове с сеньорой Карлотой. Это оттого, что ты одинаково ненавидела их обеих. (Кружит у стола.) Как было дело? Что произошло? Мне необходимо это знать! Вы трое были безупречны? Все те сорок или пятьдесят лет, что вы прожили бок о бок? И никогда этот рыцарь тайком не брал барышню из Такны за руку? Никогда не пытался ее поцеловать? Никогда ничего между ними не было? Или же вы умели обуздывать порывы и побеждать искушения? (Возвращается за свой стол; печально.) Так только в сказках бывает.

Звонок в дверь. Входят Агустин и Сесар; целуются со стариками.

Агустин. Как ты себя чувствуешь, папа?

Дедушка. Превосходно. Просто превосходно.

Бабушка. Это неправда, Агустин. Не знаю, что с ним происходит, но он день ото дня все печальней. Бродит по квартире как неприкаянный.

Агустин. Сейчас я тебя развеселю. Мне звонили из полиции. Представь себе, они отыскали вора.

Дедушка (явно не понимая, о чем идет речь). Вот как? Это превосходно.

Агустин. Того негодяя, который напал на тебя на трамвайной остановке.

Амелия. Мало того: среди прочего добра, которое он хранил в тайнике, отыскались и твои часы!

Дедушка. Отрадные новости, сынок. (Бабушке, неуверенно.) А у меня украли часы?

Сесар. Владельца удалось установить по гравировке на задней крышке: "Пиура, октябрь 1946 года".

Голоса беседующих звучат теперь далеким, еле слышным гулом. Белисарио, задумчиво вертя ручку, размышляет вслух.

Белисарио. Пиура. Октябрь 46-го... Депутаты муниципального собрания преподнесли господину префекту свой скромный дар, а тот поблагодарил их в речи на торжественном банкете. И маленький Белисарио надувался гордостью, как индюк, потому что был внуком такого деда. (Оглядывается на сидящих.)

Кажется, этим банкетом и завершилась эпоха процветания в нашей семье, да? Потом лавиной хлынули бедствия: дедушка лишился службы, денег, здоровья, рассудка... Но в Пиуре вы со сладкой тоской вспоминали о Боливии: там жилось не в пример лучше... А в Боливии сказкой казалась жизнь в Арекипе. Ну так что, был в Арекипе золотой век?

Дедушка (он молод, весел, бодр). Ну еще бы! Скоро мы будем пожинать плоды нашего долготерпения! Хлопок пошел в рост так, что и мечтать нельзя было! Мои хозяева на прошлой неделе привезли в имение ученого агронома - весь в дипломах и ученых званиях. Так он остолбенел, поглядев на плантацию. Не верил своим глазам.

Бабушка. Ты заслужил удачу, Педро. Столько лет во всем себе отказывать, похоронить себя в этой глуши...

Дедушка. Еще он сказал, что если хватит воды - а почему бы ее не хватить? река полноводна как никогда, - то в этом году мы сможем потягаться с лучшими хозяйствами Ики.

Агустин. Папа, а ты купишь мне тогда трубочку и белый халат? Я больше не хочу быть адвокатом! Я лучше стану знаменитым доктором.

Дедушка кивает.

Сесар. А мне костюм бойскаута!

Дедушка кивает.

Амелия (садясь к нему на колени). А мне ту шоколадную куклу, которая выставлена в витрине "Иберики", да, папочка?

Дедушка. К тому времени ее уже продадут, глупенькая. Я закажу тебе другую, самую большую в Арекипе. Ну а что мы подарим нашей маме?

Мамочка. Разве ты не знаешь? Шляпы! Множество шляп! Вот с такими полями, с цветными лентами, с вуалями, с цветами, с птицами.

Все смеются. Белисарио, продолжая писать, тоже.

Амелия. А почему тебе так нравятся шляпы?

Бабушка. Это последняя аргентинская мода. Зачем я выписываю "Для тебя" и "Леоплан"? Мои шляпы цивилизуют Арекипу. Ты тоже будешь носить шляпы и увидишь, какая станешь хорошенькая.

Мамочка. И в тебя влюбится знаменитый адвокат. (Дедушке.) Придется тебе примириться с таким зятем.

Агустин. А Мамочке что ты купишь, если урожай будет хорош?

Дедушка. Что еще за "Мамочка"? Это Эльвиру вы так называете?

Амелия. Да, это я придумала. Сначала было Мама Эльвира, потом Мамочка Эльвирочка, а потом просто Мамочка.

Сесар. Все ты врешь. Это я первый стал ее так называть.

Агустин. Вовсе не ты, а я. Правда же, Мамочка?

Амелия. Ну, так что же тебе подарить, Мамочка?

Мамочка. Жареных гвоздей.

Сесар. Нет, правда! Ну что?

Мамочка (она вновь обретает свой истинный возраст). Абрикосов из Локумбы и стаканчик молодого вина.

Агустин, Сесар и Амелия смотрят на нее непонимающе.

Агустин. Какие еще абрикосы из Локумбы? Какое вино? О чем ты, Мамочка? Сесар. Наслушалась радиоспектаклей Педро Камачо, вот и повторяет.

Бабушка. Нет. Это она вспоминает свое детство. Когда мы были маленькими, Локумба славилась своими фруктовыми садами, и оттуда в Такну привозили корзины с абрикосами. Ах, какие это были абрикосы - огромные, сладкие, сочные. Абрикосы и молодое, чуть перебродившее вино - нам давали по ложечке попробовать. Его делали негры в поместье. Мамочка говорит, что еще застала рабовладение. Но она путает.

Сесар. Вечно ты все придумываешь, Мамочка! Что, вспомнила сказки, которые рассказывала нам в детстве?

Амелия (с горечью). Ох уж эти сказки! Это она виновата в том, что случилось с моим сыном. Сколько стихов выучил он наизусть по ее милости!

Белисарио (поднимает голову). Нет, это неправда. На стихи был дедушка мастер. Мамочка заставила меня выучить только одно стихотворение. Помнишь, мы читали его по очереди: строчку - ты, строчку - я. Это был сонет, который написал ей на перламутровом веере какой-то косматый поэт. (Агустину.) Я хочу кое-что сказать тебе, только это тайна. Никому ни слова. А главное - чтобы мама ничего не узнала.

Агустин. Ну разумеется! Какой может быть разговор?! Выкладывай.

Белисарио. Я не хочу становиться адвокатом. Я ненавижу премудрости, которым меня обучают в универ ситете - все уставы, кодексы, уложения. Я вызубриваю их к экзамену и немедля забываю. Честное слово. И в дипломаты я не пойду. Знаю, что для вас всех это будет потрясением, но что же делать? Душа не лежит. Совсем другое меня притягивает. Я никому еще об этом не говорил.

Агустин. Ну а к чему же у тебя лежит душа?

Белисарио. К поэзии.

Агустин (смеясь). Не обижайся, это я не над тобой смеюсь. А над самим собой. Я-то думал, ты мне сейчас признаешься в том, что тебя, например, тянет к мужчинам. Или что ты решил постричься в монахи. Поэзия - это еще полбеды. Это еще можно пережить. (Возвращается к столу; Амелии.) Можешь расстаться с мечтаньями, сестра, Белисарио не вытянет нас из нищеты. Послушай-ка меня: ему надо устроиться на службу.

Белисарио идет к письменному столу и оттуда слушает их разговор.

Амелия. Если бы ему взбрело в голову что-нибудь другое, я бы не возражала: пусть делает что хочет. Но ведь это голодная смерть! Что за профессия такая - поэт? Я возлагала на него такие надежды! Его отец перевернется в гробу, узнав про это!

Мамочка. Ты про Федерико Баррето? Тише, а то дядюшка услышит. С тех пор как появились эти злополучные стихи, он требует, чтобы даже имени его в доме не произносили.

Она улыбается всем и вежливо кланяется, как незнакомым. Белисарио, приставив пальцы ко лбу на манер рогов, "бодает" стариков, Амелию, Агустина и Сесара.

Бабушка. Отчего тебя так удивляет то, что мальчик решил сделаться поэтом? Он пошел в твоего прадедушку - отец Педро тоже писал стихи. А Белисарио с пеленок был фантазером. Помните, что он вытворял в Боливии?

Белисарио. Это Сатана! Сатана! Клянусь тебе! Он на картинках, и в

катехизисе, а брат Леонсио сказал, что он принимает обличье черного козла! Клянусь тебе всем святым, бабушка!

Бабушка. Так ведь это же не козел, а козочка.

Амелия. И козочку эту подарил тебе дедушка ко Дню Независимости. Неужто ты думаешь, что он прислал нам дьявола?

Белисарио (рыдая). Это Вельзевул! Говорю вам! Клянусь господом! Я ведь проверил! Я окропил его святой водой! Он так и взвился!

Агустин. Должно быть, вода была недостаточно святая.

Белисарио (с плачем бежит к Мамочке). Знаешь, мне до сих пор снится в кошмарах эта боливийская козочка! Такая огромная, такая страшная. Это не козочка, а козел, это воплощение Сатаны! Да-с, ничего себе любовная история...

Мамочка (так, словно успокаивает невидимого ребенка). Не смейтесь над ним. Не плачь, бедненький, не плачь. Я тебе верю, я! Иди ко мне.

Амелия. А что это ты все молчишь, папа? Тебе нехорошо? Папа! Папа!

Дедушка (держась за голову). Голова что-то кружится. Все плывет...

Бабушка, Амелия и братья в тревоге окружают его.

Сесар. Надо вызвать врача! Скорей!

Агустин. Подожди. Давай-ка перенесем его в спальню.

Дедушку уносят. Мамочка остается неподвижна.

Мамочка. Неужели это из-за индейки? Такая кара за грех молодости?

С трудом поднимается и, держась за спинку своего стульчика, начинает медленный и тяжкий путь к креслу.

Белисарио. Ну, кажется, мне пришло время узнать эту тайну. Что же это был за грех молодости?

Мамочка (с трудом переползая в кресло). Нечто ужасное приключилось с барышней из Такны, мой мальчик. И все из-за этого письма. И из-за этой дурной женщины. (Замолкает, собираясь с силами.) Бедная барышня! Ее заставили согрешить помыслами.

Белисарио. Да какое письмо? Начни с самого начала.

Мамочка. Письмо, которое кабальеро написал своей жене. А жена была ближайшей и закадычнейшей подругой нашей барышни. Они очень любили друг друга и даже жили вместе. Они были как родные сестры, и потому, когда одна вышла замуж, другая поселилась с ней и с ее мужем.

Белисарио. В Арекипе дело было?

Мамочка (она наконец уселась). Славные тогда пришли времена. Казалось, что урожай хлопка будет обильным, что кабальеро выручит много денег и купит собственное имение, ибо пока он всего лишь управлял чужим.

Белисарио. Знаю, знаю, супругов Сайд, в Камане. Я все это давно знаю. Ты мне про письмо расскажи, про индейку.

В глубине сцены показывается дедушка. Он садится. Показывается сеньора Карлота с метелочкой из перьев. Она одета так же, как и в первом акте, но сейчас исполняет роль горничной. Она вытирает пыль, с вызывающим видом вертеться на глазах у дедушки, и тот против воли начинает следить за ней взглядом.

Мамочка. Камана - это было где-то у черта на рогах. Крошечный поселок, там даже церкви не было. Грязь, бездорожье. Ну вот наш кабальеро и не хотел, чтобы его жена заживо похоронила себя в такой глуши. Он ее вместе с барышней и оставил в Арекипе, где было какое-никакое общество. А сам целые месяцы проводил в разлуке. Он был добрый человек и со всеми пеонами и слугами обходился очень мягко. До тех пор, пока...

Дедушка. "Милая моя жена, любовь моя! Пишу тебе, терзаясь угрызениями совести. В нашу первую ночь, ты помнишь, мы поклялись друг другу хранить любовь и верность до гробовой доски. И ничего не таить друг от друга. За пять лет нашего брака я неукоснительно выполнял эти обеты, как и ты, моя жена, затмевающая своей чистотой святых..."

Сеньора Карлота, расхрабрившись, сбрасывает с себя, точно мучаясь от жары, блузку.

Белисарио. Это барышне из Такны написал наш кабальеро такое письмо?

Мамочка. Нет, своей жене. Письмо пришло в Арекипу и, прочитавши его, супруга сделалась бледна как полотно. Барышне пришлось дать ей валерьянки, потереть спиртом виски. Супруга кабальеро ушла к себе в комнату, заперлась там, и барышня услышала душераздирающие рыдания. Не зная покоя от любопытства, она в тот же вечер перерыла весь дом. И знаешь, где обнаружилось письмо? В шляпе. Они обе очень любили шляпы. И вот в злую для себя минуту барышня письмо прочитала.

Дедушка притягивает к себе Карлоту, которая с деланным изумлением и негодованием сопротивляется, но после недолгой борьбы уступает. Дедушка сажает ее к себе на колени и, лаская ее, продолжает вслух читать свое письмо.

Дедушка. "Мне легче причинить тебе страдание, чем солгать, моя дорогая. Я не нашел бы себе места, зная, что обманул тебя. Вчера, впервые за эти пять лет, я был тебе неверен. На коленях умоляю тебя о прощении. Это оказалось сильнее меня. Это было как ураган, с корнем вырывающий деревья, - так вожделение смело мои принципы, мои клятвы. Я решился рассказать тебе обо всем, хотя, может статься, ты проклянешь меня. Виновата наша долгая разлука. Жить без тебя, мечтать о тебе в Камане было сущей пыткой. Было и есть. От этих мыслей кровь закипала у меня в жилах. Мне хотелось все бросить и сломя голову примчаться в Арекипу, ворваться к тебе, схватить тебя в объятия..." (Голос его затихает.)

Мамочка. Все завертелось тогда перед глазами у нашей сеньориты: ванная комната, где она читала письмо, закружилась как волчок, а квартира, Арекипа, весь мир колесом покатались в бездну, увлекая ее за собой. Сердце ее готово было разорваться. Стыд жег ей щеки.

Белисарио (очень серьезно). Отчего же ей было так стыдно? Оттого, что она узнала о том, как кабальеро спознался с горничной?

Дедушка и Карлота соскальзывают на пол.

Мамочка (трепеща). Да, оттого. Она не могла постичь, как может кабальеро хотя бы прикоснуться к чужой женщине, да еще к распутной индейке.

Белисарио. Что же, ей никогда не приходилось читать о том, как мужчина

прикасается к женщине?

Мамочка. Наша барышня была особой строгих правил и подобных книг не читала. И потом, одно дело - прочесть такое в книжке, и совсем другое - в письме, автора которого она знала. И вот она читала это письмо, читала и перечитывала и все никак не могла поверить, что кабальеро мог совершить подобный поступок.

Дедушка. "Имя этой женщины не имеет значения. Это одна из тех, кто прибирал в гостинице, несчастное, убогое существо, скорей животное, чем человек. Не она прельстила меня - обнимая ее, я вспоминал тебя, и, думая о тебе, тоскуя по тебе, я поддался безумному порыву и овладел ею. Это было похоже на случку диких зверей. Ты должна знать все..."

Белисарио (теперь он тоже дрожит и выговаривает слова так, словно они жгут его). И всего-навсего из-за этого сделалась его супруга бела как полотно? И из-за такой малости барышне показалось, что мир летит в пропасть? Ты ничего не скрываешь от меня? Может быть, потом наш кабальеро придушил индеанку?

Мамочка. И внезапно барышня ощутила кое-что похуже головокружения. Ее затрясло так, что пришлось присесть на край ванны. Письмо было так недвусмысленно и откровенно, что ей показалось, будто все это происходило не с индеанкой, а с нею самой.

Дедушка. "И в моих объятиях это существо стонало от наслаждения. Но я любил не ее, а тебя. Глаза мои были закрыты, и я видел тебя, и вдыхал аромат твоей кожи - это он пьянил меня..."

Белисарио. Но каким же образом заставило это письмо нашу барышню согрешить в помыслах?

Мамочка. Ей представилось, что кабальеро овладел не индеанкой, а ею.

Дедушка. "И каким же кошмаром было, открыв глаза, обнаружить это чужое плоское лицо... Прости, прости меня. Я проявил слабость, но думал только о тебе и желал одну тебя. Мне так тебя не хватало..."

Белисарио. В чем же тут грех-то, не понимаю! Это не грех, а глупость, блажь. И потом, о какой это сеньоре Карлоте ты толкуешь? Это не та ли распутница из Такны?

Мамочка. Разумеется, грех. Разве не грех - причинить ближнему ущерб? И если уж барышне взбрело в голову, что кабальеро с нею так обошелся, не заставила ли она тем самым согрешить и его? Как же ты не понимаешь?

Дедушка жестом, в котором сквозит отвращение, велит Карлоте уйти и она выходит, послав Мамочке насмешливый взгляд.

Дедушка. "Я приеду в Арекипу и у твоих ног вымолю себе прощение. Ты вольна назначить мне самое тяжкое наказание, и я приму его с радостью. Будь великодушна и пойми меня, любовь моя. Целую, люблю тебя больше чем когда-либо. Твой Педро..."

Мамочка. И дурные мысли были мне карой за то, что прочла чужое письмо. Впредь будет наука: не суй нос куда не просят.

Белисарио. Я кое-чего так и не уразумел. Отчего же кабальеро высек индеанку? Ты говорила, что она была развратна, а он чист и честен. Так что же она совершила?

Мамочка. Да, уж наверно, что-нибудь ужасное, если бедный кабальеро потерял голову. Наверно, она была из тех гадких женщин, которые заводят речь о страсти, о наслаждении и о прочих гадостях.

Белисарио. А барышня из Такны призналась на исповеди в своих

недостойных помыслах?

Мамочка. И самое ужасное, отец мой, в том, что когда я читала это письмо, то испытывала такое, чего объяснить не могу... Какое-то возбуждение, нехорошее жгучее любопытство. А потом даже позавидовала той, о ком писалось в письме. Грешные мысли обуяли меня.

Белисарио (в роли падре Венансио). Дьявол всегда на страже, он не упустит случая снова, как когда-то, подвергнуть искушению Еву.

Мамочка. Со мною такого никогда еще не бывало, отец мой. Мне случалось порою и завидовать, и мечтать, как я отомщу. Случалось и впадать в гнев. Но такого еще не было! И мысли эти были связаны с человеком, которого я так глубоко уважаю. Ведь это хозяин дома, где я обрела приют, муж моей кухни, давший мне кров!..

Белисарио (идет к письменному столу). Что ж, барышня из Такны, брат Леонсио всегда советовал в таких случаях пасть на колени, где стоишь, и воззвать к Пречистой Деве. Про себя или в полный голос, как придется. (Подражая Леонсио.) "Мария отгонит искушение, как вода - кошку".

Мамочка (обращаясь к невидимому Белисарио). Когда мы с твоей бабушкой Кармен были еще маленькими и жили в Такие, нас вдруг обуяло благочестие. Мы накладывали на себя епитимьи гораздо более суровые, чем этого требовал наш исповедник. А когда мама твоей бабушки - тетя Амелия - заболела, мы дали обет, чтобы господь ее исцелил. Знаешь какой? Мыться только холодной водой. (Смеется.) И к тому же - каждый день. В те времена это было не принято, нас бы сочли сумасшедшими. Эту моду потом завезли к нам янки. Мытье - это было целое дело! Служанки грели воду, наглухо запирали все двери и окна, готовили ванну с ароматическими солями... После мытья полагалось немедля лечь в постель, чтобы не получить воспаление легких. А мы с твоей бабушкой ради спасения тети Амелии опередили свою эпоху. Целый месяц мы каждое утро мылись ледяной водой. Выскакивали из ванны все в пупырышках и с посиневшими губами. Тетушка выздоровела, и мы думали, что это наш обет ей помог. Однако через два года она снова слегла и теперь уже навсегда. Долго она умирала, много месяцев, так долго, что непонятно было, за что ей такие муки. Иногда в толк нельзя взять господя... Вот, к примеру, твой дедушка Педро. Разве справедливо, что у него, такого честного и доброго, жизнь не задалась?

Белисарио (поднимая голову от рукописи). А ты-то сама? У тебя разве задалась? Тебя-то за какие грехи бог наказал? За то, что прочитала это письмо? За то, что барышня из Такны прочитала некое письмо? Да было ли оно вообще, письмо это?

Мамочка достает из складок своего платья перламутровый веер и, прежде чем начать обмахиваться, подносит его к глазам, читает, боязливо оглянувшись по сторонам. Белисарио произносит первую строку нацарапанного на веере стихотворения.

Белисарио. Дивясь Эльвиры красоте чудесной...

Мамочка (продолжая). В сомненье пребываю всякий раз...

Белисарио. Стремясь понять, не ангел ли небесный...

Мамочка. Или богиня к нам сошла сейчас...

Белисарио. Достойна счастья, ибо ты прелестна...

Мамочка. Но во сто крат счастливей тот из нас...

Белисарио. На ком ты остановишь выбор лестный...

Мамочка. И кроткий взор твоих волшебных глаз...

Белисарио. А я, поэт, убогий и смиренный...

Мамочка. Твоей красотой смертельно уязвленный...
Белисарио. Свой жалкий век в неизвестности влачу...
Мамочка. Прими любовь мою и просьбу с нею...
Белисарио. Владыкой стать твоим я не посмею...
Мамочка. Как верный раб, служить тебе хочу.

Белисарио снова принимается писать. Входит плачущая Амелия, садится на стул, вытирает глаза. Мамочка как будто дремлет в своем кресле с меланхолической улыбкой на губах. Входит Сесар.

Амелия. Умерла?

Сесар кивает. Амелия, прикинув к нему, плачет. Сесар издает нечто вроде рыдания. Входит Агустин.

Агустин. Ну хватит, успокойтесь! Теперь надо подумать о маме. Как она это перенесет?

Сесар. Надо будет держать ее на успокаивающих, пока она не смиритесь с потерей.

Амелия. Какой ужас, какой ужас... Сердце разрывается.

Сесар. Началось разрушение семьи...

Белисарио (в зал). Мамочка умерла?

Агустин. Угасла как свеча. Потеряла слух, потом ноги отказали, потом руки. А сегодня сердце остановилось.

Белисарио (та же игра). Правда, что Мамочка умерла?

Амелия. Да, сынок. Господь взял ее к себе на небо.

Сесар. Но ведь ты же мужчина, Белисарио, ты не будешь плакать?

Белисарио (плача). Конечно, нет! Зачем же плакать? Мы ведь все когда-нибудь умрем, правда?

Сесар. Ну-ка вытри слезы и веди себя как подобает.

Белисарио. А как? Как подобает великому адвокату, которым я стану, правда, дядя Сесар?

Амелия. Да-да, мой мальчик, как подобает великому адвокату.

Агустин. Посиди с мамой, Амелия. Не оставляй ее одну. Нам нужно заняться похоронами. (Сесару.) Сам понимаешь, на это потребуются деньги. Похороним, конечно, как можно скромней, но все равно предстоят расходы.

Сесар. Ладно. Я поднапрягусь и помогу тебе, хотя дела мои плохи. Помогу.

Агустин. Да не мне, а Мамочке, она ведь тебе такая же родня, как и мне... Надо уладить дело с муниципалитетом. Еще кладбище...

Агустин и Сесар выходят на улицу. Мамочка неподвижно сидит в своем кресле. Белисарио кладет ручку; на лице его отражаются разнообразные чувства: удовлетворение оттого, что работа наконец-то завершена; смутная тоска - ведь что-то кончилось и ушло безвозвратно.

Белисарио. Нет, это не любовная история, не романтическая новелла. А что же тогда? (Пожимает плечами.) Никогда не перестану удивляться тому, каким непостижимым образом рождаются эти истории. Они снабжены подробностями, которые ты считал позабытыми и которые в самый неподходящий момент всплывают в памяти - и для того лишь, чтобы воображение их опровергло. (Глядит на Мамочку.) Я помню лишь, какой ты была в последние

годы, я вижу только крошечную старушку, скорчившуюся в своем кресле. (Поднимается, подходит к Мамочке.) Ты была очень хорошая. Но ведь ничего другого тебе не оставалось, правда? Знаешь, зачем я взялся рассказывать историю твоей жизни? Так вот, знай: я не стал ни адвокатом, ни дипломатом, ни поэтом; я занялся ремеслом, которому скорей всего ты меня обучила: я рассказываю сказки. Вот поэтому я и рассказал о тебе. Я отдаю тебе давний долг. Истина была тебе неведома, и потому пришлось прибавить к твоим воспоминаниям то, что я просто выдумал или украл там или тут. Не так ли поступала со сказками барышня из Такны, а, Мамочка?

Он закрывает ей глаза, целует ее в лоб. Идет в глубину сцены, а за его спиной медленно опускается занавес.